

А. П. Белковец

РОССИЯ
В НЕМЕЦКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЖУРНАЛИСТИКЕ
XVIII В.

Г. Ф. МИЛЛЕР

*и
А. Ф. БЮШИНГ*

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Л. П. БЕЛКОВЕЦ

РОССИЯ В НЕМЕЦКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЖУРНАЛИСТИКЕ XVIII в.
Г. Ф. МИЛЛЕР
и А. Ф. БЮШИНГ

Под редакцией д-ра ист. наук Б. Г. Могильницкого

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1988

Белковец Л. П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. — 286 с. — 2 р. 20 к. 500 экз. 0502000000.

В монографии впервые в советской историографии освещаются немецко-русские связи в области исторической науки века Просвещения. Предметом исследования в ней является немецкая историко-географическая журналистика, формировавшая научное представление о России в Западной Европе. Возникновение и развитие ее связано с именами видных представителей исторической науки XVIII в. одного из первых членов Петербургской Академии наук Г. Ф. Миллера и крупного публициста-русиста А. Ф. Бюшинга. На широкой источниковой базе и с учетом трудов историков ГДР, где ведется плодотворное изучение немецко-русских культурных связей, в монографии представлено диалектическое взаимодействие двух национальных культур, имевшее большое влияние на все западноевропейское Просвещение.

Для историков, специалистов в области истории и историографии России и всех интересующихся историей науки и культуры.

Рецензент — д-р ист. наук Л. Н. Хмылев

Б 0502000000 — 17—89
177(02)—88

Введение

Эпоха Просвещения сыграла выдающуюся роль в развитии диалектического взаимодействия национальных культур в Европе. Особое значение приобрело включение в это время в процесс взаимной отдачи, взаимовлияния и взаимообогащения культур славянских народов, оставшихся ранее в известной степени в стороне от развития общеевропейской культуры. В XVIII в. сформировались многообразные немецко-славянские литературные, культурные и научные связи, заложившие прогрессивные традиции духовного общения и понимания между народами.

Начиная с Г. В. Лейбница, многие выдающиеся представители немецкого Просвещения пришли к важному выводу, что изучение культуры, истории и языка славянских народов должно стать составной частью как немецкой, так и вообще европейской науки и образования¹.

Важную роль в процессе взаимодействия славянских культур с культурами других европейских народов сыграли в XVIII в. Германия и Россия. Именно эти страны, имевшие исторически сложившиеся тесные и разносторонние связи, оказались полпредами в развитии культурного и научного сотрудничества Западной Европы и славянского мира. Германия географически была расположена ближе к России, чем другие западноевропейские государства, сказывалась близость социально-

¹ См.: Цигенгейст Г. Славянские культуры и их место в развитии европейской культуры в XVIII—XX вв. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв.: Материалы международной конференции ЮНЕСКО. М., 1978. С. 324.

экономических отношений обеих стран, где на протяжении XVIII столетия продолжали господствовать феодально-крепостнические отношения, вступавшие во все усиливавшееся противоречие с нарождавшимся в недрах феодализма капиталистическим укладом. Передовая общественность России и Германии, развивая просветительские идеи, поднималась до осознания неправомерности существования крепостного права и необходимости его уничтожения.

В XVIII в. все более тесными становились родственные узы правящей в России династии с немецкими владетельными князьями и шел интенсивный рост переселения немцев в Россию. Последняя нуждалась в большом количестве специалистов и гостеприимно открывала свои двери перед учеными, педагогами и другими деятелями культуры, перепроизводство которых имело место в раздробленной Германии с ее многочисленными университетами, театрами и другими культурно-просветительными учреждениями². Немецкие просветители, благодаря разносторонней деятельности которых Германия стала важнейшим центром обмена культурными ценностями между Россией и остальной Европой, располагали наиболее многочисленной сетью своих представителей в России, «российских корреспондентов», которые поставляли им научную информацию.

Уже в первые десятилетия XVIII в. в Германии формируется несколько крупных центров раннего немецкого Просвещения, из которых исходит первая научная информация о России — Лейпциг, Йена, Галле. Лейпцигские научные журналы («Acta eruditorum», «Europäische Fama», «Neue Zeitungen von gelehrten Sachen») проявляют в высшей степени доброжелательный интерес к политическому курсу России, к личности Петра I, к русской культуре³. Развившееся под флагом пиетизма в Галле и Йене интенсивное изучение Востока приводит к установлению разнообразных русско-немецких связей,

² См. Дружинина Е. И. Русско-немецкие культурные связи и освободительная война 1813 года: (Доклад на сессии Комиссии историков СССР и ГДР в Германской АН в Берлине, посвященный 150-летию освободительной войны 1813 г. 16 окт. 1963 г.) // Вопросы истории. 1964 № 3 С 170—173

³ См.: Grasshoff H., Lauch A., Lehmann U. Humanistische Traditionen der russischen Aufklärung, Berlin, 1973. S. 186.

материал о которых обобщен в известных монографиях Э. Винтера⁴ и О. Файля⁵. С конца XVII в. в Галле начинается систематическое изучение русского языка.

Со времени создания Академий наук в Берлине и Петербурге начинается, как считает видный знаток немецко-русских научных связей XVIII в. Петер Гофман, новый этап в процессе изучения России в Германии, характеризующийся более быстрыми темпами, особенно в написании русской истории. С этого времени возникает оживленный литературный обмен между этими двумя странами, обязанный прежде всего деятельности в Петербургской Академии наук историков немецкого происхождения⁶.

Исследования историков ГДР, проведенные в последние десятилетия, выявили важную роль, которую сыграли в развитии немецко-русской «взаимности» немецкие ученые, работавшие в России, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлецер, Г. Л. Х. Бакмейстер, А. Ф. Бюшинг⁷. Своими работами, имевшими широкое распространение в Германии — посреднице западноевропейского Просвещения, своей издательской и журнальной деятельностью они способствовали повышению авторитета русской науки и культуры в Западной Европе, создавали верный облик современной России, будили у зарубежных читателей интерес к ее прошлому и настоящему.

У истоков тесных немецко-русских связей в области истории стоит в XVIII в. петербургский академик Герард Фридрих Миллер. «Во всей Европе, — писал Ульф Леман, — Миллер пользовался авторитетом знаменитого

⁴ См.: Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert, Berlin, 1953.

⁵ См.: Feyl O. Beiträge zur Geschichte slawischer Verbindungen und internationalen Kontakte der Universität Jena. Jena, 1960.

⁶ См.: Hoffmann P. Zur deutschen Russlandkunde und zum deutschen Russlandbild des 17. und 18. Jahrhunderts // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 1978. H 8 S 712.

⁷ См.: Hoffmann P. Gerhard Friedrich Muller Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten für den Russlandbild des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1958 (Maschinenschrift); Mohrmann H. Studien über russisch-deutsche Begegnungen in der Wirtschaftswissenschaft. Berlin, 1959, Mühlpfordt G. Ein deutscher Russlandkenner des 18. Jahrhunderts // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 1954 Beiheft 1. S 40—62, Lehmann U. Der Gottschedkreis und Russland. Berlin, 1966, Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1973.

историка и географа. Библиография хвалебных рецензий на его труды, на частые переиздания старых и издания новых, как и на переводы их на различные языки, заполнила бы многие страницы». «Миллер, — считал Леман, — был одним из самых читаемых авторов, так как в его трудах снова и снова ставились важные для западноевропейцев вопросы, как Россия нашла свой путь исторического прогресса»⁸.

Самым популярным из его трудов был, несомненно, издававшийся в Петербургской Академии наук на немецком языке «знаменитый», по словам С. М. Соловьева⁹, исторический журнал (или сборник) «Sammlung russischer Geschichte» («Собрание Российской истории»; 1732—1764 гг.). Иностранная журналистика в России вообще сыграла огромную роль в удовлетворении читательского интереса к России в Западной Европе. П. Н. Берков привел в 1958 г. перечень 25 изданий на немецком и частично на латинском языках, выходивших в России в течение XVIII в. Выдвигая перед исследователями задачу их изучения, он писал, что «немецкая журналистика в России пока еще terra incognita. Она действительно требует обработки и разработки», поскольку большинство изданий из этого перечня еще ни разу не было перед глазами исследователей. Рассмотрение русских материалов о литературе, театре, музыке, образовании в немецких журналах, считал он, должно стать одной из главных задач изучения немецко-русской взаимности в XVIII в. «Перед исследователем лежит огромное неовозделанное поле, — писал Берков, — сделаны лишь самые первые шаги, и идущего по этому пути ждут интересные открытия... В деятельности лучших сынов немецкой нации и в самой Германии, и в России проявилось явное стремление познать друг друга, приблизиться друг к другу»¹⁰.

С точки зрения историка, эта задача должна рассматриваться шире, включая в себя изучение материалов об историческом прошлом России и ее современном состоянии (торговле, промышленности, сельском хозяй-

⁸ Grasshof H., Lauch A., Lehmann U. Op. cit. S. 195.

⁹ Соловьев С. М. Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Современник. 1854 № 9. С. 116

¹⁰ Berkow P. N. Deutsch-russische kulturelle Beziehungen im 18. Jahrhundert // Die deutsch-russische Begegnung und Leonard Euler Berlin, 1958 S. 71—75.

стве, государственных учреждениях, законодательстве, науке и т. п.), а также постановку вопросов теории и методики исторического познания. Нельзя сказать, что мы продвинулись вперед в этом изучении с конца 50-х гг. Даже о «Собрании Российской истории» Миллера, которое стоит на первом месте среди немецких журналов, выходивших в России в XVIII столетии, что обуславливалось его научным характером, авторитетом издателя, сравнительной длительностью издания, а главное, тем резонансом, который оно вызывало у научной общности Германии, мы находим в литературе лишь краткие¹¹, чаще случайные упоминания¹². Не стало оно предметом специального рассмотрения и у историков ГДР, обративших внимание лишь на постановку в нем вопросов географии России и его антикрепостнические тенденции. Среди трудов историков ГДР в этом плане может быть названа как образец монография Аннелиес Лаух о Л. Х. Бакмейстере и его «Русской библиотеке», библиографическом немецкоязычном журнале, выходившем в Петербурге, Риге и Лейпциге в 1772—1787 гг.¹³

Важную роль в сообщении научной информации о России, в развитии немецко-русских научных связей играла в XVIII в. передовая печать в самой Германии. Продолжая традиции ранней лейпцигской просветительской журналистики, немецкие газеты и журналы прояв-

¹¹ Этот журнал имел в виду Н Сазонов, когда в 1835 г. писал об исторических заслугах Миллера «Он сделал известными все почти главнейшие внутренние источники русской истории, изданием их или подробным о них известием познакомил иностранцев с отечеством нашим, представил его в настоящем виде» (Сазонов Н. Об исторических трудах и заслугах Миллера // Учен зап Мос ун-та. 1835 Ч 9 № 2. С. 319).

¹² См. Куник А. В. Введение об ученых сборниках и периодических изданиях имп. Академии наук с 1726 по 1852 год // Учен. зап. имп. Академии наук по первому и третьему отделениям СПб., 1852 Т 1 Вып 1. С. XLIX—L; Соловьев С. М. Указ соч. С. 115—150, Пекарский П. П. История имп. Академии наук. СПб., 1870 Т 1 С. 318—319, Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., Л., 1937 Т 1. С. 59—144; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961 Ч 1 С. 211; Алпатов М. А. Неугомонный труженик: О научной деятельности академика Г. Ф. Миллера // Вестн. АН СССР 1982 № 3 С. 117—124.

¹³ См. Lauch A. Wissenschaft und kulturelle Beziehungen in der russischen Aufklärung Zum Wirken H. L. Gh Bacmeisters Berlin, 1969.

ляют к России пристальный и все возрастающий интерес. Ц. Хиллерт, изучавший лейпцигские газеты, установил, например, что в 1767 г. в них было помещено 144 сообщения о России, в 1771 г. таких сообщений становится 619¹⁴. По данным У. Лемана, «Гамбургский магазин» за пятнадцать лет середины века опубликовал около 30 различных сообщений, переводов, рецензий и статей, посвященных русской науке и культуре¹⁵. Интересные материалы о публикациях на русскую тему в журналах Грейфсвальда, Йены, Галле и других научных центров Германии сообщают в своих работах Г. Рааб¹⁶, О. Файль¹⁷, Г. Мюльпфордт¹⁸.

Особое место принадлежало в Германии в XVIII в. исторической журналистике, выполнявшей не только научную, но и воспитательно-образовательную функцию. Она играла ту же роль, какую с начала XIX в. возьмет на себя журналистика общественно-политическая. В силу своей энциклопедичности исторические журналы были любимым видом литературы для читающей публики. Каждый мог найти в них все, что хотел, писал один из первых историков немецкой журналистики XVIII в., исследователи древностей — древние грамоты и прочие редкости, юристы — материалы по государственному праву, теологи — по церковному праву, дипломаты — генеалогии, гербы и придворные истории, горожане и крестьяне — новости, анекдоты и шутки. Поэтому историческая журналистика проникала во все слои общества, удовлетворяла жажду знания, будила фантазию, побуждала к поиску¹⁹.

¹⁴ См.: Hoffmann P. Zur deutschen Russlandkunde und zum deutschen Russlandbild des 17. und 18. Jahrhunderts S. 711.

¹⁵ См.: Lehmann U. Der Gottschedkreis und die Moskauer und Petersburger Aufklärung // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts Berlin, 1963. Bd 1. S. 93.

¹⁶ См.: Raab H. Die Anfänge slawistischen Studien in deutschen Ostseeraum unter besonderen Berücksichtigung von Meklenburg und Vorpommern // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Greifswald Jahrgang V (1955—1956). Gesellschaft und sprachwissenschaftliche Reihe. S. 339.

¹⁷ См.: Fayl O. Op. cit. S. 17.

¹⁸ См.: Mühlpfordt G. Zur Rolle der Universität Halle und Moskau in den deutsch-russischen Beziehungen seit der Aufklärung // Jahrbuch für Geschichte der deutsch-slawischen Beziehungen Halle, 1956 S. 103—123.

¹⁹ См.: Pruss R. G. Geschichte der deutschen Journalismus. Hannover, 1845. Erster Theil. S. 375.

Интересы немецкой буржуазии в отношении разностороннего знания России удовлетворялись во второй половине XVIII в. в значительной степени благодаря изданием Антона Фридриха Бюшинга (1724—1793 гг.). Видный ученый-энциклопедист, он сумел сказать свое слово в различных областях научного знания. Он был педагогом, философом, биографом и библиографом, статистиком, историком и географом, многое сделал для становления и развития новых научных дисциплин, выдвинутых к жизни веком Просвещения. К их числу принадлежали статистика и политэкономическая география. Бюшинг был автором крупного труда «Новое землеописание», который начал выходить в 1754 г. и пополнялся новыми томами вплоть до его смерти. Этот труд был переведен почти на все европейские языки, и только при жизни автора некоторые его тома выдержали по восемь изданий. Не меньшее значение имело «Руководство к основательному и полезному познанию географического и политического состояния европейских государств» (1763), теоретический труд, в котором были изложены основные начала новой географической науки. Оба эти труда Бюшинга были переведены на русский язык и изданы в России. С 1763 по 1778 г. в России вышло двенадцать книг Бюшинга, в том числе те части «Землеописания», которые были посвящены Турецкой империи, Английскому королевству, Португалии, Пруссии, Венгрии, Польше, Испании, Швейцарии, Азии и Аравии. Дважды издавался в России первый том, содержащий описание Российской империи (1763 и 1766 гг.)²⁰. Два русских издания имело и «Руководство» (1766²¹ и 1801 гг.). На протяжении многих десятилетий эти книги были главным учебным пособием по географии, а также послужили образцом для последующих описаний. «А ты, милый друг читатель, если лучшее познание

²⁰ Д. Антона Фридриха Бюшинга из сокращенной его географии три главы о географии вообще, о Европе и о Российской империи, переведены с немецкого на русский язык Иваном Долинским. Печатано при Имп. Московском университете 1766 года.

²¹ Антона Фридриха Бюшинга руководство к основательному и полезному познанию географического и политического состояния европейских государств и республик, переведено с немецкого Алексеем Разумовым в Санкт-Петербурге при Имп. Академии наук 1763 года.

о странах сих иметь хочешь, читай Бишинга — от скуки», — писал А. Н. Радищев («Бова»).

Бюшинг известен и как историк. Здесь, правда, речь должна идти скорее не о созданных им оригинальных исторических трудах, хотя были и такие, а о публикациях исторических источников, считавшихся до него тайными, актов и других документальных материалов, интимных дневников деятелей феодальной тайной дипломатии и пр. В этом плане Бюшинга следует признать первым из числа тех, кто отважился вытащить на суд общественности государственные тайны ²².

В какой бы области ни трудился Бюшинг, он всегда оставался, однако, просветителем. Как истинный просветитель, он неустанно всю свою жизнь трудился на поприще пропаганды научных знаний среди широких народных масс. Этой цели служили многочисленные журналы, в которых он сотрудничал и которые издавал сам. Особую известность и признание современников снискали два из них: крупный ежегодник «Магазин новой истории и географии», выходивший в течение двадцати двух лет (с 1767 по 1788 г.) сначала в Гамбурге, а затем в Галле (с 1774 г.), и «Еженедельные известия о новых ландкартах, географических, исторических и статистических книгах и сочинениях», критико-библиографический еженедельник, издававшийся Бюшингом в Берлине на протяжении пятнадцати лет (с 1773 по 1787 г.) ²³. Огромное количество самых разнообразных материалов по истории и географии главным образом европейских государств было опубликовано в этих журналах. Статистико-географический и исторический ежегодник Бюшинга «Магазин новой истории и географии» считается одним из ведущих научно-популярных органов немецкого Просвещения.

²² См: Mühlpfordt G. Ein deutscher Russlandkenner des 18. Jahrhunderts. S. 42.

²³ См: Magazin für die neue Historie und Geographie. Hamburg; Halle, 1767—1788. Bd 1—22; D. Anton Friedrich Büschings Wöchentliche Nachrichten von neuen Landkarten, geographischen, historischen und statistischen Büchern und Schriften. Berlin, 1773—1787. Bd. 1—15.

Журналы Бюшинга были самыми последовательными и долговечными продолжателями дела, начатого академическим историческим журналом Г. Ф. Миллера, — пропаганды русской науки, значения России в мировой политике, утверждения научного знания в области истории и географии России. Эта сторона творчества Бюшинга принесла ему славу одного из самых деятельных немецких публицистов-русистов эпохи Просвещения²⁴. Именно она и представляет для нас особый интерес.

Итак, предметом нашего исследования являются немецкоязычные исторические журналы Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга. Первый издавал свой «*Sammlung russischer Geschichte*» в России, предназначая его в первую очередь для западноевропейской научной общественности, второй успешно продолжил дело Миллера в Германии. Оба внесли огромный вклад в развитие немецко-русских научных и культурных связей, в формирование традиций взаимообогащения и взаимовлияния национальных культур. Изучение этой темы позволит не только выяснить отношение двух крупных представителей исторической науки XVIII в. к России и ее истории, но и внесет, будем надеяться, известный вклад в понимание самой эпохи Просвещения, некоторых ее сложных и не до конца изученных проблем.

Работа основана на первоисточниках, представляющих сейчас большую библиографическую редкость. «Еженедельные известия» Бюшинга, по словам П. Гофмана, написавшего о них небольшую статью²⁵, даже в большинстве крупных немецких библиотек имеются лишь в виде разрозненных экземпляров. Тем отраднее отметить тот факт, что Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где хранит-

²⁴ Mühlpfordt G. Ein deutscher Russlandkenner des 18. Jahrhunderts S 44

²⁵ См.: Hoffmann P. «Anton Friedrich Büschings Wöchentliche Nachrichten» als Bibliographie der Russlandliteratur der siebenziger und achtziger Jahre des 18. Jahrhunderts// Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966. S. 312—320.

ся библиотека Бюшинга, купленная Екатериной II, обладает полным комплектом этого журнала с авторскими маргиналиями. Лучше сохранились «Магазин» и «Собрание Российской истории» Миллера, имевшие и в XVIII в. более широкое распространение.

К исследованию были привлечены также другие сочинения Миллера и Бюшинга, относящиеся ко времени выхода журналов или помогающие уяснить их содержание. Для восстановления взглядов Миллера на историю были использованы «Ежемесячные сочинения», которые он издавал одновременно с «Собранием», другие его работы, не вошедшие в журналы, а также многообразные документы, опубликованные в 10-томном сборнике «Материалов для истории Академии наук»²⁶ и «Протоколах заседаний Конференции»²⁷. Были изучены также относящиеся к изданию журналов документальные материалы Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР (ЛО Архива АН СССР).

Очень важна немецкая научная периодика XVIII в., обнаруженная в хранилищах Москвы и Ленинграда. Полнее всего сохранились наиболее представительные органы немецкого Просвещения — лейпцигские и геттингенские «Ученые ведомости». В них удалось найти упомянутые Леманом многочисленные рецензии на интересующий нас журнал Миллера, а также на различные издания Бюшинга.

Кроме того, в работе были использованы сочинения западноевропейских историков и географов XVIII в., затрагивавших русскую тему и широко привлекавших к исследованию материалы интересующих нас журналов. Они являются наглядным свидетельством тех перемен в научном знании истории и географии России, которые произошли в Западной Европе к концу XVIII в. под влиянием русской науки и немецкой исторической журналистики. К ним относятся труды Г. Ахенваля,

²⁶ Материалы для истории Имп Академии наук СПб, 1885—1900. Т. 1—10.

²⁷ Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1897. Т. 1.

И. С. Землера, М. Ранфта, А. Л. Шлецера, И. Тунмана, И. К. Гаттерера, Х. Шмидта-Фисельдека, И. Г. Гердера, Х. Г. Портана, В. Кокса, С. Энгеля и других специалистов в области русской истории и географии, чьи имена в большинстве своем пока еще не вписаны в историографию России.

Автор книги широко опиралась на результаты проведенных в ГДР исследований немецко-русских научных связей XVIII в., труды Х. Мормана²⁸, Г. Грасгофа²⁹, Э. Доннерта³⁰, У. Лемана³¹, К. Грау³², Г. Мюльпфорта³³ и других немецких историков и филологов. Особое значение имели для нас труды Петера Гофмана, посвя-

²⁸ Mohrmann H. Op. cit.

²⁹ Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung.

³⁰ Donnert E. Die Leibeigenschaft im Ostbaltikum und die lifländische Aufklärungsgeschichtsschreibung // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1961. Bd. 5. S. 185—200; Iohann Georg Eisen (1717—1779). Ein Vorkämpfer der Bauernbefreiung in Russland. Leipzig, 1978

³¹ Lehmann U. Der Gottschedkreis und Russland.; Iohann Friedrich Hartknoch's Beitrag zur deutschen Russlandkenntnis im 18. Jahrhundert//Zeitschrift für Slawistik. 1970 Bd. 15 N 3. S. 323—330; Zum Anteil der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts an die Entwicklung des Nationalbewusstseins // Zeitschrift für Slawistik. 1968. Bd. 13 N 5 S. 669—680; Die Bedeutung der Korrespondenzen Jacob von Stählins und Gerhard Friedrich Müllers für die deutsche und russische Literaturgeschichte//Forschungen und Fortschritte. 1962. № 36. S. 183—186.

³² Grau C. Tatischev und Deutschland // Die deutsch-russische Begegnung und Leonard Euler. S. 143—156; Iohann Burchard Menkes Russland Kontakte // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. 1970. Bd. 4. S. 245—261; Zur Ideologiegeschichte in Russland und zu den deutsch-russischen Beziehungen in der sechziger /siebziger Jahren des 18. Jahrhunderts // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas 1979. Bd. 23/2 S. 83—98; G - a u C, H o f f m a n n P Zur Verbreitung der Petersburger Akademiepublikationen in Deutschland im 18. Jahrhundert // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts 1968. Bd. 2 S. 122—134.

³³ M ü h l p f o r d t G Die deutsche Aufklärung und ihr Zentrum Halle-Leipzig Zur gesellschaftsgeschichtlichen Betrachtung geistiger Bewegungen // Wissenschaftliche Annalen. 1953. № 2 S. 320—385; Petersburg und Leipzig — zwei engverbundene Zentren der Aufklärung // Russisch-deutsche Beziehungen von der Kiever Russ bis zur Oktoberrevolution. Berlin, 1976 S. 115—136.

щенные Миллеру-географу и отдельным сюжетам немецко-русских связей XVIII в. в области истории³⁴.

Отечественной литературе, дореволюционной и советской, в которой дана историографическая оценка Г. Ф. Миллера, посвящен специальный раздел книги. Это в значительной степени обусловлено необходимостью внести известную ясность в многообразие мнений об ученом со столь непростой историографической судьбой. Что же касается Бюшинга, то почти полное отсутствие посвященных ему на русском языке работ освобождает нас и от необходимости их историографического разбора.

³⁴ См.: Gerhard Friedrich Müller. Zu seinem 175. Todestag // Zeitschrift für Slawistik. 1958. Bd 3 H. 5. S. 771—776, Zur Verbindung Eulers mit der Petersburger Akademie der Wissenschaften während seiner Berliner Zeit // Die deutsch-russische Begegnung und Leonard Euler. S. 150—156, Deutsche Publikationen aus der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts zur Geschichte des vorpetrinischen Russlands // Wiss. Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschaftssprachwissenschaftliche Reihe 1968. № 2. S. 263—268; Deutsch-russische Beziehungen auf dem Gebiet der Geschichtswissenschaft im 18. Jahrhundert und ihre Bedeutung für die Gegenwart // Verbündete in der Forschung. Berlin 1976. S. 89—93, Gerhard Friedrich Müller als Geograph // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1976. Bd. 20/2. S. 43—59; Der Bauernkrieg unter der Führung Pugacevs in der Darstellung der deutschsprachigen bürgerlichen Historiographie // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1975 Bd. 19/2. S. 147—160 Gerhard Friedrich Müller. 1705—1783 // Wegbreiter der deutsch-slawischen Wechselseitigkeit. Berlin, 1983 S. 71—78; Hoffmann P., Schützler H. Der Pugacev-Aufstand in zeitgenössischen deutschen Berichten // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Bd 6 1962 S. 337—366.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК
„SAMMLUNG RUSSISCHER
GESCHICHTE“
И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ
В ГЕРМАНИИ

1. Герард Фридрих Миллер в оценке русской дореволюционной и советской историографии

Опубликованные и рукописные труды академика Г. Ф. Миллера (1705—1783 гг.) поражают своим многообразием. История и география, этнография и археология, филология и источниковедение, издательская и журнальная деятельность, архивное дело — таковы главные области его систематических занятий. Он был подлинное дитя XVIII столетия, и широта интересов, которую демонстрирует его наследие, соответствовала духу времени. Стоявший у истоков исторической науки в России, Миллер видел одну из главных своих задач в собирании и накоплении исторических источников, в разработке приемов добывания из них достоверных исторических фактов. Шестнадцать лет Миллер возглавлял Московский Архив коллегии иностранных дел, положив основание научной организации в стране архивного дела. До сего дня его богатейшие собрания не исчерпали своей ценности; исследователи, теперь уже представители разных наук, которые объединял Миллер в своем творчестве, продолжают находить в них удивительные по своей ценности материалы¹.

Миллер имел широкие связи с представителями общественной и научной жизни разных стран. Многие тысячи писем его обширной корреспонденции, к исследо-

¹ См.: Моисеева Г. Н. К истории литературно-общественной полемики XVIII века // Искусство слова. М., 1973. С. 56—64; Элерт А. Х. Материалы по освоению Сибири в работах Г. Ф. Миллера экспедиционного периода // Исторический опыт освоения Сибири Новосибирск, 1986. Вып. 1. С. 70—72.

ванию которой сделаны лишь самые первые подступы², хранят еще свои, столь важные для изучения научной и культурной жизни России того времени тайны. Лишь частично эта переписка носила официальный характер (одиннадцать лет Миллер выполнял обязанности академического конференц-секретаря), значительно большая ее часть является свидетельством того международного признания, которое имели труды петербургского академика, выходявшие в течение XVIII в. на многих европейских языках (латинском, немецком, французском, английском, датском). Они сделали их автора крупным авторитетом в области истории и географии Российской империи, о чем свидетельствуют и полученные им от европейских научных обществ почетные титулы. Уже в 1730 г. Миллер был избран почетным членом Королевского научного общества в Лондоне. После Петра I, ставшего первым членом Парижской Академии наук, Миллер в числе еще шести петербургских академиков в 1761 г. удостоился чести стать ее корреспондентом³. В числе его почетных званий были также титулы члена Стокгольмского научного общества, Лейпцигского общества свободных искусств и Геттингенского исторического общества.

Миллер поддерживал дружеские отношения с большинством известных ныне общественных деятелей, литераторов и ученых России того времени: А. С. Строгановым, А. Р. Воронцовым, Ф. И. Соймоновым, П. И. Рычковым, А. П. Сумароковым, И. И. Мелиссино, М. М. Херасковым, В. К. Тредиаковским, В. Е. Адодуровым, М. М. Щербатовым, И. И. Голиковым, Н. И. Новиковым, Г. Полетикой и многими другими. Установлению их во многом способствовал издававшийся Миллером в 1755—1764 гг. русский журнал «Ежемесячные сочинения», имевший просветительский характер, где были опубликованы лучшие его работы по истории России пе-

² См. Гофман П. О переписке Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга // Археографический ежегодник за 1977 год М., 1978 С. 290—295; Пастушенко Л. М. Письма М. М. Хераскова к Г. Ф. Миллеру (1756—1764) // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 204—210.

³ См.: Материалы об избрании русских и советских ученых в Парижскую Академию наук / Публикация А. Г. Григорьяна, А. П. Юшкевич, Т. Н. Кладо, Ю. Х. Копелевич // Русско-французские научные связи Л., 1968. С. 23.

тербургского периода жизни. Они принесли тогда Миллеру общероссийскую известность («вся Россия» читала журнал «с жадностью и удовольствием»⁴). Большинство их было опубликовано и в «Собрании Российской истории», имевшем широкое распространение за пределами России.

В трудах современников Миллера, а также представителей передовой русской общественной мысли XIX в., хорошо знавших его сочинения, мы находим не только признание заслуг ученого, но и следы того глубокого воздействия, которое они оказали на формирование их собственной концепции русской истории. Среди них могут быть названы А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский. Открытый Миллером в русском средневековье республиканский Новгород, созданные им образы Бориса Годунова и Лжедмитрия I, публично поставленный им в 1764 г. вопрос о необходимости освобождения русских крестьян от крепостной неволи, документально подтвержденный рассказ о юности Петра и другие его исследования не могли не привлечь их внимание.

Для достижения поставленной в работе цели важно уяснить оценку Г. Ф. Миллера профессиональной русской исторической наукой. Это поможет определить и его собственное место в ней. Необходимость такого рассмотрения очевидна, если учесть разносторонний интерес к научному наследию Миллера советских исследователей и тот факт, что в обобщающих историографических работах, увидевших свет в последние два десятилетия⁵, Миллер вообще блистательно отсутствует.

Первым из русских историков, обративших внимание на работу начинавшего свой путь в науку Миллера, был В. Н. Татищев. В 1732 г. Академия наук опубликовала на немецком и русском языках проект издания научного исторического журнала, в котором должны были публиковаться «исследования по разным частям русской истории и подлинные ее источники», написанный Мил-

⁴ [Болховитинов Евгений] Биографии российских писателей Герард Фридрих Миллер // Сын отечества. 1821. № 22 С. 65.

⁵ См.: Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции М., 1971, Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

лером. Татищев с удовлетворением воспринял намерение Академии издавать исторический журнал, сочувственный отклик у него нашел и миллеровский «прожект к сочинению гистории». «Что же онаго прожекта касается,— писал он в письме к И. Д. Шумахеру — фактическому главе Академии, — мне подает добрую надежду, что из того немало полезного возрасти может», — и обещал сам «с прилежностью трудиться» на пользу новому изданию⁶. Выполняя свое обещание, Татищев составил обстоятельные «Примечания на вторую книгу «Собрания русских гисторей»⁷, которые касались увидевшей свет в первых трех выпусках второго тома «Собрания» «Истории Азова» Т. З. Байера. Им были составлены и примечания на «Сибирскую историю» Миллера. Вопреки надеждам недоброжелателей Миллера И. Д. Шумахера и Г. Н. Теплова получить от Татищева неблагоприятный отзыв, он, прочитав первые ее отпечатанные листы, писал в письме от 30 марта 1749 г. о «великом удовольствии», которое он получил от чтения. «Сие есть начало русских участных историй,— писал Татищев, — и нельзя иного сказать, как хваления и благодарения достойныя. В ней сколько труда, сколько смысла сочинителя, а наипаче образец впредь пожеласчим о других пределах сочинять, чрез что слава, честь и польза России приумножится»⁸.

В спокойной и благожелательной форме, как это было уже отмечено А. И. Андреевым, выразил Татищев и свое несогласие с основными положениями речи-диссертации Миллера «О происхождении народа и имени Российского» — о скандинавском происхождении легендарного Рюрика. Сам Татищев выводил Рюрика из Финляндии, считал его сыном одной из дочерей новгородского старейшины Гостомысла, вышедшей замуж за финского короля⁹. «Хотя вижу, что г. Миллер в разглагольствии о начале народа русского иначе, нежели

⁶ Материалы для истории Академии наук СПб, 1886 Т. 2. С. 180.

⁷ Татищев В. Н. История Российская Л., 1968 Т. 7. С. 432—436

⁸ Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. // Исторический архив М.; Л., 1951. Т. 6. С. 285

⁹ Татищев В. Н. История Российская М.; Л., 1962. Т. 1. С. 372.

я, писал, но я не хотел ни его порочить, ни моего более изъяснять, а отдам в его лучшее рассуждение, дабы ему дать причину лучшее изъяснение издать», — писал он в письме в Академию в мае 1750 г.¹⁰

Незадолго до смерти, посылая в Академию наук свой труд, Татищев предполагал поручить его рассмотрение Г. Ф. Миллеру, «яко человеку весьма к тому достаточному», который «преучен» и начитан, «памятью и рассуждением преодарен»¹¹.

Заметим, что с неменьшим уважением писал о трудах Татищева и Миллер, который своим разысканием и публикацией их оказал великую услугу русской исторической науке.

Особняком в русской историографии XVIII в. стоит оценка исторических трудов Миллера, данная М. В. Ломоносовым. Ломоносов не принял норманистской концепции происхождения Русского государства Миллера и все его труды подвергал суровой и небеспристрастной критике. Он видел в них лишь «множество пустоши и нередко досадительной и для России предосудительной»¹², обвинял Миллера в высматривании «пятен на одежде российского тела»¹³ и т. п. Все эти высказывания хорошо известны. Их долго цитировали в нашей литературе, подменяя ими нередко обращение к собственно миллеровским трудам. Этот сюжет заслуживает специального рассмотрения, ибо отношение М. В. Ломоносова к Г. Ф. Миллеру нельзя понять без учета конкретной обстановки, сложившейся в Академии наук в 40-х — начале 60-х гг. XVIII в., когда стоявшие у власти в ней временщики, управляя Академией по принципу «разделяй и властвуй», всячески поддерживали и подогревали неприязненные отношения между учеными. Ими же было инспирировано и так называемое «обсуждение» речи-диссертации Миллера «О происхождении народа и имени Российского» в Историческом собрании в 1749—1750 гг., которое длилось почти год и завершилось переводом Миллера из профессоров в адъюнкты. Если

¹⁰ Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. С. 295.

¹¹ Там же. С. 297—298.

¹² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 231.

¹³ Там же. С. 232.

признать справедливыми все замечания, высказанные Ломоносовым в адрес Миллера, можно сделать вывод, что он был врагом России. Но это не так, и вся многотрудная жизнь ученого является тому доказательством.

Миллер был лично знаком с работавшими в области русской истории учеными второй половины XVIII в.: Н. И. Новиковым, М. М. Щербатовым, И. И. Голиковым. Он щедро делился с ними собранными материалами, помогал им своими советами. «Я не могу удержаться, — писал, например, Щербатов в предисловии к первому тому «Истории Российской», — чтобы должного благодарения не принести г. советнику Миллеру, уже толь знаемому многими его трудами о Российской истории, что в успехе сего труда многую от него получил помощь, как чрез сообщение мне разных списков, так и его советов. Я должен признаться, что он не только мне вложил охоту к познанию отечества моего, но увидя мое прилежание, и побудил меня к сочинению оной». Щербатов заявлял, что если его «История» «будет стоить некоторого уважения», то он по справедливости разделит «сию честь с сим почтенным мужем...»¹⁴.

Щербатов широко использовал труды Миллера по русской истории и во многом разделял его положения и выводы. Сославшись на его «Краткое известие о начале Новгорода», опубликованное и в «Собрании Российской истории», и в «Ежемесячных сочинениях», хорошо известное современникам, он отказался от рассказа о «древностях Великого Новгорода», полагая, что «то... весьма ученым образом исполнено»¹⁵. Принял и повторил Щербатов, как затем и И. Н. Болтин¹⁶, идею Миллера о призвании варяжских князей для защиты российских границ от вражеских нападений¹⁷. Характеризуя «смутное» время, он, как это было уже подмечено

¹⁴ История Российская от древнейших времен Сочинена князь Михайлом Щербатовым СПб., 1770. Т. I. С. XIV.

¹⁵ Там же С. 189.

¹⁶ Болтин И. Н. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова СПб., 1797. С. 176.

¹⁷ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен С. 192.

П. Н. Милюковым¹⁸, переносил в свою работу «целые страницы миллеровского труда».

Наследие Миллера широко использовал Н. И. Новиков, опубликовавший в своей «Древней Российской Вивлиофике» не только многие документы из «Собрания» Миллера, но и законченные статьи, вышедшие из-под его пера. И. К. Гурлянд считал, что весь 20-й том, в том числе статьи о Ямском приказе, о старинных чинах в России, «Московские и другие старинные приказы»¹⁹, принадлежат Миллеру. Сам Новиков отмечал это обстоятельство следующими словами: «Не могу я пройти в молчании, чтобы не засвидетельствовать перед читателями моими об отличном усердии покойного г. Миллера в ревностном споспешествовании сему изданию. Сей отличный и знаменитый ревностно и усердием своим муж ко всему тому, что могло только споспешествовать пользе истории Российской, доставил ко мне множество не только что из архивы государственной коллегии иностранных дел, но и из своей собственной книгохранительницы, которую собирал он с великим тщанием во всю жизнь свою...»²⁰. Учеником Миллера считал себя известный русский архивист и археограф Н. Н. Бантыш-Каменский, высоко ценивший его как ученого, педагога и человека²¹.

В этих почтительных высказываниях о Миллере современных ему историков отсутствует еще критический взгляд историографа, но они воссоздают портрет ученого, написанный явно в светлых тонах.

Впервые И. Н. Болтин обратил внимание на Миллера не только как на собирателя исторических материалов и радетеля российской истории, но и как на ученого-критика. Сетую на то, что архивные материалы еще мало используются исследователями или толкуются неверно, попадая в руки людей «нерадивых» и «не знающих», он заявлял: «Один Миллер имел к тому способность,

¹⁸ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли М., 1898. С. 186

¹⁹ См. Гурлянд И. К. К вопросу об участии Г. Ф. Миллера в «Древней Вивлиофике» Новикова // Чтения ОИДР 1899 Кн. 3. Смесь С. 20—24.

²⁰ Пекарский П. П. История Академии наук. СПб., 1870 Т. 1. С. 332—333.

²¹ См. Жизнь Николая Николаевича Бантыша-Каменского. М., 1818 С. 12—13.

чтоб из великих куч дрязгу избирать драгоценнейшие зарытые в них перла...» Болтин сожалел о том, что Миллер слишком поздно получил доступ к главным российским архивам, был уже стар и не имел «ни довольного времени, ни нужных ему сил, чтобы окончить превеликий труд сей...»²².

Н. М. Карамзин, находясь еще в плену XVIII в., не привыкшего давать историографическую оценку предшественников, оставил, однако, в «Истории государства Российского» обширные примечания, обнаруживающие обстоятельное знание работ Миллера. Кроме опубликованных в «Ежемесячных сочинениях», он приводит другие, изданные на русском языке, в частности «О народах, издревле в России обитавших» (1773). Географический лексикон Ф. Полунина он не без оснований называет «географический лексикон Миллеров»²³. Карамзин знает даже описания путешествия Миллера по Московской и Владимирской губерниям и рассказывает о том, что в женском монастыре Миллер видел «церковные медные врата... вывезенные Иваном Васильевичем из Новгорода»²⁴. Прекрасно знает Карамзин и «Собрание Российской истории», из которого берет «известия нашего артиллерийского полковника Гербера»²⁵, словари «чудских народов», составленные Миллером в 1733 г. во время пребывания в Поволжье²⁶. Не осталась для Карамзина тайной за семью печатями и «криминальная» речь-диссертация Миллера, которую он использует в латинском варианте.

Карамзин полностью присоединяется к точке зрения Миллера об этнической принадлежности варягов-россов. С Миллером согласны, пишет он, «все ученые историки, кроме Татищева и Ломоносова. Первый непременно хочет сделать русских варягов финляндцами», а второй считает, что они были «прусы, то есть латыши, единоплеменники славян». Ломоносов, правда, обходит при этом мнение Нестора, отличавшего варягов от пруссов, и «сим молчанием» хочет «опровергнуть ясную, не-

²² Болтин И. Н. Указ. соч. С. 28

²³ Карамзин Н. М. История государства Российского СПб., б/л. Т. I. С. 475.

²⁴ Там же С. 456

²⁵ Там же. С. 286.

²⁶ Там же. С. 304.

оспоримую истину, что Рюрик с братьями его были скандинавы»²⁷. Причину такой позиции Ломоносова Карамзин видит в желании «соображать историю с пользою народного тщеславия», в результате чего она утрачивает «главное свое достоинство, истину»²⁸.

При всем почитании своего предшественника, которое обнаруживается у Карамзина, оно не сводится к простому восхвалению его. Карамзин и критикует Миллера, например, за доверие к «сказаниям» Саксона Грамматика об Одине и его сыне от русской царевны Боусе — «Бове Королевиче»²⁹. Поддержав мнение Миллера о Кие — славянском князе, Карамзин не принимает его версии «о войне Кия с императором». Все известия говорят, полагает он, что Кий «ходил в Константинополь и был с честью принят царем греческим»³⁰. Признав справедливую мысль Миллера о том, что «норманны овладели Россией» и наложили дань «при конунге Рангаре Лодбroke, современнике Карла Великого», Карамзин отказывается принять его толкование слова «варяг» как мореплаватель, морской разбойник, которое Миллер предложил еще в 1733 г. при публикации Кенигсбергской летописи в «Собрании». Принять его — значит признать, что «и телохранители императорские в Константинополе... стоявшие в карауле, в спальне, были морскими людьми», — заявляет он³¹.

Коснувшись самой истории с обсуждением речи-диссертации, которое было, как считал уже Карамзин, инспирировано академической верхушкой, он с горечью говорит: «Ныне трудно поверить гонению, претерпенному Автором за сию Диссертацию в 1749 г. Академики по указу (разрядка моя. — Л. Б.) судили ее: на всякую страницу делали возражения. История кончилась тем, что Миллер занемог от беспокойства, и Диссертацию, уже напечатанную, запретили». Миллер был вынужден затем согласиться, что «варяги-русь могли быть роксолане...»³². Дворянский историк заключил свой

²⁷ Там же. С. 327.

²⁸ Там же. С. 326.

²⁹ Там же. С. 317.

³⁰ Там же. С. 300.

³¹ Там же. С. 322.

³² Там же. С. 331.

первый том словами, которые затем почти повторит один из первых историков-марксистов М. Н. Покровский: «...имена ученых мужей Германии, коим наша история обязана многими удовлетворительными объяснениями и счастливыми мыслями», в том числе и имя Миллера, «незабвенны»³³.

Все подмеченные Карамзиным «промахи» Миллера стали предметом страстной критики у представителей «скептической» школы историографии — М. Т. Каченовского, Н. Сазонова, А. Старчевского. Н. Сазонов подверг сомнению как «критический талант» Миллера, так и его способности «историка прагматического». Досталось Миллеру и за Бову Королевича, и за «измену» идее скандинавского происхождения варягов, и за «кожаные деньги» в Новгороде, и за возвышение Нестора в ранг «первого летописателя Российского». Работы Миллера, в том числе и его «История Сибири», полагал Сазонов, не представляют «ничего особенно замечательного для критика», поскольку их автор не понимал «необходимости изучения истории одного государства в связи с историею всеобщею» и не наблюдал, «что происходит в это время в государствах соседственных». Лишив Миллера права претендовать на звание «прагматического» историка, Сазонов обнаруживает в целом весьма почтительное отношение к Миллеру-ученому, заслуживающему «вечной благодарности любителей отечественной истории, ценителей ученой деятельности и трудолюбия»³⁴.

В духе Сазонова написан и очерк о Миллере А. Старчевского³⁵, носящий на себе следы не только концептуальных, но и текстуальных заимствований у первого. Впрочем, он признает, что академический журнал «Ежемесячные сочинения», издававшийся Миллером, наполнен «самыми драгоценными историческими отрывками, вышедшими из-под пера этого неутомимого изыскателя». Продолжая мысль Сазонова, Старчевский заявляет, что Миллер не только открыл иностранцам русские источники, но и русским — «внешние источники их истории». Никто из писавших до него о России «не пользовался столькими иностранными известиями», считал он.

³³ Там же С. 509.

³⁴ Сазонов Н. Указ соч С 319.

³⁵ См. Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845. С. 260—279.

С середины XIX в. началось обстоятельное изучение «Ежемесячных сочинений» (1755—1764 гг.), журнала, выходившего под редакцией Миллера. Начало ему положил серией статей в «Современнике» В. А. Милютин³⁶. Он показал, какое огромное значение имел этот журнал в середине прошлого столетия, знакомя российскую публику с передовой западноевропейской мыслью. Скрупулезному анализу был подвергнут исторический отдел журнала, в котором 17 статей из 23, посвященных «истории, географии и статистике России», принадлежали перу Миллера. Милютин дал и общую оценку Миллеру-историку, впервые заговорив о новаторстве ученого в разработке критических методов изучения источников, их публикации. Дав характеристику других разделов журнала, в том числе литературного, в котором принимали участие все ведущие литераторы России того времени, Милютин приходит к выводу об огромной организаторской деятельности Миллера, руководившего журналом. Подбор сотрудников, авторов, материалов, правка переводов и корректуры — все это целиком входило в круг его обязанностей.

К выводу Милютина присоединился позднее А. Н. Неустроев³⁷. Высоко оценив первый русский «учено-литературный» журнал, отметив его просветительский характер, его огромную популярность, он писал, что «основная часть трудов по приготовлению журнала падала на одного Миллера». Не случайно, полагал Неустроев, журнал прекратил свое существование после переезда Миллера в Москву.

Работы Милютина и Неустроева остаются и на сегодняшний день лучшими работами, посвященными «Ежемесячным сочинениям». Все, что было написано об этом журнале потом, восходит к этим работам, оставшимся непревзойденными.

В 1854 г. со статьей о Миллере выступил один из крупнейших представителей буржуазной науки России С. М. Соловьев. В ней был сделан обобщающий разбор

³⁶ См.: Очерки русской журналистики, преимущественно старой: 1. Ежемесячные сочинения, журнал 1755—1764 годов // Современник. 1851. Т. 25—26.

³⁷ См. Неустроев А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1874.

исторических трудов Миллера, получивших высокую оценку. Соловьев широко использовал материалы архивов, откуда им были извлечены и впервые охарактеризованы некоторые неопубликованные сочинения Миллера. Прекрасно знал Соловьев его немецкоязычный журнал, статьи, опубликованные за рубежом, в том числе в изданиях Бюшинга. Поэтому труд С. М. Соловьева не утратил своего значения как важный вклад в научную биографию Миллера, которая когда-нибудь будет все же написана. Он продемонстрировал в высшей степени уважительное отношение к работам своего предшественника по русской истории и попытался вписать их в русскую историографию. Соловьев полагал, что идея скандинавского происхождения варягов, которую он сам разделял, оценка роли Ивана III в создании единого Русского государства, образ Бориса Годунова, идея республиканского Новгорода и др. оказали сильное влияние на последующую историографию. Соловьеву, как и всем, кто писал о Миллере до него, была чужда мысль о том, что он когда-либо и в чем-либо хотел унижить русский народ. Более того, он подчеркивал, что в то время, как в Академии Миллера преследовали как «недоброхота» России, все образованные люди высоко ценили его «необыкновенную ученость» и его заслуги перед Россией. От Соловьева вошли в науку характеристики Миллера как «великого трудолюбца», «неутомимого», «честного» исследователя, борца за честь России³⁸.

Оценка С. М. Соловьева была полностью воспринята Н. Г. Чернышевским. В рецензии на его работу великий русский демократ подчеркнул ее значение как труда, который «в самом полном виде выставляет все влияние этого замечательного критика и неутомимого исследователя на развитие понятий о русской истории»³⁹.

Однако работа Соловьева, возможно, в силу того, что это была первая обобщающая статья о научной деятельности в области истории Миллера, имела определенный недостаток. Написанная как пересказ содержа-

³⁸ Соловьев С. М. Указ соч. С. 115—150

³⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1953 Т. 16. С. 75.

ния основных работ ученого, сопровождавшийся обильными цитатами, она давала хорошее представление об этом содержании, но оставляла читателям право самим делать выводы о взглядах их автора, о методе его работы.

К сожалению, очерк о Миллере не вошел в историографический труд С. М. Соловьева⁴⁰ и был почти забыт советскими исследователями. Между тем в нем могли бы найти ответ на некоторые спорные вопросы вольтероведы (в частности, об участии Миллера в подготовке материалов для «Истории Российской империи в царствование Петра Великого»).

Необходимо отметить также, что от С. М. Соловьева пошло нашедшее свое полное воплощение в труде П. Н. Милюкова резкое противопоставление русских и иностранных исследователей — носителей западного влияния, в основу которого был положен сугубо внешний признак — национальная принадлежность⁴¹.

В XIX в. было предпринято несколько попыток создать научную биографию ученого. Первую осуществил в 1821 г. митрополит Евгений Болховитинов⁴², включивший затем биографический очерк о Миллере в свой знаменитый «Словарь»⁴³. К числу наиболее удачных принадлежит работа крупнейшего специалиста в области истории науки XVIII в. академика П. П. Пекарского. В его «Истории Академии наук» мы находим посвященный Миллеру солидный раздел, написанный на материалах архива Конференции, с использованием части миллеровских портфелей и опубликованных на иностранных языках работ. Многочисленные заметки о Миллере в разных частях этого труда и других работах Пе-

⁴⁰ См.: Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. Пол. I. Отд. III.

⁴¹ См. Киреева Г. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 134.

⁴² См.: Сын отечества. 1821. № 22. С. 49—74; № 23. С. 97—117.

⁴³ См. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1846. Т. 2. С. 54—89.

карского⁴⁴ дополняют его. А. И. Андреев писал в 1937 г., что труд Пекарского является лучшей и наиболее полной биографией Миллера. Эта оценка сохраняет свою силу и в наши дни.

Прекрасный знаток истории Академии наук, которую он рассматривал в тесной связи с развитием западноевропейской науки и просвещения, Пекарский глубоко чтит исследовательский талант и трудолюбие Миллера, его ревностное служение своей второй родине. Зная хорошо потребности западноевропейской историографии XVIII в. в источниках русского происхождения, Пекарский верно оценил сам факт обращения Миллера к русской летописи, с изучения и публикации которой была начата его работа в области русской истории. Сравнивая Миллера с теми, кто брался за обработку этой истории в первое тридцатилетие XVIII в., Пекарский писал: «Миллер начал обрабатывать русскую историю именно с перевода Несторовой летописи и... своими приемами в обработке предмета обнаружил и понимание истории, как науки, и исторический такт, которых решительно не заметно ни в одном из современников Миллера, которые брались писать русскую историю»⁴⁵. Пекарский относил Миллера к числу тех ученых, которые «прославили нашу Академию»⁴⁶.

Позиции П. П. Пекарского, убедительная сила его аргументов, подтвержденных пространными цитатами из документов и работ Миллера, не могли не сказаться на взглядах авторов обобщающих историографических работ, появившихся в 70—80-е гг. XIX в.

⁴⁴ См.: Отчет о занятиях 1863/64 г. по составлению истории Академии наук П. Пекарского // Приложение к 7-му т. Записок Академии наук 1865. № 4. С. 1—72; Сношения П. И. Рычкова с Академиею наук в XVIII столетии СПб., 1866, Материалы для истории библиотеки Московского главного архива Министерства иностр. дел // Записки Академии наук. 1867. Т. 12. Кн. 1; Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов // Приложение к 12-му т. Записок Академии наук 1867 № 5; Дополнительные известия для биографии Ломоносова // Приложение к 8-му т. Записок Академии наук. 1865 № 7.

⁴⁵ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом СПб., 1862. Т. 1. С. 320

⁴⁶ Пекарский П. П. История Академии наук. Т. 1. С. 145.

Однако и шедший на протяжении XIX в. спор между норманистами и антинорманистами⁴⁷, не мог не затронути Миллера. Правда, важно отметить, что и большинство представителей антинорманистской концепции обнаруживают весьма почтительное отношение к Миллеру-ученому, отличая его от других защитников норманизма XVIII в., Байера и Шлёцера. Ю. Венелин, к примеру, выразивший удовлетворение в связи с недопущением речи Миллера к произнесению, чем «русский народ» был предохранен «от расколу в своем историческом веровании», считал, что своими «обширными» деяниями в области исторической науки Миллер «заслужил просторного и отличного жизнеописателя»⁴⁸.

Отражением антинорманистской позиции может служить и работа М. О. Кояловича⁴⁹. Острые критики в ней направлено против Т. З. Байера и А. Л. Шлецера и в меньшей степени против Миллера, который, полагал Коялович, был «менее горд в своем немецком сознании, более податлив на обрусение... и гораздо больше принес пользы русской науке, несмотря на меньшую свою даровитость и гораздо меньшую ученость»⁵⁰. Едва ли не главное достоинство Миллера Коялович видел в том, что он поддался «перевоспитанию» и стал-таки «антинорманистом»⁵¹. Во всяком случае, им не руководила «корысть», в отличие от Шлецера, сознательно вредившего России.

Такой взгляд не нашел поддержки у ведущих буржуазных историографов России конца XIX в. Разве что П. Н. Милюков последовал ему, восприняв утверждение о «меньшей даровитости» и «меньшей учености» Миллера. Что касается К. Н. Бестужева-Рюмина, то он, возможно в пику антинорманистам, называл Миллера даже «настоящим отцом русской исторической науки»⁵².

⁴⁷ См. Шаскольский И. П. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983. С. 35—51.

⁴⁸ Венелин Ю. Скандинавомания и ее поклонники, или Столетние изыскания о варягах. М., 1842. С. 42, 45.

⁴⁹ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.

⁵⁰ Там же. С. 100.

⁵¹ Там же. С. 143.

⁵² Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 210.

Правда, сам Бестужев-Рюмин уделил внимание лишь одной стороне деятельности Миллера. Повторяя мысль Болтина, он писал, что Миллер, «умный и трудолюбивый, принес огромную пользу как собиратель материала, и даже в некоторых эпохах как толкователь (в смутном времени); но его громадной деятельности хватило почти только на собирание и издание подручного материала...» Этот материал Миллер «печатал тщательно и верно, но всегда по одному списку»⁵³. И после выхода работ С. М. Соловьева и Н. А. Попова о В. Н. Татищеве Бестужев-Рюмин, перестав называть Миллера «отцом русской исторической науки», продолжал утверждать, что, «несмотря на протесты некоторых историков, приходящих в ужас от утверждения, что немцы создали у нас историческую науку, должно сказать, однако, что немцы действительно положили у нас начало этой науке»⁵⁴.

К этой точке зрения присоединился в 1888 г. в своем курсе по источниковедению В. О. Ключевский. Он считал, что ученые усилия в области истории начались в России «около половины XVIII в. и начались частью по почину чужих, сторонних людей, немцем и русским академиком Байером... и немцем же, русским историографом Миллером»⁵⁵.

В. О. Ключевский выявлял в так называемом «Елизаветинском периоде» русской истории два направления: «монографическо-критическое» и «панографическо-прагматическое». Их отличали друг от друга три главных признака: задачи исследования, приемы изучения и подход к историческому источнику⁵⁶. Миллера он относил к первому как ученого, ставившего своей задачей научные вопросы и положившего в основание своих исследований критическое изучение источников. В отличие от первого представителя второго, «патриотического» направления, пытались, как писал Ключевский, создать «панораму геройской доблести» русского народа⁵⁷.

⁵³ Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. СПб, 1882. С. 211—212.

⁵⁴ Киреева Р. А. Указ. соч. С. 113.

⁵⁵ Там же. С. 116.

⁵⁶ Там же. С. 138.

⁵⁷ Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 440.

Ключевский называл среди главных работ Миллера не только «Сибирскую историю», но и речь-диссертацию «О происхождении народа и имени Российского», «Опыт новейшей истории России». Он полагал, что «после Татищева в XVIII в. никто не сделал больше по собиранию и предварительной обработке источников русской истории, чем Миллер»⁵⁸. «Замечательной» называл Ключевский статью Миллера о Несторовой летописи, о составе ее и значении как исторического источника. «Она долго, — писал он, — служила основанием ученых рассуждений об этом памятнике. Взгляд Миллера очень основателен; он говорит, что ни у одного славянского народа нет подобной летописи, да и во всей анналистической литературе нет памятника, столь древнего и важного; вот почему он считает необходимым издать летопись для обращения в народе»⁵⁹. Приняв мысль Миллера о том, что «скандинавы дали Руси государей», и отметив ее новизну по сравнению с точкой зрения Байера, который считал имя «варягов» «нарицательным, не собственно племенным именем», Ключевский, вслед за Пекарским, обратил внимание на то, что речь Миллера «явилась не вовремя». «То был самый разгар национального возбуждения, которое появилось после царствования Анны... Новое национальное царствование началось среди войны со Швецией, которая кончилась миром в Або 1743 г.». Говорить в это время о том, что «шведы дали Руси и народное имя и государей, едва ли значило украсить торжество»⁶⁰.

Близкое к позиции Ключевского понимание научных заслуг Миллера обнаруживает и другой крупный историк конца XIX в. А. Н. Пыпин. В своей «Истории русской этнографии» он чрезвычайно высоко оценил достижения Миллера в этнографической науке, на многие десятилетия определив почтительное отношение к этому ученому специалистов-этнографов и лингвистов⁶¹. Го-

⁵⁸ Там же. С. 406.

⁵⁹ Там же. С. 405.

⁶⁰ Там же. С. 403.

⁶¹ См. Токарев С. А. Вклад русских ученых в мировую этнографию // Труды института этнографии М., 1956 Т. 30. Вып. 1; Косвен М. О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции // ТИЭ. Нов. серия. М.; Л., 1961 Т. 64; Топоров В. Н. Материалы к сравнительно-исторической фонетике енисейских языков // Кетский сборник. Вып. 1 Лингвистика. М., 1968 С. 278—279.

вора о Миллере-историке, он отмечал его стремление к поиску «внутренней связи событий, соединенных как причина и следствие», к «исторической правдивости», подчеркнув тем самым приверженность ученого к новым для XVIII в. научным методам исторического исследования. Оценивая случай с диссертацией Миллера как одно из свидетельств нежелания русских образованных людей подчиняться «западному мнению», затрагивавшему якобы «достоинство русского народа», он писал: «Простое требование исторической критики, в сущности несколько не касавшееся этого достоинства, поднимало целые бури: простое упоминание иных мрачных событий русской истории с негодованием осуждалось, как оскорбление нации. Это была, с одной стороны, простая непривычка к исторической критике, с другой — проявление (хотя неловкое) того самого чувства, какое называют теперь чувством национальной самобытности...» ⁶².

В самом конце XIX в. вышел труд П. Н. Миллюкова, который как бы подвел своеобразный итог рассмотрению в буржуазной историографии исторических заслуг Миллера. Труды немецких историков XVIII в. Миллюков рассматривал оторванно от работ русских исследователей и даже в противопоставлении им. Главным героем среди первых Миллюков считал Шлецера, фигура которого в значительной степени заслонила остальных. В отличие от гениального Шлецера Миллер был назван «чернорабочим, здоровым и сильным, обладающим усердием и здравым смыслом», но лишенным «учености». Правда, содержанием своей работы Миллюков, по сути дела, опроверг это утверждение. Подводя итоги научных достижений XVIII столетия в области истории, он отдал должное Миллеру и как источниковеду, первому понявшему «значение актов как исторического источника» и усвоившего критический метод работы с ними, и как «родоначальнику» русской генеалогии, и как отличному архивариусу, и как первому археографу, ратовавшему за научное издание летописи ⁶³. Своим взглядом на важнейшую цель исторического исследования, какой Миллер считал поиск и открытие истины, своим стремлением к беспристрастности он, полагал Миллюков,

⁶² Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1890 Т. 1. С. 143—144.

⁶³ Миллюков П. Н. Указ. соч. С 116—120, 151.

проводил точку зрения «профессиональной немецкой науки», чуждую «русским историкам-любителям». Этот «европейский взгляд на науку» ему пришлось защищать от господствовавшего в его время «панегирического официального направления»⁶⁴.

Из всего сказанного можно заключить, что хотя буржуазные историки России и не нашли определения общему направлению историографических взглядов Миллера, его общественно-политического лица, они, несомненно, зачисляли его в свой лагерь.

Уважительное отношение к работавшим в области русской истории немецким ученым, продемонстрированное крупнейшими представителями русской буржуазной исторической науки, было воспринято и первыми историками-марксистами. В этом плане весьма показательна точка зрения М. Н. Покровского. В своей речи, произнесенной в 1928 г. на открытии выставки советских исторических книг и документов в Берлинской Академии наук и опубликованной в «Правде», он отметил значение для русской исторической науки трудов Миллера, Шлецера, Г. Эверса, стоявших «в самом преддверии русской исторической науки». «Знаменитые тетради» Миллера, — писал Покровский, — до сих пор «неисчерпаемый до дна рудник ценнейших документов...» «Мы считаем нашими предшественниками великих открывателей и истолкователей исторических фактов, какие действовали в нашей области в рядах предшествующих поколений», — заявлял он. Добавив к именам историков немецкого происхождения имена Соловьева и Ключевского, Покровский продолжал: «Мы не преклоняемся перед ними со слепой покорностью авторитетам, мы критикуем их, но мы не думаем отрицать, что многому от них научились и что без их работ не были бы возможны и наши работы». Выражая надежду на плодотворное научное сотрудничество с германскими учеными, начало которому было положено научным общением немецких и русских ученых XVIII в., Покровский писал: «У нас общие духовные предки, и как бы далеко не расходились в тех или иных отношениях наши точки зрения, родство между нами, поскольку мы стоим на почве фактов, должно чувствоваться»⁶⁵. Эта надежда

⁶⁴ Там же. С. 125

⁶⁵ Правда. 1928. 15 июля. С. 4.

М. Н. Покровского нашла свое воплощение лишь в наше время в сотрудничестве советских историков и историков ГДР.

В 30-е гг. в связи с подготовкой нового, полного издания «Истории Сибири» Миллера к его творчеству обратились А. И. Андреев и С. В. Бахрушин. Впервые в трудах А. И. Андреева была дана обобщающая характеристика его работ, относящихся к истории и географии Сибири, оценена целенаправленная деятельность ученого по сбору исторических источников: поиски архивных материалов, разработка анкет-вопросников, опросы «знающих людей» и т. п.⁶⁶ Свой интерес к Миллеру-источниковеду Андреев продолжал развивать и в трудах, вышедших после Великой Отечественной войны⁶⁷, которая прервала начатую работу по изданию «сибирских» сочинений Миллера.

Первым попытался определить классовую природу взглядов на историю Миллера С. В. Бахрушин. Он пришел к выводу, что Миллер как представитель «третьего сословия», «буржуазной интеллигенции», был проводником буржуазного исторического метода, порвавшим со средневековыми приемами исторического исследования и много сделавшим для развития буржуазной исторической науки. Но живя в обстановке феодального барства, состоя «на платной работе у русского правительства», Миллер, считал он, был вынужден считаться с интересами заказчика, заказчиком же был «крупный русский помещик». Поэтому Миллер в своем творчестве продемонстрировал некий синтез буржуазных интересов (во внимании к народной колонизации, к вопросам «умножения земледелия, мануфактур и купечества», культурному развитию) и влияний официальной идеологии (в презрении к «подлости», в одобрении сословного неравенства, в проповеди «государственной пользы»).

Говоря о том, что «История Сибири» создавалась в конце 40-х — начале 50-х гг., когда Миллеру пришлось пережить не одно унижение и преследование (дело Делиля, доносы Крекшина, речь-диссертация, принуждение к принятию подданства, запрещение заниматься гене-

⁶⁶ См.: Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. С. 59—144.

⁶⁷ См.: Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век (первая половина). М.; Л., 1956.

алогией и т. п.), Бахрушин справедливо отмечал, что схема сибирской истории не являлась «лично ему принадлежащей». «Она соответствовала интересам и вкусам той феодальной верхушки, которой Миллер служил, являясь, если можно так выразиться, произведением коллективного творчества Строгановых и Разумовских, двора и прислуживающей ему профессуры и академической канцелярии, могущественных светских и духовных критиков». Это обстоятельство, полагал он, и объясняет нам то, как Миллер, «крупный новатор в области исторической техники, человек с большим запасом здравого смысла и наблюдательности, добросовестный исследователь, выдающийся ученый, был так беспомощен там, где приходилось высказывать общий взгляд на изучаемые им явления»⁶⁸.

При этом С. В. Бахрушин вслед за некоторыми буржуазными историками (П. Н. Милюковым) воспринял приговор Шлецера об отсталости Миллера от западно-европейской науки, хотя и знал о склонности автора знаменитого в свое время «Нестора» к преувеличениям, к отрицанию заслуг работавших в области русской истории до него ученых. Явно противореча собственным высоким оценкам Миллера как новатора в области исторической техники, Бахрушин, на наш взгляд, совершенно неправомерно лишил его права претендовать в области исторической теории на звание ученого-рационалиста. Он полагал, что здесь Миллер находился в плену устарелой феодальной идеологии и не сумел преодолеть провиденциалистские взгляды историков-богословов XVII в. Слишком сурово осудил Бахрушин Миллера и за приверженность к «феодальной», как он полагал, идее «государственной пользы», за оправдание «феодальной экспансии» российского царизма в Сибири, за характеристику экономических возможностей, которые открывались для «русского феодализма в Зауралье», за стремление показать «гуманные средства» завоевания и управления Сибирью и т. п. Бахрушин упрекал Миллера даже за то, что потом могло удостоиться только похвалы, что через его сочинения о Сибири «красной нитью» проходит мысль «о добровольном ха-

⁶⁸ Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири С 51—55.

рактуре подчинения сибирских народов Российской державе и о применении в отношении их насильственных мер лишь в крайности»⁶⁹, за усиленную пропаганду «вольного характера крестьянской колонизации»⁷⁰. Все это, считал он, является свидетельством апологетики «успехов феодальной экспансии» в Сибири.

И хотя сам С. В. Бахрушин эти выводы сопровождал известными оговорками, подчеркивая противоречивость позиций ученого, жившего в переломную эпоху, и пытался показать также новые, буржуазные стороны его исторической концепции; именно эти выводы, приобретая еще более категорическую форму, получили затем широкое распространение в советской историографии.

В целом к оценке Бахрушина присоединился в 1941 г. Н. Л. Рубинштейн. Он также считал, что Миллер как проповедник рационалистических методов исторической критики, как ученый, который возвел принцип «истинности» в ранг главных принципов исторического исследования, принял участие в той «существенной перестройке исторического знания», которая началась в XVIII в. Огромная и разнообразная деятельность ученого превратила его в «исключительного знатока истории России». «Кажется, — писал Рубинштейн, — нет такого исторического начинания, которое не было бы так или иначе связано с его именем»⁷¹. Принцип его работы с источниками «вырастает в общий принцип мышления, исторического знания», — считал Рубинштейн. Однако, рассматривая Миллера главным образом как источниковеда, археографа и этнографа (труды по русской истории его затронуты не были), Рубинштейн, явно противореча своим выводам, заявлял; что, будучи «историком-эмпириком», «чернорабочим в исторической науке», Миллер не приобрел «целостного научного мирозерцания»⁷², как будто оно является привилегией теоретиков.

Однако в дальнейшем в советской исторической литературе начался коренной пересмотр роли академиконемцев XVIII в. в русской историографии. Уже в 1947 г.

⁶⁹ Там же С. 43.

⁷⁰ Там же С. 48.

⁷¹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография М., 1941. С. 106

⁷² Там же С. 113.

в книге С. А. Семенова-Зусера⁷³ Миллер, вслед за Байером, был изображен как фальсификатор русской истории, которого «с гениальной политической прозорливостью» разоблачал М. В. Ломоносов. От Семенова-Зусера получила начало традиция обвинять ученого во всевозможных грехах без обращения к его трудам и без всякой ссылки на них. Он заявил, к примеру, что Миллер «доказывал наличие массовой колонизации скандинавов-варягов далеко на юг России накануне ее государственности». И делал он это «с явным намерением теоретически оправдать якобы законные притязания шведов и немцев на земли русские»⁷⁴.

В 1948 г. была опубликована статья М. Н. Тихомирова, отразившая его позицию в дискуссии о книге Н. Л. Рубинштейна. В ней было заявлено, что так называемая норманская теория призвания варяжских князей «с самого начала не была простой теоретической проблемой, а знаменем воинствующих немецких придворных кругов и служила сугубо политическим целям»⁷⁵. Миллеру же была отведена роль археографа, не более.

Особенно «нелегко» пришлось Миллеру в 50-е гг. Приходится с горечью признать, что мы, поднимая из забвения славное имя М. В. Ломоносова, делали это в те годы в ущерб Г. Ф. Миллеру. В «Очерках истории исторической науки в СССР» было признано, что «деятельность иностранных академиков принесла не столько пользы, сколько вреда для русской историографии, направляя ее по пути некритического подражания иноземной исторической литературе»⁷⁶. Миллер был обвинен в том, что «полностью игнорировал русские источники», «отрицал самостоятельное развитие русского народа» и получил клеймо «историографа и апологета дворянской России XVIII в.»⁷⁷.

⁷³ Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке 1692—1947. Харьков, 1947

⁷⁴ Там же С. 19

⁷⁵ Тихомиров М. Н. Русская историография XVIII в // Вопросы истории 1948. № 2 С 95

⁷⁶ Очерки истории исторической науки в СССР М., 1955 Т. 1. С 193

⁷⁷ Там же.

В возрождение антинорманистских воззрений XIX в. внес свою лепту и П. Н. Берков⁷⁸. Высоко оценив в целом академические «Ежемесячные сочинения», он сделал все возможное, чтобы оторвать журнал от его редактора. Последний был обвинен в том, что давал в нем «искаженное представление о русской истории, вместо того, чтобы использовать это издание в воспитательно-патриотических целях»⁷⁹. Это, считал Берков, было совершенно невозможно для Миллера, «не сумевшего, несмотря на почти шестидесятилетнее пребывание в России, преодолеть свое презрительно-высокомерное отношение к русской науке и культуре»⁸⁰.

Вынужденный все же признать, что журнал развивал капиталистические тенденции, Берков заключал его рассмотрение парадоксальным выводом: «Можно не сомневаться, что, если бы во главе «Ежемесячных сочинений» с самого начала стоял Ломоносов, журнал имел бы более живой и общественно-значительный характер»⁸¹.

Позиция столь крупного знатока русской литературы XVIII в., каким был П. Н. Берков, не могла не оказать своего влияния на других. Ее воспринял, к примеру, М. Т. Белявский. В 1955 г. он писал уже, что «вся деятельность» Миллера была «серьезным препятствием для развития русской науки и культуры», поскольку он «стремился ослабить чувство национального сознания русского народа и пропагандировал космополитические, антипатриотические идеи»⁸².

В 1957 г. в защиту Миллера поднял свой голос Л. В. Черепнин. Для того, «чтобы оттенить величие М. В. Ломоносова, — писал он, — вряд ли следует изображать всех немецких ученых, работавших вместе с ним, бездарными, тупыми и невежественными людьми». В полемике по варяжскому вопросу столкнулись, по мнению Л. В. Черепнина, две научные концепции, а сама она представляет большой познавательный интерес. Что касалось замечаний М. В. Ломоносова на «Историю Сибири» Миллера, то они, полагал Черепнин, «лишены

⁷⁸ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952.

⁷⁹ Там же С. 89.

⁸⁰ Там же

⁸¹ Там же. С. 106.

⁸² Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета М., 1955. С. 60—62.

научной ценности», поскольку Ломоносов стоял «в отдельных случаях на охранительной позиции, отвечающей политике царизма»⁸³.

Рассматривая «Историю Сибири» Миллера как самый крупный труд ученого, Черепнин видел его основную политическую тенденцию «в обосновании освоения Сибири методами как завоевания, так и колонизации». На сибирском материале построена и его источниковедческая статья о Миллере⁸⁴. В ней Черепнин, отметив тонкость и многообразие приемов анализа источников, применявшихся Миллером, сделал вывод о большом вкладе ученого в русское источниковедение, о влиянии его наблюдений и методов на последующую историографию.

Хорошо знавший работы Миллера В. Э. Грабарь также отказался принять новую точку зрения. Коснувшись в своей книге⁸⁵ истории с «торжественной актовой речью» Миллера и последовавших на него гонений, Грабарь писал, что и в дальнейшем «в каждом его произведении усматривали «множество пустоши и нередко досадительной и для России предосудительной». Между тем Миллер являл собою образец научного исследователя..» Грабарь недвусмысленно выдвигал на первое место среди его главных черт как исследователя стремление к «беспристрастию» в освещении хода исторических событий и необходимость «подавлять в себе все те чувства, которые могут мешать» его проведению в жизнь⁸⁶.

Однако взгляды этих ученых еще долгое время оставались гласом вопиющего в пустыне.

Некоторые сдвиги стали намечаться в нашей литературе лишь с середины 60-х гг., но они носили еще весьма непоследовательный характер. Пример тому — труд С. Л. Пештича⁸⁷. Пештич обнаруживает в работах

⁸³ Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. М., 1957. С. 210, 217.

⁸⁴ Черепнин Л. W. G. F. Mullers Bedeutung für die Quellenkunde der russischen Geschichte//Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966. S. 303—311

⁸⁵ Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917) М., 1958. С. 94.

⁸⁶ Там же. С. 95.

⁸⁷ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч 2

Миллера, опубликованных в «Ежемесячных сочинениях» (а стало быть, и в «Собрании»), очень мало позитивных моментов. Единственное достоинство миллеровских статей, которого он не может не признать, это то, что они были первыми в своем роде и потому актуальными. Так, назвав цели, поставленные Миллером в «Опыте новейшей истории России», и охарактеризовав его источники как «достаточные для исследования на научном уровне», Пештич ограничивается констатацией того, что события изложены «с достаточной полнотой», но «неравномерно, с фактическими ошибками и без всякой попытки осмыслить дух и характер эпохи, причины и результаты событий» и т. п. Заявив, что «объемистый труд» о Новгороде — это первый опыт изложения его истории, Пештич сразу переходит к тому, что написан он «неравномерно», что «неполно» дано «общественное устройство Новгорода», «неверно» объяснены термины: «тысяцкий, бояре» и т. д. Все же он признает, что «игнорировать положительные наблюдения Миллера» в вопросе об общественном устройстве Новгорода «нет достаточных оснований». К ним Пештич относит подмеченное ученым сходство новгородского управления с государственным устройством вольных имперских или ганзейских городов, признание им демократического характера общественного устройства Новгорода и необходимости в интересах государственной пользы ликвидации «народной вольности»⁸⁸. Признав также, что в истории Новгорода впервые приведены сведения о городских восстаниях в России середины XVII в., Пештич вновь приходит к тому, с чего начал, к заявлению, что, несмотря на «упрощенное описание» и другие «существенные» недостатки, труд Миллера — первая работа по истории новгородской вечевой республики. И в этом качестве она не могла не оказать «прогрессивного воздействия на развитие русской исторической и политической мысли XVIII в.» и не получить «огромный историографический резонанс».

По варяжскому вопросу С. Л. Пештич встает в конечном счете на ставшую уже к тому времени традиционной точку зрения о неприемлемости «для национального патриотизма» «норманистской схемы» Миллера.

⁸⁸ Там же. С. 221.

И хотя его желание выяснить точку зрения «обвиняемой стороны», т. е. Миллера, свелось лишь к рассмотрению ответов последнего на замечания своих оппонентов, а сама речь Миллера, как это уже стало традицией, вновь осталась за пределами исследования, все же и эта «уступка» «обвиняемому» привела автора к выходящим за пределы традиционной точки зрения замечаниям. Он считал, например, что «в источниковедческом отношении» позиции Миллера были более серьезно обеспечены, чем точка зрения его оппонентов, что Миллер придерживался летописи Нестора, в то время как «Ломоносов и его союзники опирались на новгородскую летопись, точнее на баснословное сказание о начале Новгорода и на Киевский «Синописис», которому нельзя отказать в настойчивой защите национальной традиции, но научные достоинства которого были взяты под сомнение еще до этой дискуссии»⁸⁹.

Надо отдать должное С. Л. Пештичу и за его оптимистический в целом вывод о «большом вкладе в развитие русской исторической науки» Миллера, чей «метод и общественно-политические взгляды, как он полагал, бесспорно эволюционизировали в буржуазном направлении». Еще полезнее были его интересные замечания по поводу «Ежемесячных сочинений». Пештич считал, что этот журнал «много сделал для формулировки теоретических положений, столь необходимых для дальнейшего развития исторической мысли». «Интерес к истории экономики, антикрепостнические тенденции, соображения о предмете истории и настойчивое стремление к критике источников свидетельствовали об укреплении нового историографического направления, связанного с просветительской идеологией...»⁹⁰. Однако вслед за Берковым эти заслуги журнала Пештич отрывал от заслуг его редактора, потому и заявлял чуть позже, еще раз продемонстрировав непоследовательность своей оценки, что «отставание» Миллера «от все возрастающих требований к современной науке» явилось «главнейшей» причиной его переезда в Москву.

Рациональное зерно выводов С. Л. Пештича, столь умело законспирированное, еще довольно долго игнори-

⁸⁹ Там же С. 230.

⁹⁰ Там же. С. 27

ровалось в нашей литературе. В статье М. М. Штранге⁹¹, где Миллер и его «Ежемесячные сочинения» должны были занять подобающее им место, они вообще не удостоились даже упоминания. Но игнорирование работ Миллера было все же меньшим злом по сравнению с необъективной оценкой, какую продемонстрировала краткая статья Г. Н. Моисеевой, посвященная Миллеру — исследователю русских летописей⁹². Характеристика публикации им Кенигсбергской летописи в «Собрании» начиналась в ней с констатации наличия ошибок, вину за которые Миллер «свалил» на Паузе, переведившего летопись на немецкий язык. Гнев Паузе, обвинявшего Миллера в том, что тот присвоил результаты его труда, признавался справедливым, и утверждалась совершенно не отвечающая истине мысль, будто бы Миллер не знал хорошо русского языка не только в 30-е, но и в 60-е гг. В отличие от Пештича автор упрекала Миллера за то, что при написании своей диссертации он мало использовал русские летописи, которые плохо знал, чем и объяснялась его «неудача». Статья Миллера о Несторе признавалась лишенной всякой оригинальности, поскольку автор в ней «заимствовал все» из Татищева и т. п. И хотя несколькими годами позже Г. Н. Моисеева признала, что Миллер «был одним из крупнейших историков — знатоков древнерусских летописей»⁹³, откровенно негативная оценка, данная в 1967 г., сыграла свою отрицательную роль в историографии. К счастью, она не была повторена в монографии, увидевшей свет в 1980 г.⁹⁴

Грубыми натяжками и извращениями был наполнен очерк о Миллере — историке Сибири В. Г. Мирзоева, видевшего в нем лишь «классическую фигуру собирате-

⁹¹ Штранге М. М. Идеи Просвещения в русской историографии 50—70-х годов XVIII в // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 177—183.

⁹² См.: Моисеева Г. Н. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард Фридрих Миллер) // Русская литература 1967 № 1 С. 130—137

⁹³ Моисеева Г. Н. Отрывок Троицкой пергаментной летописи, переписанный Г. Ф. Миллером // Труды ОДРЛ Т 26. Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв. Л., 1971. С. 98.

⁹⁴ Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.

ля фактов», начисто лишенного «философии истории»⁹⁵. Перечень негативных оценок Миллера, в том числе и в работах, лишь косвенно затрагивавших его, можно было бы продолжить.

За последнее десятилетие интерес к творчеству Миллера заметно усилился. Опубликован ряд статей, свидетельствующих о формировании объективного подхода к его наследию и к оценке его места в истории русской науки⁹⁶. Эти статьи выявили новые, не изучавшиеся ранее амплуа разностороннего исследователя русской истории: история городов, сословий, административной системы России, народных движений, крестьянского вопроса и др. Выявлен безусловный интерес Миллера и к философии истории, выразившийся в разработке им просветительских начал исторической науки XVIII в. Вслед за историками ГДР Миллер стал рассматриваться как один из ведущих посредников немецко-русских и западноевропейско-славянских связей века Просвещения. Выявлению его роли во взаимообмене, взаимовлиянии и взаимообогащении национальных культур в Европе посвящена настоящая работа.

⁹⁵ Мирзоев В. Г. *Историография Сибири*. (Домарксистский период) М., 1971 С 91.

⁹⁶ См: Свиденко В. С. Роль русских журналов 1755—1764 гг. в утверждении принципов рационализма в истории // *Общественные науки*. Караганда, 1975. Вып. 2. С. 199—212; Она же. Татищевская традиция в русской историографии и «Опыт новейшей истории о России» Г. Ф. Миллера // *Некоторые вопросы историографии Казахстана*. Караганда, 1980. С 40—60; Каменский А. Б. История создания и публикации книги Г. Ф. Миллера «Известие о дворянах российских» // *Археографический ежегодник за 1981 год* М., 1982 С. 164—172; Он же О первом издании Судебника Ивана Грозного с примечаниями В. Н. Татищева // *Советские архивы* 1985. № 5. С. 64—66; Он же Изучение истории государственных учреждений Московской Руси во второй половине XVIII в. // *Исторические записки*. М., 1982 Т. 108. С. 259—272; Илизаров С. С. История создания и публикации первого русского географического словаря // *Археографический ежегодник за 1977 год*. М., 1978 С 90—97; Хорошев А. С. Происхождение Новгорода в отечественной историографии // *Вестн. МГУ. Сер. 8 История*. 1983. № 6 С 40—53; Бондарева Е. А. Источники «Исторического описания Российской коммерции» М. Д. Чулкова // *История СССР* 1982 № 2 С 94—103; Резун Д. Я. О работе Г. Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири. Новосибирск, 1982 С 142—158; Белковец Л. П. К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера // *История СССР* 1985 № 4. С. 154—166.

Трудами И. П. Шаскольского и М. А. Алпатова⁹⁷ положено начало своеобразной реабилитации Миллера как создателя и защитника норманской теории происхождения Русского государства. Важное значение имеет выход монографии М. А. Алпатова, бывшего одним из членов авторского коллектива 1-го тома «Очерков истории исторической науки в СССР». Автор ее пересмотрел свою позицию, и очерк о Миллере — великом труженике науки, патриоте России, ставшей для него второй родиной, написан им в лучших традициях отечественной историографии.

Появившиеся в последнее время новые публикации о скандинаво-русских отношениях в период образования и начального развития древнерусского государства и в особенности монография Г. С. Лебедева⁹⁸, в которой подведены итоги многообразных археологических, лингвистических и текстологических исследований, дают основание для окончательного пересмотра с позиций диалектико-материалистического метода роли и значения варяжской проблемы в историографии XVIII в. Настала пора и для объективной оценки речи-диссертации Миллера, которая сохранилась в русском и латинском вариантах в целом ряде наших библиотек⁹⁹, но которую мы долгое время игнорировали, делая вид, что ее не существует.

Ждет своих исследователей эпистолярное наследие Г. Ф. Миллера, яркий памятник научной, общественной и культурной жизни России XVIII в. Оно, несомненно, заслуживает того, чтобы быть опубликованным. Немало открытий принесет исследователям и разбор неопубликованных сибирских материалов Миллера. Только начало изучения описаний некоторых уездов Сибири, со-

⁹⁷ См. Шаскольский И. П. Указ. соч.; Алпатов М. А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории 1982. № 5. С. 31—45; Он же. Неутомимый труженик. О научной деятельности академика Г. Ф. Миллера // Вестн АН СССР 1982 № 3. С. 117—124; Он же. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.) М., 1985. С. 19—27.

⁹⁸ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1986.

⁹⁹ Гуревич М. М., Шафрановский К. И. Об издании 1749 года речи Г. Ф. Миллера «Происхождение русского народа и имени Российского» // Книга: Исследования и материалы. М., 1969. Сб. 6. С. 282—285.

ставленных Миллером на немецком языке, проведенного А. Х. Элртом, показало, насколько богаче его данные материалов официальной статистики и сколь важные уточнения позволяют они внести в сложившиеся уже представления о динамике крестьянского освоения Сибири ¹⁰⁰.

Одну из славных страниц в истории Академии наук приоткрывает изучение немецкоязычного журнала Миллера, входившего в круг чтения видных немецких, английских, французских, шведских историков и публицистов XVIII в.

¹⁰⁰ Эл р т А. Х. Указ. соч. С. 70—72.

2. Путь к российской истории

В XVIII в., духовная история которого определяется рационализмом Просвещения, историческая наука преодолевает постепенно наследие средневековой анналистики и поднимается до рационалистического осмысления исторических явлений. Из истории изгоняются чудеса, божественный план, предопределение свыше. Просветители, будучи в основной своей массе материалистами в понимании природы, стали смело и решительно отстаивать свободу научного творчества, бороться против вмешательства церкви в дела науки, отвергая средневековый тезис о том, что наука — это служанка богословия. В истории, как и в других областях научного знания, они требовали объяснения явлений прошлого с позиций разума, человек, как и природа, был изъят из сферы приложения религии. Изгнанный из истории бог стал сводиться либо к философскому началу всех вещей, либо к понятию закономерности-бога как создателя законов, которым подчиняется все в природе и обществе¹.

Хотя рационалистический метод оставался по своей сути идеалистическим, ибо главной движущей силой прогрессивного развития человеческого общества признавались идеи — освобождение человечества от оков религии, предрассудков и ханжества, все же выход к поиску причинно-следственных связей в исторических явлениях привел к колоссальному расширению круга исторических источников, положенных в основу исследо-

¹ Косминский Е. А. Историография средних веков М., 1963. С. 177.

вания². Постепенно вырабатывались методы проверки достоверности их показаний. Возникла критика источников, трансформировавшая методы внешней критики, которыми пользовались эрудиты XVII в., в приемы критики содержания, глубинную критику факта.

Тон новой исторической науке задавали французские просветители, особенно в отношении создания нового метода истории, ее философии. Из их трудов заимствовали западноевропейские историки и новые приемы и методы исследования. Труды французских просветителей (Вольтера, Монтескье, Дидро и др.) издавались большими тиражами, широко распространялись по европейским странам, в том числе и в России³. Они привлекали внимание страстной публицистичностью, острой критикой прошлого. Менее разработано в науке участие в этом процессе историков-профессионалов, историков-практиков, которые в процессе постоянной, кропотливой работы с источниками, в процессе их интерпретации поднимались подчас до глубоких обобщений и выводов.

Труды этих скромных тружеников, посвященные разработке конкретных проблем исторического прошлого, создавали ту базу, на которой формировались затем философские построения теоретиков. Усердие и кропотливость в черновой исторической работе были присущи в силу целого ряда обстоятельств в первую очередь немецким историкам⁴. Это обстоятельство подчеркивал Ф. Энгельс, когда, говоря об отсталости Германии в XVIII в., писал: «Признаки жизни только в двух областях: в военном искусстве и... в добросовестном, объективном научном исследовании»⁵. Для Вольтера, провозгласившего в принципе необходимость строгой научной проверки каждого исторического факта⁶, на деле

² Hoffmann P. Deutsch-russische Beziehungen auf dem Geschichtswissenschaft im 18. Jahrhundert und ihre Bedeutung für die Gegenwart S. 89.

³ См. Французская книга в России в XVIII в. Л., 1986. 254 с.

⁴ См. Биск И. Я. История исторической мысли в новое время (Западная Европа: XVIII в. — 90-е годы XIX в.). Иваново, 1983. С. 34.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве М., 1957. Т. 1. С. 410.

⁶ См. Косминский Е. А. Вольтер и историческая наука // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии М., 1945. Т. 2 № 1. С. 18.

фактическая точность и установление истинности факта не являлись главным предметом его забот. Вольтер никогда не был кабинетным ученым. «Медлительная точность в работе была ему докучна, — писал Е. Ф. Шмурло, — тщательность предварительных изысканий тяготила его; более литератор, публицист и философ, он ценил в историческом труде главным образом красивую картину, видел в ней кафедру, с которой мог провозглашать свои любимые идеи, и «какая-нибудь» цифра, дата, отдельное имя, по сравнению со всем остальным, казались слишком мизерным и мелочным, чтоб стоило затрачивать на них много времени»⁷.

Немецкие историки (имеются в виду «хорошие», по характеристике Н. М. Карамзина⁸, Миллер, Шлецер, Тунман, Гаттерер и др.) занимались этим с упорством, достойным подражания. Отсюда известная сухость и строгость их изложения, приверженность к источнику, пространное его цитирование, что, однако, обеспечило их трудам в историографии долгую и плодотворную жизнь. Не случайно именно немецкие историки были самыми рьяными критиками исторических трудов Вольтера в XVIII в.

В разработке критических приемов исторического исследования необходимо признать заслуги немецкой филологической школы, сформировавшейся на разборе Библии и перенесшей затем приемы ее критики на исторические источники. Эта школа заявила о себе уже к середине XVIII в. в Геттингенском университете, который становится к этому времени центром исторической науки Германии. Основателем ее был профессор университета И. Д. Михаэлис, среди учеников которого самым талантливым признан А. Л. Шлецер. Геттинген становится в это время не только средоточием видных историков, но и центром разработки того комплекса знаний, который получил наименование «государственных наук»⁹. Труды петербургского академика Г. Ф. Миллера, пользовавшиеся широким признанием геттингенских ученых в середине века, надо думать, внесли свой вклад

⁷ Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929. С. 34—35.

⁸ Карамзин Н. М. Указ соч. Т. 1. С. 392, 509.

⁹ Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974. С. 20.

в формирование этой школы. В ее лоне вызревал и критический талант Бюшинга, сначала видного теолога и критика Библии, а затем отрешенного от теологии за ересь одного из самых представительных публицистов, историков, источниковедов XVIII в.

Именно с XVIII в. в исторической науке утверждается такое понятие, как «субъективность» исторического источника, порождаемая «корыстью», политическими интересами, психологией его авторов. Во весь рост перед историками встает проблема определения достоверности или хотя бы вероятности факта, главным мерилом и критерием которых становится «здравый смысл», человеческий разум¹⁰. Широкое распространение получает в связи с этим понимание назначения историка как «искателя истины», встает вопрос о беспристрастности ее поиска. Все это дает изрядный стимул к прогрессивному развитию исторической науки, к перерастанию процесса беспристрастного поиска истины в проблему объективности в истории, которую будет активно разрабатывать историческая наука XIX в. Но как и потом, это был принцип буржуазной науки, взятый на вооружение просветительской историографией. Он был ограничен необходимостью блюсти интересы буржуазного класса, который находился еще в стадии формирования, зависел от абсолютизма, от официального политического курса. Стремление к беспристрастности в истории XVIII в. выразилось прежде всего в том, что историки-профессионалы начали рассматривать изучаемые явления и исторических деятелей с разных сторон, выявляя в них и положительные и отрицательные черты.

В век Просвещения формируется новое отношение к истории, к ее предназначению в обществе. В отличие от раннебуржуазных философов XVII в., видевших в истории лишь хаотическое собрание эмпирических фактов, в котором невозможно отличить истину от лжи, просветители глубоко убеждены в ценности истории¹¹. Она становится одним из главных средств для достижения важной цели — перевоспитания народа на началах разума. История приобретает огромную ценность как

¹⁰ Косминский Е. А. Вольтер и историческая наука С 18—19

¹¹ Там же С. 16—18.

орудие философской и политической пропаганды, возникает надежда с ее помощью перевоспитать даже государей, превратить их в просвещенных, в философов на троне. Так, в XVIII в. на передний план выдвигается прагматическое, утилитарное назначение истории. Она приобретает огромную популярность, исторические труды пишутся для широкой читательской аудитории, вызывают глубокий общественный резонанс.

В основе такого понимания истории лежала одна из главных функций Просвещения. Просветители рассматривали себя в качестве своеобразных миссионеров разума, призванных открыть людям глаза на их природу и предназначение, направить на путь истины. «Ренессансный идеал свободной личности, — писал А. В. Гулыга, — приобретает в эпоху Просвещения атрибут всеобщности: должно думать не только о себе, но и о других, о своем месте в обществе. Почву под ногами обретает идея социальности, в центре внимания — проблемы наилучшего общественного устройства»¹².

Просветительская мысль формулирует и новую цель исторической науки, ярко выраженную в известных словах Вольтера: «Цель истории заключается не в том, чтобы показать, что такой-то нестоящий внимания государь следовал за таким-то правителем варваров. Нужно изучать дух, нравы и обычаи народов»¹³. С века Просвещения история, отдавая известную и значительную дань «просвещенной» личности, начинает искать выход в социальные отношения, в историю ремесла и торговли, в историю культуры, науки, техники, в историю быта и нравов. «Теперь хотят знать, — писал Вольтер в середине XVIII в. в письме к И. И. Шувалову, — как росла нация, каково было ее народонаселение в начале эпохи, о которой идет речь, и в настоящее время; как выросла с тех пор численность войск, которые она (нация) содержала и содержит; какова была ее торговля и как она расширилась, какие искусства возникли в самой стране и какие были заимствованы извне и затем усовершенствованы; каковы были приблизительно государственные доходы в прошлом и настоящем, как воз-

¹² Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М., 1986. С. 6.

¹³ Косминский Е. А. Вольтер и историческая наука С. 17.

ники и развивались морские силы; каково было численное соотношение между дворянами, духовенством и монахами и между ними и земледельцами и т. д.»¹⁴. Эти проблемы волновали всех историков и решались в XVIII в. на стыке двух общественных дисциплин: истории и политэкономической географии, которая возникает в середине века в трудах Г. Ахенваля, геттингенского профессора, основателя «статистики», как тогда называли науку «государствоведения»¹⁵, и продолжается в трудах его последователя, А. Ф. Бюшинга. Не остались в стороне от этой работы и петербургские академики.

Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что стремление дать историю цивилизации, историю всемирной культуры, в которой факты политической истории занимали бы отнюдь не первое место, привело к своеобразному перегибу, сказавшемуся в пренебрежительном отношении ряда историков к истории монархов, дипломатов и полководцев, которое явно не соответствовало ее действительному значению¹⁶. Он не был характерен, однако, для представителей исторической науки Германии.

В XVIII в. с развитием географических знаний, интереса к жизни различных народов и стран расширяется и географический диапазон исторических исследований. Внимание историков привлекает не только Европа, но и Азия, Америка, Африка. Расширяется круг «цивилизованных народов», возводятся в ранг исторических, достойных иметь свою историю, совершенствовать свой разум «дикие» народы. И здесь прежде всего надо говорить о значении трудов ученых Петербургской Академии наук, начиная с Т. З. Байера, включивших в орбиту исторического исследования народы Китая и мусульманского Востока, Поволжья, Кавказа, Сибири. С этой точки зрения вклад петербургских ученых в просветительскую историографию XVIII в. оценен недостаточно.

Отказавшись от идей провиденциализма, изгнав из истории божественное предопределение, просветители привнесли в общественное сознание веру в огромные

¹⁴ Косминский Е. А. Историография средних веков. С. 185.

¹⁵ Вебер Б. Г. Указ соч. С. 20.

¹⁶ Волгин В. Вольтер-историк // Исторический журнал. М., 1945. Кн. 4. С. 65

возможности научного знания, а саму науку возвели в ранг движущей силы прогрессивного общественного развития. Восприняв идею «естественного права», развитую в трудах английских материалистов XVII в., просветительская историография поднимается к концу XVIII в. до признания равенства всех народов, необходимости борьбы за свободу не только мысли и слова, но и за политическое равенство.

Таковы были достижения исторической мысли века Просвещения. Они складывались постепенно, в процессе многотрудной работы ученых разных стран, каждый из которых внес в копилку просветительской историографии свой посильный вклад. Общее составляет из суммы «частностей», для познания которых, как писал Ф. Энгельс, «мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д. В этом состоит прежде всего задача естествознания и исторического исследования»¹⁷.

Итак, обратимся к Г. Ф. Миллеру и его «Собранию Российской истории».

Г. Ф. Миллер родился 18 октября 1705 г. в Вестфалии, в г. Герфорде, бывшем вольном ганзейском городе, попавшем с 1647 г. под власть бранденбургского курфюрста, но и после этого отличавшемся своим «гордым и независимым бюргерством»¹⁸. Семья Миллера принадлежала к миру науки, его отец, Томас Миллер, был ректором герфордской гимназии, мать, Анна Мария, — дочерью профессора теологии, суперинтенданта и советника консистории города Ринтельна Герарда Бодинуса.

Герфордская гимназия, старинное учебное заведение, основанное еще во времена реформации (1540 г.), с ее спартанскими порядками, дала ему отличное знание языков, особенно латинского, приучила к постоянному и упорному труду. Домашняя библиотека, в которой можно было развить склонность к различным областям знания, завершила его начальное образование. Еще юношей Миллер избрал своей будущей профессией биб-

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 203

¹⁸ Hoffman P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten für das Russlandbild des 18. Jahrhunderts. S. 20.

лиотечное дело в том широком смысле, как его тогда понимали, — историю учености, литературы, образования¹⁹. В 1722 г. началась его учеба в университете Рингелна, который имел столетнюю историю и долгое время оставался единственным на всю северо-западную Германию. Миллер писал позднее, что именно в этом небольшом университете была открыта первая кафедра экономики и камеральных наук, и он слушал в нем начавшиеся за несколько лет до его прихода в университет первые экономические лекции, ставшие затем непеременимыми во всех немецких университетах²⁰.

С 1724 г. Миллер продолжил свое образование в университете Лейпцига, бывшем тогда ведущим университетом Германии. Саксония — страна текстильной индустрии и горнозаводского дела, одна из самых развитых в экономическом отношении областей Германии, имевшая довольно высокий уровень капиталистических отношений, выдвинула свою столицу — Лейпциг — крупный торговый город Центральной Европы, в видный центр раннего немецкого Просвещения. В Лейпцигском университете, считавшемся учебным заведением высшего ранга, получили свое образование выдающиеся предшественники немецкого Просвещения — С. Пуфендорф, Х. Томазиус, Г. В. Лейбниц. «В XVIII в. немец из Лейпцига считался образцовым в смысле образования во всей Германии»²¹.

Миллер, вспоминая об университете, писал потом, что был обязан своим образованием руководству профессора Менке и его прекрасной библиотеке²². Философ и историк, «человек огромной остроты ума и великой живости духа»²³, Иоганн Бурхард Менке принадлежал к семье известных издателей книг и научных журналов. Родоначальником ее был Отто Менке, основатель знаменитого научного и реферативного журнала «Труды ученых» («Acta eruditorum»), выходившего на латинском языке с 1682 г. Этот журнал по своей значимости,

¹⁹ Материалы для истории Академии наук. СПб., 1890. Т. 6. С. 250.

²⁰ Там же С. 199.

²¹ Mühlpfordt G. Die deutsche Aufklärung und ihr Zentrum Halle—Leipzig. S. 370—375.

²² Материалы для истории Академии наук. Т. 6 С. 63.

²³ Pruss R. G. Op. cit. S. 284.

по широким связям с другими странами сильно потеснил даже знаменитый французский «Journal des Savants», став в центре европейской учености²⁴. В нем сотрудничали видные ученые Германии того времени: В. Чирнгауз, В. Альберти, И. Бон, Г. В. Лейбниц, Х. Томазиус и др. Именно в этом журнале были опубликованы первые рецензии на русские книги, написанные в 1710 г. известным берлинским славистом Иоганном Леонардом Фришем²⁵.

Своеобразным дополнением к журналу стали «Новые ученые ведомости», выходившие с 1715 г. на немецком языке и сыгравшие важную роль в развитии интереса к славянскому миру, выдвинув лейпцигское Просвещение первой половины XVIII в. на роль посредника в культурном и научном обмене Востока и Запада²⁶. Благодаря посредничеству петровского дипломата Г. Гюйсена, «русского шефа прессы», журналы Менке проявляли огромный доброжелательный интерес к России. «Едва ли можно найти такое событие государственного и национального значения в России, которое бы не нашло отклика у лейпцигских журналистов», — писал У. Леман²⁷. Здесь, в центре, соединявшем нити раннего европейского Просвещения, в атмосфере глубокого научного интереса к России формировались научные взгляды Миллера.

И. Б. Менке снискал признание современников как издатель исторических источников. Его труд «Писатели германской истории, особенно саксонской» был признан классическим. В 1708 г. он получил звание официального саксонского историографа. С. В. Бахрушин считал, что у Менке Миллер перенял не только методы публикации источников, но и сами приемы работы с ними. Известно, что Миллер был в числе слушателей специального курса по журналистике, который Менке читал в университете, и под его руководством приобрел некоторый опыт журналистской работы²⁸. Большое

²⁴ Там же С. 277.

²⁵ Там же. С. 278.

²⁶ Mühlpfordt G. Petersburg und Leipzig — zwei engverbundene Zentrum der Aufklärung. S. 123.

²⁷ Grasshoff H, Lauch A, Lehmann U Humanistische Traditionen der russischen Aufklärung S. 186

²⁸ Невская Н. И. «Примечания на Ведомости» как научный журнал // Наука и культура России в XVIII в. Л., 1984. С. 8

влияние на молодого ученого оказали труды Лейбница в области лингвистики и этнографии, его научные изыскания в брауншвейгских архивах ²⁹.

Миллер не напрасно упоминал в своих воспоминаниях о библиотеке Менке, куда ему был открыт свободный доступ. Подобной библиотеки не было во всей Европе. Она содержала литературу по истории, древностям, праву, нумизматике, труды греческих и латинских авторов. Собирали ее отец и сын Менке в течение пятидесяти лет. В 1723—1724 гг. И. Б. Менке предлагал русскому правительству через Г. Гюйсена и Л. Блуменроста, будущего первого президента Академии наук в Петербурге, купить ее за 18 тыс. рублей ³⁰. Можно думать, что эта богатейшая библиотека, лейпцигский университет и научный опыт Менке дали Миллеру, отличавшемуся умом, пытливостью и усердием, всеохватывающее представление о тогдашнем состоянии исторической науки, философии, источниковедения, лингвистики, классической литературы.

В июне 1725 г. он получил степень бакалавра изящных искусств и философии, и ему было поручено прочесть в университете лекцию о Плутархе «*Ad Plutarchi libell de Puerorum educations*» ³¹. Нетрудно предположить, как бы сложилась дальнейшая судьба Миллера. Докторская степень, карьера университетского профессора при том покровительстве, которое оказывал ему Менке, были обеспечены Миллеру. Но в 1725 г. открылась Петербургская Академия наук, и Менке, привлеченный как консультант и посредник к подбору для нее ученых ³², рекомендовал его, как и второго своего ученика, И. П. Коля, для работы в России. Первым уехал в июне 1725 г. Коль, который был определен в Петербурге профессором элоквенции и церковной истории. В своих письмах он заверил Миллера в том, что Академии необходимы еще несколько студентов, изучавших гуманитарные науки, и поскольку считал его «способнейшим к тому перед прочими», то, приглашая его при-

²⁹ Бахрушин С. В. Указ соч. С. 16.

³⁰ Grau C. Johann Burhard Menkes Russlandkontakte S. 250.

³¹ Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten für das Russlandbild des 18. Jahrhunderts S. 24.

³² Копелевич Ю. Х. На раннем этапе // Вестн. АН СССР 1974. № 2. С. 140—141.

ехать в Петербург, обещал, что Миллер сможет осуществить здесь свое намерение и сделаться библиотекарем³³. За этим последовало официальное приглашение президента Академии наук, который послал распоряжение берлинскому банкиру З. Негелину выдать за счет Академии на дорогу до Петербурга 100 рейхсталеров «лейпцигскому студенту Миллеру»³⁴. В конце сентября 1725 г., получив наставление отца в длинном латинском стихе³⁵, Миллер выехал из Лейпцига и 5 ноября прибыл в Петербург.

Здесь он был определен сначала в «студенты», как назывались тогда академические адъюнкты, с жалованием 66 рублей 66 копеек в год, которое в августе 1727 г. было повышено до 200 рублей³⁶. Первыми занятиями его стало участие в заседаниях Конференции и преподавание в академической гимназии, где Миллеру были поручены география, история и латынь.

Уже 4 июня 1726 г. Миллер предложил свою первую научную работу по истории литературы³⁷, которая свидетельствовала о продолжении начатых в Лейпциге исследований. Еще один вариант работы был доложен им в профессорском собрании 9 ноября 1731 г.³⁸ П. Н. Берков, знакомившийся с некоторыми рукописями Миллера, отмечал, что молодой ученый проявлял в те годы интерес к славянской азбуке, глаголице, интересовался началом образования руссов, созданием гражданского письма³⁹. Очевидно, с этого времени Миллер полагал, что русские писали только на пергаменте и бумаге, но уже с конца VIII столетия знали употребление алфавита⁴⁰.

³³ Пекарский П. П. История Академии наук. Т. 1. С. 310

³⁴ Материалы для истории Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 139

³⁵ Büsching A. F. Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insonderheit gelehrter Manner. Theil 3. Gerhard Friedrich Muller. Halle, 1785. S. 8.

³⁶ Материалы для истории Академии наук. Т. 1. С. 173, 273

³⁷ Протоколы заседаний Конференции Академии наук. Т. 1 С. 5.

³⁸ Там же С. 29—30

³⁹ См. Berkow P. N. Literarische Wechselbeziehungen zwischen Russland und Westeuropa im 18. Jahrhundert. Berlin, 1968. S. 24.

⁴⁰ Franz Maria Arouet von Voltaire. Geschichte des russischen Reichs unter Peter der Grossen. Aus dem französischen übersetzt von Johann Michael Hube, und mit Zusätzen und Verbesserungen herausgegeben von D. Anton Friedrich Büsching. Frankfurt, 1761. S. 153.

Петербургская Академия наук в первое десятилетие своего существования представляла собой корпорацию известных ученых, стоявших на переднем крае европейской науки и образования. Математики Я. Герман, Х. Гольдбах, Николай и Даниил Бернулли, астроном Ж. Н. Делиль, анатом И. Дювернуа, физик Г. Бюльфингер и др., талантливая молодежь — Л. Эйлер, И. Г. Гмелин, Г. Крафт, И. Вейтбрехт, Г. Ф. Миллер — развернули активную деятельность по развитию научных исследований, по подготовке специалистов для науки, культуры, образования. Это была «блестящая плеяда молодых ученых из разных стран Европы», мечтавшая о больших научных открытиях, которая нашла в России благоприятные условия для занятия наукой. Здесь, на периферии европейской науки, над ними не тяготело бремя картезианской догматики, как во Франции, не давил авторитет Х. Вольфа, как в Германии, или И. Ньютона, как в Англии⁴¹. В условиях, когда живы были еще традиции петровского времени, научная деятельность их могла развиваться относительно свободно, не подвергаясь опеке церковников. В Академии наук в эти годы ставятся и открыто обсуждаются вопросы о множестве миров, об атомистическом строении материи, учение Коперника, а сами научные исследования носят антиклерикальный и даже атеистический характер⁴².

Таков был «Китайский музей» Т. З. Байера, являвшийся на деле коллективным трудом многих членов Академии наук. В нем принял участие и Миллер. В труде отстаивалось право ученых заниматься исследованием любых проблем, связанных с жизнедеятельностью человеческого общества, в том числе вопроса об «истинности христианской религии». История религиозных культов, письма, календаря, мер и весов, история представлений о вселенной были возведены в нем в ранг объектов научного исследования⁴³.

С 1728 г. служебные обязанности Миллера чрезвычайно расширились. Главным его занятием с этого вре-

⁴¹ См.: Невская Н. И. «Примечания на Ведомости» как научный журнал С 5

⁴² См.: Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984. С 186.

⁴³ Там же. С. 186—187.

мени становится издание порученной Академии наук газеты «Санкт-Петербургские ведомости», которая составлялась на немецком языке, а затем переводилась на русский. Издание газеты должно было служить решению задачи, поставленной перед Академией наук Петром I — пропаганде научных знаний, чтобы «чрез обучение и расположение оных польза в народе впредь была»⁴⁴. Миллер подключился к этой работе с первых лет пребывания в Академии наук. С приходом его в газету она становится регулярной, выходит два раза в неделю. Делая выборки из французских, английских и немецких газет, он находится в курсе всех важных государственных и придворных известий. По его инициативе с 1728 г. начинают выходить «Примечания на «Ведомости» — первый научно-популярный журнал России, печатавшийся сначала на русском, а затем и на немецком языках.

На страницах журнала находили отражение результаты научных исследований, проводившихся в Академии наук. В них принимала участие вся академическая молодежь, но душой журнала, его организатором и вдохновителем был в 1728—1730 гг. Миллер. Именно в его статьях был задан и подчеркнут просветительский характер журнала — «к пользе и удовольствию читателей нечто сообщать». Об этом Миллер заявил в очерке, посвященном истории газетного и журнального дела в Западной Европе с начала XVII в.⁴⁵ Его статья «О камне асбесте...»⁴⁶ положила начало публикациям, направленным против суеверий, носившим антиклерикальный характер. В ней решительно разоблачались «чудеса» языческих жрецов и христианских святых, якобы не горевших в огне, и убедительно доказывалось, что такие легенды возникли потому, что «чудотворцы» носили одежду из медленно горящего асбестового полотна.

Журнал печатал материалы по истории разных обычаев и традиций римско-католической церкви, рассказывал о пороках тех пап и кардиналов, которые преследовали ученых. В 1729 г. на его страницах была опубли-

⁴⁴ История Академии наук СССР. М.; Л. Т. 958 Т. 1. Ч 2. С. 429

⁴⁵ Примечания на Ведомости 1729 Ч 1.

⁴⁶ Примечания на Ведомости. 1728. Ч. 4—7; 1729. Ч. 21.

кована статья «Об инквизиции»⁴⁷, главной целью которой было утверждение независимости науки от церкви и богословия, необходимости объяснять явления природы из «естественных» причин. Именно таким образом стремились работавшие в журнале ученые дать объяснение вулканов и землетрясений, причин, по которым «мамонтовые кости» обнаруживаются в слое мерзлоты в северных районах Сибири. На страницах «Примечаний на Ведомости» был вынесен приговор алхимии, которая, как писал автор статьи И. Г. Гмелин, видит свою задачу в том, чтобы «ясное неясным, а неясное еще неяснейшим учинить», и разоблачены секреты алхимического искусства известных его adepts⁴⁸.

Миллер принимал активное участие в написании статей на естественнонаучные темы. Он был, к примеру, соавтором статьи «О бывшем тому недавно Северном сиянии», в которой вместе с Л. Эйлером и Г. Крафтом пытался найти естественное объяснение причин этого явления⁴⁹. Миллеру принадлежала первая часть статьи, в которой были собраны имеющиеся в литературе упоминания и объяснения этого природного явления. Обстоятельный обзор литературы начинался с Аристотеля и Ливия и кончался астрономами новейшего времени. Приводились в нем и собственные впечатления ученого, жившего в Петербурге, где «еще ни один год не прошел, чтобы мы таких сияний несколько раз не приметили».

Значительное место в журнале отводилось статьям на исторические темы. История открытия Америки, отношения Германии и Италии, Севильский трактат, турецкие титулы, претензии испанского инфанта на Флоренцию и Парму, китайское посольство в Россию — статьи на эти темы в «Примечаниях» 1729—1730 гг. вышли из-под пера Миллера⁵⁰. Уже здесь Миллер обнаружил явный интерес к истории России и ее восточных окраин. Недаром в 1748 г., работая над «Историей Сибири», он просил академическую канцелярию выдать ему экземпляр «Примечаний», «понеже в них неодно-

⁴⁷ Примечания на Ведомости 1729 Ч. 13, 15

⁴⁸ Примечания на Ведомости. 1731 С 248.

⁴⁹ См. Копелевич Ю. Х. Забытые страницы «Примечаний на Ведомости» // Наука и культура России в XVIII в. С. 41.

⁵⁰ См. Грабарь В. Э. Указ. соч. С. 98—99.

кратно о таких материях писано, которые до России и до сибирской истории касаются... о северном морском ходе, о киргизах, о калмыках, о самоеди, о мамонтовой кости, о камне азбесте и о прочем»⁵¹. «Примечания на Ведомости» имели огромный общественный резонанс, не случайно они были переизданы в 1765—1766 гг.

Журналистика оказалась призванием ученого, о чем свидетельствует первый опыт работы Миллера на этом поприще. Его деятельность получила одобрение со стороны руководства Академии наук. И. Д. Шумахер писал в 1731 г. Миллеру, уехавшему в заграничную командировку, что «Санкт-Петербургские ведомости» ждут его возвращения и что хотя они и состояются адъюнктом А. Б. Крамером, но было бы все же лучше, если бы они проходили через руки Миллера⁵².

Многообразие обязанностей, возложенных на «студента» Миллера в первые годы его работы в Академии наук, что явствует из документов, вполне объяснимо. Прошедший школу журнального, издательского и библиотечного дела у И. Б. Менке, Миллер оказывался весьма полезным человеком при заведении в Академии новых учреждений и дел. В 1728 г. он, один из самых активных читателей академической библиотеки, был привлечен к работе в ней, помогал «перемещать книжные фонды и расставлять книги в здании Кунсткамеры». Выполняя обязанности библиотекаря, Миллер «стремился строго соблюдать при расстановке книг систематический порядок и считал своей заслугой, что добился этого»⁵³. Упорядочив библиотечное дело, он передал его постепенно Крамеру.

Когда в 1728 г. при Академии наук была открыта собственная типография, Миллера направили «наблюдать» за ее работой⁵⁴. Здесь необходимо было отладить правку переводов и корректур. Миллер и в этом деле стоял на уровне современных научных требований. В 1748 г., отвечая на запрет править корректуры «Исто-

⁵¹ Материалы для истории Академий наук СПб., 1897. Т. 9. С 451—452

⁵² См.: Пекарский П. П. История Академии наук. Т. 1. С 315

⁵³ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л., 1976. С 356, 361.

⁵⁴ Материалы для истории Академии наук. Т. 6. С 149.

рии Сибири», он писал Г. Н. Теплову: «Поистине такое распоряжение в других странах было бы сочтено весьма несправедливым, потому что вовсе запрещать делать поправки в корректурах, при печатании своих сочинений, значило бы действовать вопреки обычаю всех ученых и всех типографий, смею сказать — вопреки самого существа дела: здесь-то пробуждается более внимания сочинителя и гораздо более чем в предшествовавших работах, потому что здесь он в последний раз может поправить свою работу прежде издания ее в свет»⁵⁵. Итак, Миллер руководит изданием первого научного журнала Академии наук — «Комментариями», выходящими на латинском языке, переводом на русский язык первого их тома, правит русский перевод Вейсманова немецко-латинского лексикона и др., «выдает работу» художникам и граверам, следит за ее выполнением⁵⁶.

Миллер помог наладить работу книжной лавки Академии наук, учрежденной в 1728 г. для продажи изданий Академии и приобретения иностранных книг. По его рекомендации на должность фактора Книжной палаты был приглашен опытный немецкий книгопродавец из Лейпцига Готлиб Кланер, которому были поручены также типография, гравировальная палата и переплетная мастерская. Дела книжной лавки при нем шли весьма успешно⁵⁷.

Миллер был причастен к основанию архива Академии наук⁵⁸, налаживанию системы документирования Конференции, Канцелярии, академической гимназии (протоколы, корреспонденции и т. п.). Уже тогда он начал собирать и собственный архив, с поразительной скрупулезностью копируя и упорядочивая разнообразный документальный материал. Можно смело утверждать, что в значительной степени благодаря его усилиям стало возможным воссоздание истории Петербургской Академии наук первого десятилетия ее существования. Значительная часть документов, опубликованных затем в десятитомном собрании «Материалов для истории

⁵⁵ Пекарский П. П. История Академии наук. Т. 1 С. 353.

⁵⁶ Материалы для истории Академии наук. Т. 6. С. 149.

⁵⁷ См.: Луппов С. П. Указ. соч. С. 109

⁵⁸ Материалы для истории Академии наук. Т. 1 С. 349, 542, 600,

Академии наук», была извлечена из бумаг Миллера. Уже в это время, еще до начала его десятилетней работы в сибирских архивах, проявилась та увлеченность, с которой он всегда занимался архивным делом. «Устраивать архив, — писал он позднее, — приводить его в порядок и сделать его полезным для политики и для истории — вот занятия, совершенно сообразные с моими склонностями и познаниями»⁵⁹.

Проявленные Миллером недюжинные организаторские способности сыграли свою роль при решении вопроса о его заграничной командировке в 1730 г. «для нужнейших академических потреб»⁶⁰. Мотивы личного характера — необходимость уладить семейные дела после смерти отца — послужили только поводом для нее. Миллер провел в поездке по Англии, Голландии, Германии год, устанавливая связи с учеными и научными обществами, издателями и книгопродавцами, пропагандируя достоинства Петербургской Академии наук, условия для научной работы в ней⁶¹. Очевидно, пребывание в качестве полномочного представителя Академии в Лондоне, Амстердаме, Гааге, Лейдене, Утрехте, Лейпциге, Дрездене, Гамбурге и других западноевропейских научных и культурных центрах не прошло бесследно для молодого ученого. К этой поездке восходит начало его многообразных связей с Западной Европой, его научного сотрудничества с виднейшими представителями европейской науки. Примером тому может служить сотрудничество Миллера с кругом И. Х. Готшеда.

В силу заключенного от 1 января 1731 г. контракта Миллер вступил в должность «профессора истории». Контракт был рассчитан на четыре года, Миллеру было определено жалованье по 400 рублей в первые два года, по 600 — во вторые и еще по 60 рублей «на квартиру, дрова и свечи». Он обязался «высокую прибыль и Академии пользу и честь всяким образом производить, гуманиора со всякою прилежностью обучать... собрани-

⁵⁹ Пекарский П. П. История Академии наук Т. 1 С. 394

⁶⁰ Материалы для истории Академии наук Т. 1 С. 631.

⁶¹ См. Копелевич Ю. X. Из истории международных связей Петербургской Академии наук в XVIII в. (Поездка Г. Ф. Миллера в Англию, Голландию и Германию в 1730—1731 гг.) // Наука и техника Вопросы теории и истории Л., 1972 Вып. 7 Ч. 2 С. 157—159.

ям академическим прилежно присутствовать, и в том то действовать, что члену академическому по силе ея уставу учинить надлежит»⁶².

Итак, поле для научной деятельности Миллера было, наконец, определено. Им стала российская история. Он решил начать работу над ней с издания немецкоязычного исторического журнала, с помощью которого надеялся не только сам «прилежно изучить» русскую историю, «но и другим в сочинениях по лучшим известиям дать о ней лучшее представление». «Это было смелое предприятие, если учесть, что я еще ничего не сделал в этой области и не овладел в совершенстве русским языком, — писал позднее Миллер. — Но я полагался на мои литературные познания и на мое знакомство с теми книгами и рукописями, которые были в академической библиотеке и которые я с помощью переводчика учился сам переводить». Молодого ученого ободряла также поддержка опытного профессора Т. З. Байера. Последний надеялся, писал Миллер, «что если я изучу русский язык, в чем он благодаря моей юности и усердию не сомневался, то сделаюсь помощником в подготовке его сочинений»⁶³.

Предложение об издании научного журнала по русской истории было сделано Миллером в Академии наук 25 августа 1732 г. Представленный им проект издания был обсужден на заседании Конференции 1 сентября и получил одобрение «как профессорского собрания, так и господина Шумахера»⁶⁴. Поэтому он был незамедлительно опубликован на немецком и русском⁶⁵ языках, им открылся затем и первый том «Собрания». Обосновывая необходимость издания журнала, Миллер писал: «История Российского государства и принадлежащих к нему стран представляет столько трудностей, что написать о ней систематическое сочинение едва ли можно надеяться в двадцать и даже более лет». Началом к ее созданию и должен был послужить исторический сбор-

⁶² Материалы для истории Академии наук. Т. 2. С. 3—4.

⁶³ Там же Т. 6. С. 251.

⁶⁴ Там же

⁶⁵ Объявление предложения до исправления Российской истории касающегося, которое может учиниться частным изданием Собрания всяких известий до истории Российского государства принадлежащих. СПб., 1732

ник, выходящий по одной книжке ежемесячно и включающий в себя частично «исследования по разным частям русской истории», частично «подлинные ее источники; как-то: летописи, грамоты и т. п.» Инициатор издания пояснял при этом свое намерение «не ограничиваться одною политической историей», но обращать внимание на другие ее разделы: историю церкви, науки, естественную историю, древности, монетное дело, хронологию, географию и этнографию, разумея при этом не один русский народ, но и другие, подвластные России народы⁶⁶.

Предложение содержало весьма обстоятельную программу предстоящего издания, поясняя читателям и всем заинтересованным лицам, какого рода материалы и сочинения будут приниматься к печати. Здесь должны были увидеть свет переводы из летописей и других русских исторических рукописей. В частности, предполагалось обнародовать «Повесть временных лет», извлечения из «Степенной книги», из сочинения Авраама Палицына, из летописи «неизвестного автора, доводившей события до исхода XIV в. от Р. Х.» (Новгородской первой летописи). Такие публикации должны были составить главное содержание «Собрания». Миллер не мог предполагать тогда, что уже в следующем, 1734 г. Синод наложит запрет на издание летописи. В ответ на предложение Академии наук, составленное не без влияния Миллера, начать издание «древних российских летописцев», «не переменяя во бных ни наречия, ни материи», Сенат после заключения Синода предписал эту затею оставить, не теряя напрасно «бумагу и прочий кошт», «понеже во оных писаны лжи явственные» и другие, «не имеющие истины слова», «отчего в народе может произойти не без соблазна»⁶⁷.

Миллер считал также необходимым дать в «Собрании» жизнеописания великих князей, царей и императоров, составить и опубликовать их генеалогические таблицы. Эти материалы, писал он в предложении, были уже частично собраны им «из рукописных и печатных известий».

⁶⁶ Sammlung Russischer Geschichte 1732 Bd 1 S. 3

⁶⁷ Пекарский П. П. История Академии наук Т. 1. С. LXVII—LXVIII.

В задачу «Собрания» входило и географическое описание «всех российскому скипетру подверженных земель, дистриктов и городов». Миллер обещал начать его с публикации «полной географии» Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и Карелии, а также описаний Москвы и Петербурга. Он предполагал также по мере возможности давать в журнале «различные исторические и географические известия о близлежащих татарских странах и землях», находящихся в постоянной связи с Россией и почти неизвестных в Европе⁶⁸.

Знатоки и обладатели коллекций медалей, монет, икон и прочих российских древностей могли присылать в журнал статьи и заметки о них⁶⁹. Полноправное место в «Собрании» должна была занять история просвещения и образования в России. Статьи о школах и академиях, о происхождении алфавита и письменности на Руси, история книгопечатания, составление полной библиографии изданных в стране книг — все это входило в задачу предстоящего издания. Оно должно было также давать представление о деятельности Академии наук, публиковать отрывки из изданных ею книг, «которые имеют то или иное отношение к гражданской, церковной истории, истории учености и к другим историческим наукам о России»⁷⁰. Поскольку одной из главных целей журнала было провозглашено распространение правильных научных представлений о России «в историческом, географическом и естественном отношениях», то издатель намеревался обратить особое внимание на исправление погрешностей и ошибок, встречающихся в иностранных сочинениях о ней. Он заявлял при этом, что уже подготовил к печати критические замечания на карту и книгу Ф. И. Страленберга «Северная и восточная части Европы и Азии» и на книгу ректора Дрезденского университета Х. Шотгена о происхождении руссов.

В конце 1732 — начале 1733 г. появились три выпуска первого тома «Собрания» и была установлена цена — 12 копеек за каждый выпуск⁷¹. 29 марта 1733 г.,

⁶⁸ Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 1. S. 8.

⁶⁹ Ibid S. 6

⁷⁰ Ibid S 8

⁷¹ Протоколы заседаний Конференции Академии наук. Т. 1. С 66

когда окончательно решился вопрос об участии Миллера во второй Камчатской экспедиции В. Беринга, он писал в своем доношении руководству Академии наук: «Теперь моя главная забота состоит в том, каким образом можно продолжить в том порядке, как я его начал, труд по русской истории, чтобы государство имело от здешней Академии, что касается истории, как честь, так и пользу, а также и для того, чтобы можно было удовлетворить иностранные нации в их потребности в надежной информации, полученной из России»⁷². Он предложил поручить это дело адъюнкту А. Б. Крамеру, который хорошо зарекомендовал себя, работая в книжной лавке, типографии и библиотеке, участвуя в подготовке к печати газеты. Ему он и передал как свою обширную переписку, так и подготовленные для последующих выпусков материалы. Часть их была опубликована Крамером в 1734—1735 гг. Так составилась первый том «Собрания», в который вошло шесть выпусков (частей).

К сожалению, Крамер скончался в феврале 1735 г. Академия потеряла в его лице «прилежного и умного человека»⁷³. Среди бумаг, оставшихся после него, находились и те материалы, которые не вошли в первый том и остались неопубликованными. В списке их, представленном Байером, среди прочих значились и примечания на книгу Х. Шотгена, и материалы по истории Лифляндии и Эстляндии, собранные Миллером, и составленная им царская и императорская титулатура. Здесь же находим начало немецкого перевода «Степенной книги», подготовленный к печати немецкий текст о событиях 1600—1656 гг., содержащий выписки из русских рукописей, «Жизнь св. Ольги» на русском и немецком языках, «Похвальное слово архиепископа новгородского о Полтавской битве» и др. До отъезда в Сибирь Миллером были подготовлены генеалогические таблицы великих князей и царей, которые находились у Шумахера и были сданы им в архив по приказу президента 17 декабря 1735 г.⁷⁴ Бумаги Крамера свидетельствуют о том, что Миллер, находясь в Сибири, проявлял и там забо-

⁷² Материалы для истории Академии наук. Т. 2. С. 313

⁷³ Там же Т. 6. С. 338

⁷⁴ Протоколы заседаний конференции Академии наук Т. 1. С. 232.

ту о своем «Собрании». Он прислал оттуда «Известие о путешествиях и торговле русских с Китаем», историю города Нерчинска, предназначая их для «Собрания»⁷⁵.

В издании второго тома принял участие Т. З. Байер, выпустивший в 1736—1737 гг. три его первые части. Миллер смог вернуться к своему детищу только в 1758 г., после более чем 20-летнего перерыва, завершил второй том и выпустил до 1764 г. еще семь томов по шесть выпусков в каждом. «Собрание» имело обстоятельный справочный аппарат, облегчавший пользование публикациями и свидетельствующий о тщательности проделываемой его редактором работы. Каждый том содержал реестр «достопамятных вещей», предметов и географических названий, имен и перечни опечаток предыдущего тома. Переезд Миллера в Москву привел к окончанию издания.

Правда, Миллер, уезжая в Москву, выражал желание продолжить журнал в университетской типографии, полагая, что в этом случае он останется под его личным присмотром. Об этом свидетельствует его ходатайство от 16 февраля 1765 г.⁷⁶ Академическая канцелярия отвергла предложение Миллера. «Продолжение Замлунгов, — говорилось в ее решении, — непременно печатать при Академии таким образом, чтобы все, что, касается до российской истории, прежде напечатано было на российском, а потом уже в тех замлунгах на немецком языке». Миллер должен был посылать из Москвы в Академию «исправленный манускрипт, по которому б корректур по тому ж, как и в Комментариях отсутствующих членов пиесы вносятся, корректуры исправлять мог»⁷⁷. Главным препятствием для продолжения «Собрания» стало практически невыполнимое условие, поставленное в этом решении, — чтобы все было прежде напечатано на русском языке. Это условие требовало продолжения выходивших также под руководством Миллера «Ежемесячных сочинений», русскоязычного журнала, в котором публиковалось большинство материалов по истории России, увидевших свет в «Собрании». То обстоятельство, что за продолжение «Ежемесячных сочинений» после отъезда Миллера в Акаде-

⁷⁵ Там же. С 158—160.

⁷⁶ Пекарский П. П. История Академии наук. Т. 4. С 391.

⁷⁷ Там же. С. 392

мии наук никто не взялся, предрешило и судьбу «Собрания».

В Академии наук несколько раз обсуждался вопрос о переводе «Собрания» на русский язык, сначала в 1733 г., когда речь шла о трех выпусках первого тома, затем в 1768 г., когда возникла идея перевода всего «Собрания»⁷⁸. В 1738 г. по приказу президента И. А. Корфа было подготовлено французское издание первых его выпусков⁷⁹, но оба перевода по неизвестным причинам так и не увидели свет. По словам А. Л. Шлецера, Миллер не получал за свою работу «ни копейки гонорария из Академии»⁸⁰, а между тем издание журнала приносило ей солидный доход. Только первые три выпуска, с молниеносной быстротой разошедшиеся за границей, дали ей прибыли свыше тысячи рублей⁸¹. Это была солидная сумма, если учесть, что на содержание всей Академии в 1725 г. отпускалось 24 тыс. рублей. В 1759 г. Миллер обратился в академическую канцелярию с просьбой о вознаграждении. «Ежели бы я издавал такую книгу где за морем, — писал он, — то бы я мог за то получить знатное от книгопродавцов награждение, которое бы по крайней мере состояло в ста экземплярах. А здесь я доволен буду хоть половинным числом, хотя бы и еще меньше, потому что не намерен я корыстоваться продажей сих книг, но токмо приятелям моим здешним и корреспондентам в иностранных государствах подарить...» Канцелярия разрешила выдать ему 24 экземпляра⁸², но, кажется, это был единственный факт, и выдача книг не стала правилом в дальнейшем.

⁷⁸ Об этом сообщил в письме к Миллеру от 14 авг 1768 г Бакмейстер: «Дней 14 тому назад, — писал он, — академические переводчики получили приказ переводить «Собрание Российской истории», однако кажется, что это скорее всего пожелание, нежели приказ» (Hoffmann P. Gerhard Friedrich Muller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten für das Russlandbild des 18. Jahrhunderts S 102—103).

⁷⁹ Материалы для истории Академии наук. Т. 2. С. 329

⁸⁰ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная / Пер. с нем. с примеч и прилож. В. Кеневича. СПб., 1875. С. 44.

⁸¹ Материалы для истории Академии наук. Т. 2. С. 313

⁸² Пекарский П. П. История Академии наук Т. 1. С. 404.

3. Публикации источников в «Собрании Российской истории»

Опубликованный Миллером в «Собрании» материал весьма разнообразен. Центральное место в нем занимали публикации источников по истории и географии России, о которых Миллер стремился дать представление читателям, оправдывая назначение издания. В первом томе он осуществил публикацию «Повести временных лет» по копии Радзивилловского списка Кенигсбергской библиотеки, снятой по указанию Петра I и хранившейся в библиотеке Академии наук. Этим Миллер, как отмечали уже первые критики его наследия, осуществил дело, которое «всею более было необходимо»¹. Характеризуя внешние признаки используемой рукописи-копии, Миллер отметил современную манеру письма и несовершенное исполнение миниатюр.

В литературе, начиная с П. П. Пекарского, получила уже освещение история с переводом этой рукописи на немецкий язык, который был сделан переводчиком Академии И. В. Паузом. Пекарский пространно цитировал слова Миллера о том, что именно Пауз был переводчиком и что несовершенные знания древнерусского языка, которыми он обладал, привели к ошибкам в тексте, а главное, к неправильной атрибуции летописи². Пауз неверно перевел стоявшие в названии летописи слова «черноризца Феодосьева монастыря Печерскаго» и приписал ее «игумену Печерского монастыря в Киеве Феодосию». Миллер, доверявший «столь знающему русский

¹ Зиновьев А. Рассуждение о начале, ходе и успехах критической Российской истории. М., 1827. С. 19—20.

² См. Пекарский П. П. История Академии наук. Т. I. С. 318—319.

язык и литературу человеку», каким он считал тогда Пауза, воспроизвел ошибку, хотя, как писал позднее, имя Нестора уже тогда ему было «не безызвестно»³. Очевидно, Миллер был знаком с трудом И. Гербиния по истории Киево-Печерского монастыря, защищенным как диссертация в университете Йены в 1675 г., где имя Нестора-летописца упоминалось неоднократно. По нему познакомились с русской древностью в начале XVIII в. И. Л. Фриш и Г. В. Лейбниц⁴. Обнаружив эту ошибку, Миллер неоднократно в более поздних своих работах признавал и исправлял ее, сначала в своей речи-диссертации «О происхождении народа и имени Российского»⁵, затем в статье о Несторе⁶ и др.

В 1959 г. была опубликована сначала на немецком, а затем на русском языке⁷ статья Э. Винтера о Паузе, в которой цитировался составленный последним документ, обвинявший Миллера в присвоении результатов его труда и бросавший серьезную тень на редактора сборника. Думается, что эти обвинения не имеют под собой реальной почвы. И дело здесь даже не только в том, что исходят они от переводчика, обязанного делать свою работу, да к тому же человека себялюбивого и заносчивого, чьи амбиции явно превосходили его реальные знания. «Из-за своего высокомерия, — писал Гофман, — Пауз утратил симпатии многих людей», «не раз под угрозой невыплаты жалованья принуждался к выполнению переданных ему работ»⁸. История расставила точки над *i* в заочном споре двух начинавших тогда свое служение русской науке соотечественников; все,

³ Материалы для истории Академии наук Т 6 С 251

⁴ Bernhagen W. Johann Leonard Frisch und seine Beziehungen zu Russland // Die deutsch-russische Begegnung und Leonard Euler. S. 114.

⁵ Происхождение народа и имени Российского. в публичном собрании Академии наук сентября 6 дня 1749 г. изъясненное Герхардом Фридрихом Миллером В Санкт-Петербурге при имп. Академии наук СПб, 1749 С. 14

⁶ О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оной // Ежемесячные сочинения 1755 Апрель С 299—324

⁷ Винтер Э И В Пауз о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век М.; Л., 1959. Т 4 С 313—322.

⁸ Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten.. S. 50.

что было уже в первое десятилетие своего пребывания в Академии наук сделано Миллером, не идет ни в какое сравнение со сделанным Паузом. Тем более что никаких следов упомянутых в документе, приведенном Э. Винтером, работ Паузе в архиве обнаружить не удалось⁹. Зато сохранился портфель с рукописями Миллера первого тома «Собрания». В нем рукою Паузе сделано лишь начало перевода летописи, в то время как большая часть его, точно так же, как почти все остальные материалы этого тома, вышла из-под пера Миллера¹⁰. Анализ самой публикации летописи позволяет подвести черту под этим спорным делом.

Публикация летописи весьма специфична. Она представляет собой перевод-пересказ летописи, доведенный до 1175 г. и снабженный многочисленными комментариями и примечаниями редактора по ходу изложения событий, которые помещены в подстрочнике. Об этой специфике свидетельствует уже само название публикации: «Известие о древней рукописи по русской истории игумена Феодосия Киевского». Миллер приводит в ней сведения о жизни автора¹¹, взятые из летописи, говорит о Сильвестре Выдубицком как о продолжателе его работы и замечает, что автор дальнейшего текста, доведенного до 1206 г., неизвестен. «Насколько мне известно, — пишет он, — пока не обнаружено более древней летописи, чем эта. Но из нее видно, что автор знал и другие, более древние, которые проясняют времена прихода варягов в Россию». При этом Миллер подчеркивает сомнительность сведений летописи о ранней истории Руси, в том числе о «происхождении, местожительстве, миграциях и древнейших происшествиях» ее народа¹². Поясняя рассказ летописи о народах, доставшихся Иафету, а также о хазарах, булгарах, уграх и др., он обещает читателям в будущем написать о них особую ста-

⁹ См. Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. С. 39.

¹⁰ ЛО Архива АН СССР Ф 21. Оп. 6. № 21. 298 л.

¹¹ При этом Миллеру не оставалось ничего другого, как, говоря о приходе его 17-летним юношей в 1051 г. к основателю монастыря, ввести еще «старого Феодосия».

¹² Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 1. S. 1—3.

тью¹³, комментируя рассказ летописи о призвании варягов, он дает пояснение термина «варяг» и уже здесь формулирует мысль о их северном происхождении¹⁴.

Комментируя текст летописи, Миллер обнаруживает знание византийской и западноевропейской литературы. Он спорит с С. Герберштейном, который знал летопись, и поправляет его в ряде мест¹⁵. Он заявляет, что жену великого князя Владимира, которая в летописи названа Анастасией, греческие историки зовут Анной¹⁶, высказывает предположение, что князь Давид, ослепивший Василька, позаимствовал этот варварский обычай у греков¹⁷, отмечает, что упомянутый под 1152 г. венгерский король, имя которого не названо, вероятно, Гайза, правивший в Венгрии между 1141 и 1161 гг.¹⁸, и т. п.

Очень показательно то, как Миллер комментирует те места летописи, в которых можно было усмотреть «лжи явственные». Здесь, как и в «Примечаниях на Ведомости», с очевидностью прослеживается рационалистическое стремление редактора придать своему изданию просветительский смысл и с позиций научного знания разъяснить природные явления — «знамения». По поводу появления в 1064 г. «на западе большой звезды с кровавыми лучами» Миллер замечает, что «это, кажется, была большая комета, которая в 6-м году правления константинопольского императора Константина Дусае 40 дней была видна на небе». И ссылается при этом на хронику Иоанна Зонары¹⁹. Под 1102 г., приводя рассказ летописи о бегстве из Киева князя Ярослава, сына Ярополка, и о явлении 29 января знаков на небе, похожих на языки пламени, Миллер пишет: «Эти знаки на небе без сомнения, и как это видно даже из описания, не что иное есть, как северное сияние, име-

¹³ Миллер выполнил это обещание. Его работа «О народах издревле в России обитавших» была опубликована на русском языке в Петербурге в 1773 г., а на немецком языке — в 16-м томе «Магазина» Бюшинга.

¹⁴ Sammlung Russischer Geschichte. Bd. I. S. 3—4.

¹⁵ Ibid. S. 3.

¹⁶ Ibid. S. 109.

¹⁷ Sammlung Russischer Geschichte des Herrn Kollegienraths Müller in Moskau. Erster Theil. Offenbach am Main, 1777. S. 280.

¹⁸ Ibid. S. 327.

¹⁹ Ibid. S. 251.

ющее свои естественные причины. Точно так же имеют свои естественные причины другие явления, как, например, явление побочных лун и побочных солнц»²⁰.

Необходимость прокомментировать текст летописи, многие понятия и термины которого не были ясны современному, в особенности немецкому читателю, вызвала в ряде мест настолько подробные и обстоятельные примечания, что они превратились в самостоятельные статьи-очерки. Таковы «Известия о древнейших войнах русского народа с греками, взятые из греческих хроник»²¹, «Военные и мирные отношения великих князей Олега и Игоря с греческой империей»²², «Войны и прочие события из жизни великого князя Святослава. Из греческих хроник»²³. В них Миллер пытается обнародовать все данные о Руси, извлеченные из иностранных сочинений и из известных ему к тому времени летописных списков. Благодаря его усилиям в научный оборот вовлекаются сведения об отношениях Руси с Византией, взятые не только из русской летописи, но и из греческих хроник Георгия Кедрина, Иоанна Зонары, Иоанна Скилица, Никифора Фоки, Константина Багрянородного и др., из трудов западноевропейских хронистов Адама Бременского, Леона Грамматика и др. Той же цели служило и извлечение из истории северных королей Snorro Стурлесона²⁴, касающееся событий русской истории X—XI вв.

В первых статьях по древней русской истории обнаруживается стремление автора объективно оценить показания иностранных источников, соотнести их с данными русской летописи. В них вырабатывается подход

²⁰ Ibid. S 290

²¹ Nachrichten von denen ältesten Kriegen der russischen Nation gegen die Griechen, aus denen griechischen Geschichtschreibern // Sammlung Russischer Geschichte. Bd 1. S. 27—33.

²² Kriegen und Friedens Geschäfte derer Grossfürsten Oleg und Igor mit dem griechischen Keiserthum, aus einem alten Russischen Chronico Anonymo in die Kürze gebracht // Sammlung Russischer Geschichte Bd 1. S. 407—419.

²³ Des Grossfürsten Suetoslav Kriege und Begebenheiten. Aus denen griechischen Geschicht-Schreibern // Sammlung Russischer Geschichte Bd. 1 S. 438—454.

²⁴ Auszug Russischer Geschichte des X und XI. Jahrhunderts. Aus des Snorronis Sturlefons Historie der Nordischen Könige // Sammlung Russischer Geschichte Bd. 1 S. 114—122.

ученого к источникам такого рода, который он позднее сформулирует в статье «О двух браках...»: «...русские летописи не так совершенны, чтобы нужды не было пополнять их из чужих известий. Когда токмо дела так предлагаются, что оне подлинным российским известиям не прекословят или по оным изъяснены быть могут: то можно нам из оных принимать все, чем они нашу историю пополняют...»²⁵.

Обобщая известия иностранных авторов, Миллер привел сведения о Киеве, который был главным городом Русского государства, выступая сначала как резиденция двух варяжских князей Осколда и Дира, а затем, до XII в., как столица государства и место жительства всех великих русских князей. Рассказывая о походах русских князей на Византию, начиная с Осколда и Дира (863—864 гг.), Миллер заметил, что не нашел известий о походе Олега в греческих хрониках. Обстоятельный рассказ об этом событии он почерпнул в уже упомянутой летописи «неизвестного автора», относительно которой было сказано, что она принадлежала генерал-фельдмаршалу Я. Брюсу. Особое внимание ученый обратил на сообщение Кедрина о священных книгах, которые были даны послам русов. Оно навело его на мысль о том, что вопрос об употреблении ими письменности и перевода священного писания на славянский язык может дать новое направление изучению истории распространения христианской религии в России²⁶. Миллером был приведен текст договора с Византией князя Игоря, показанный под 945 г.²⁷ Подборка известий из Скилиция, Кедрина и Зонары служила пояснением к статье «Повести временных лет» о походах Святослава против болгар. В извлечении из истории северных королей Снорро Стурлесона, хорошо известного теперь советским исследователям, Миллер извлек данные о русско-скандинавских отношениях в X—XI вв. Здесь же он попутно исправил ошибку Х. Шотгена, назвавшего вслед за Саксоном Грамматиком великого князя Владимира, современника норвежского конунга Олава, Яро-славом²⁸.

²⁵ Ежемесячные сочинения 1755 С 90

²⁶ Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 1 S. 28

²⁷ Ibid. S. 407—419.

²⁸ Ibid. S. 114.

В этих статьях Миллера Русское государство IX—XI вв. предстало перед западноевропейским читателем как равноправный партнер Византии и Скандинавии, с которыми оно то воюет, то торгует, заключает династические браки, мирные и союзные договоры.

Для самого Миллера работа с летописью имела то значение, что он проникся сознанием огромной ценности и уникальности этого исторического памятника, к которому много раз возвращался затем в течение своей жизни. В статье «О Несторе» в 1755 г. он, отмечая ее важность, писал, что «прочие славянские народы, поляки, богемцы, венецы и иллириане, подобной ей не имеют, ниже чтоб которая из их летописей либо древностию, либо обстоятельным и внятным объявлением происшедших дел сей нашей предпочитаема быть могла». Сравнивая списки, Миллер пришел к убедительному выводу, что «последующие российские писатели повторяли в продолжениях своих описанное Нестором время по большей части собственными его словами», не отваживаясь «учинить никакой знатной перемены». Причиной тому, как он полагал, была уверенность в достоверности сообщенных Нестором известий. «Дак как бы им таковым и не быть, — восклицал он, — когда и ныне никаких знатных недостатков в его летописи не видно; и когда точное согласие первого нашего российского летописателя с греческими тогдашних времен историками примечаем...»²⁹.

В советской исторической литературе, так или иначе отмечавшей эту публикацию Миллера, чаще всего обращалось внимание на ошибку с Феодосием³⁰, только С. В. Бахрушин вместе с этим отметил и «верный взгляд» молодого ученого на русскую летопись, желание понять и оценить значение этого исторического памятника, «широкий размах научных интересов и умение быстро ориентироваться в научных вопросах»³¹. Следу-

²⁹ Ежемесячные сочинения. 1755. С 299—300.

³⁰ С. Л. Пештич, к примеру, писал, что «Миллер, не проверив показания современного описания (?) объявил» автором Феодосия. При этом Пештич считал, что журнал на немецком языке в Академии наук издавался только в 1732—1737 гг (См: Пештич С. Л. Указ соч. С. 211)

³¹ Бахрушин С. В. Указ соч. С 16—17.

ет добавить к этому, что публикация Миллера и его извлечения из иностранных авторов на протяжении всего XVIII в. служили для западноевропейских ученых источником по русской истории, по истории русской литературы. Показательно в этом плане то, что ошибка Миллера с Феодосием, несмотря на исправления ее, которые были сделаны им в различных работах, опубликованных не только на русском, но и на других языках³², повторялась в иностранной литературе вплоть до выхода в конце столетия шлецеровского «Нестора». Известный английский историк и географ Вильям Кокс, посетивший Миллера в Москве в 1778 г. и оставивший уникальные известия о последних годах жизни ученого, писал об этом факте в своих записках «По России и Польше в исходе XVIII века»: «Это забавное заблуждение очень скоро распространилось, будучи воспринято многими иностранными писателями, и даже долгое время спустя, как Миллер уже эту ошибку признал и исправил, оно еще имело место»³³.

Все сказанное не дает возможности согласиться со ставшим уже традиционным в советской литературе мнением, что Миллер «в своих научных построениях следовал за Татищевым»³⁴. Миллер познакомился с трудами В. Н. Татищева позднее, в 50-е гг., но, популяризуя и развивая в своих работах некоторые его идеи, он шел, однако, самостоятельным путем в изучении русского летописания. Татищев, как известно, провозглашал при издании древних памятников просветительский принцип «не надлежащего к светской летописи, яко жития святых, чудеса, явления и пр., не вносить»³⁵. Метод Миллера коренным образом отличался от этого принципа. Уже во время работы с летописью в 1731—1733 гг. он выработал и воплотил в жизнь новый для своего времени взгляд на публикацию летописи — точ-

³² На это исправление обращали внимание своих читателей и «Геттингенские ученые ведомости» (1761. С. 178—179).

³³ Кокс W Reise durch Polen, Russland, Schweden und Dänemark Mit historischen und politischen Bemerkungen begleitet Zürich, 1786 Bd. 2 S. 126

³⁴ Буганов В. И. Издание и изучение русских летописей в XVIII в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 332

³⁵ Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века С. 45.

ное воспроизведение списка, в котором нельзя было «переменять» «ни наречия, ни материи», и отнесение всех редакторских замечаний, уточнений, ссылок на литературу и пр. в примечания. Высоко оценивая в целом многотрудную работу Татищева в области российской истории, Миллер не принял и его анналистической формы повествования, сведения воедино всех летописных известий с переводом их на современный язык. Татищев, писал он, «употребляя свободные часы на описание Российской истории», имел в руках «восемь списков Несгоровой летописи с продолжениями, кои сличал один с другим и изо всех выбирал, что казалось ему обстоятельнейшее и справедливейшее. Из сего сделалась новая летопись, которую он с примечаниями хотел напечатать». «В самом деле, — продолжал Миллер, — не было бы лучшего способу, как сей, если бы читатели иногда не желали сами рассматривать, с довольною ли осторожностью сложены разные речения списков и всегда ли справедливейшие и точнейшие из них выбраны, чего сделать невозможно, если тот список, который за самый лучший и за обстоятельнейший почитается, от слова до слова верно не напечатается, а из прочих разные речения, которые в самой вещи разность делают, присовокуплены не будут»³⁶.

За утверждение этого метода и проведение его в жизнь Миллеру пришлось бороться с бюрократической академической верхушкой, которая в 40-е гг. сделала в этом отношении явный шаг назад по сравнению с 30-ми. Когда Миллер, готовивший к печати очередные главы сибирской истории, попросил у Канцелярии Академии наук разрешение опубликовать в качестве приложения «летопись сибирскую и тобольскую», ему ответили, что поскольку в ней находится «немалое число» «лжей, басней, чудес и церковных вещей, которые никакого ймоверства не только не достойны, но и противны регламенту академическому», печатание ее «оставить до того времени, когда она и другие ей подобные особливо осмотрены будут и очищены от помянутых непристойных сказок, происходящих от излишнего суеверства»³⁷.

³⁶ Ежемесячные сочинения 1755 С. 301

³⁷ Материалы для истории Академии наук СПб., 1900. Т. 10. С. 9.

Миллер сумел утвердить этот метод в своей издательской практике только в конце 60-х — начале 70-х гг. В 1768 г. он издал в Москве Судебник Ивана Грозного с примечаниями В. Н. Татищева, с правкой, которая «носила исключительно редакторский характер и касалась лишь тех мест рукописи, где, по мнению издателя, имелись явные противоречия и ошибки». В результате публикация Миллера воспроизвела рукопись Татищева «практически без изменений»³⁸.

В 1775 г. Миллер осуществил свое давнее намерение — публикацию «Степенной книги». В предисловии к ней он еще раз сформулировал свое издательское кредо. «Поставил я себе за правило, — писал он, — ничего не пропускать, ничего не выкидывать, ни переменять, ни прибавлять; но точно последовать древнему Архирейскому списку, дабы печатная наша книга могла приобрести совершенную достоверность. Соблюдал я и старинный слог, старинное правописание, старинные, ныне уже неупотребительные речи... словом: старался по возможности, чтобы печатная книга ни в чем от подлинника не разнилась»³⁹.

С соблюдением этого принципа были изданы Миллером «История Российская» В. Н. Татищева⁴⁰, труд А. И. Манкиева. Исправления касались лишь тех мест «Ядра Российской истории», «где явились от переписчиков неискусных описки». При этом он пояснял, что делал исправление по трем спискам, чем «прямое сочинителево описание утвердил, уповаю, бесспорно». Он оставил нетронутым «престарелый» слог автора, в том числе непопулярные в XVIII в. слова «Русь» и «русские» вместо «Россия» и «российские». Оставил он «в своей силе» и «неосновательное сочинителево мнение» о`про-

³⁸ Каменский А. Б. О первом издании Судебника Ивана Грозного с примечаниями В. Н. Татищева // Советские архивы 1983 № 5 С. 64—66

³⁹ Книга Степенная царского родословия. М., 1755. Ч. 1. Предисловие

⁴⁰ См. подробнее: Белковец Л. П. Г. Ф. Миллер и В. Н. Татищев // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1988.

исхождении Рюрика «от крови кесаря Августа», прокомментировав это обстоятельство во введении ⁴¹.

Новые, строго научные методы издания источников, проводником которых считал Миллера и С. В. Бахрушин, Миллер утверждал в своем «Собрании» на протяжении всего издания. Его публикации поэтому обрастали обширными примечаниями, в которые он помещал сведения об авторах, истории создания ими своих сочинений, комментарии отдельных мест, событий, дат, экскурсы в их историю и т. п.

«Собрание» Миллера служит наглядным свидетельством того глубокого интереса к восточным районам Российской империи, который формировался в стране и за рубежом со времен Петра I. Этот интерес захватил и редактора академического журнала. Уже в первом его томе появилась серия статей, познакомивших читателей с трудом амстердамского бургомистра Николая Витзена «Северная и Восточная Татария», первое издание которого увидело свет в 1692 г. Миллер привел историю создания книги, явившейся результатом поездки Витзена в Россию, его встреч и знакомств со знающими людьми, в том числе с представителями восточных народов — татарами, персами, китайцами и др., его обширной корреспонденции. Назвал он и конкретных лиц, помогавших автору, голландского посла в Москве И. В. фон Келлера, голландского путешественника в Испанию Герберта де Ягера, бывшего голландского посла в Константинополе Л. Варнера. В числе их Миллер назвал также главного помощника Витзена, сообщившего ему известия о Сибири, о котором тот предпочел умолчать. Им был царский тайный советник и думный дьяк Андрей Винуус, «без помощи которого, как считал Миллер, было бы невозможно собрать то огромное количество разнообразных сибирских известий, которыми, как видно из содержания книги, автор обладал» ⁴².

⁴¹ Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих. М., 1784. Второе тиснение. С предисловием о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых

⁴² Sammlung Russischer Geschichte. Bd. I. S. 202.

Эта история создания книги практически без изменений сохранилась и до нашего времени, поскольку, и это следует отметить особо, данные Миллера заслуживают полного доверия. Они были собраны им во время, когда некоторые из тех лиц, о которых он писал, были еще живы, когда еще свежи были воспоминания о деятельности предприимчивого голландского ученого. Миллер составил обширный указатель имен, географических названий и прочих достопримечательностей в труде Витзена и опубликовал его в третьем выпуске 1-го тома на 50 страницах. Указатель значительно облегчал пользование этой солидной компиляцией и свидетельствовал о стремлении ученого утвердить и здесь новые принципы издательского дела.

Высоко оценив труд Витзена, Миллер не ограничился сообщением о нем, но привел из него обстоятельные извлечения, объединив их в несколько рубрик: «О городе Албазине и возникших из-за него русско-китайских спорах»⁴³, «Сокращенные известия об истории калмыков из второго издания «Северной и Восточной Татари» Николая Витзена»⁴⁴, «Русско-китайские мирные переговоры в районе Нерчинска 27 августа 1689 г.»⁴⁵ Современного исследователя привлекает блестящая редакторская обработка извлеченных из книги Витзена известий, снабженных основательными примечаниями, которые свидетельствуют о большой эрудиции редактора. Примером может служить примечание к последней статье о возглавлявшем переговоры в Нерчинске губернаторе Сибири Федоре Алексеевиче Головине. Миллер полагал, что заслуги этого видного сподвижника Петра I не были еще по достоинству оценены его ближайшими потомками, и, восполняя пробел, привел данные об основных вехах его биографии. Он обратил внимание своих читателей на то, что Головин вместе с генералом Ф. Я. Лефортом и думным дьяком Прокопием Богдановичем Возницыным возглавлял Большое посольство в Вену, Голландию и Англию в 1696—1697 гг., за которое получил из рук Петра орден св. Андрея и стал его первым кавалером⁴⁶.

⁴³ Ibid. S. 315—326.

⁴⁴ Ibid. S. 407—419.

⁴⁵ Ibid. S. 495—515.

⁴⁶ Ibid. S. 496.

В первом томе «Собрания» увидело свет извлечение из путевого дневника И. Унковского о калмыках, их традициях, церемониях и обычаях⁴⁷. Миллер высоко оценил сведения Унковского, отметил «остроту суждений и удивительную способность автора передать те немалые, достойные внимания события истории калмыков, которые без него, возможно, остались бы неизвестными всей Европе»⁴⁸. Здесь же был помещен отрывок из сочинения китайского посланника Ту-ли-чэня о путешествии из Пекина через Сибирь к астраханским калмыкам в 1714 г.⁴⁹ Это сочинение было опубликовано в Пекине на китайском и манчжурском языках, а затем в отрывках появилось в Париже на французском языке в переводе миссионера П. Гобиля. Немецкий перевод этого сокращения и был использован Миллером. Позднее, в 1741 г., сочинение Ту-ли-чэня было доставлено в Петербург переводчиком Академии наук И. Рассохиным, который сделал полный перевод с китайского языка, а Миллер опубликовал его с примечаниями переводчика и своими собственными в «Ежемесячных сочинениях» 1764 г. В примечаниях он коснулся доброкачественности источника, о котором мог судить уже более зрело, с позиций крупного знатока сибирской истории. Комментируя сведения автора, он отметил: «Когда благосклонный читатель увидит здесь нечто в похулку россиян написанное, то надлежит ему вспомнить, что то писал недруг-китаец, который всячески искал россиян унижить, дабы свой народ возвысить пред оным»⁵⁰. Таким образом, ставшее известным исследователям благодаря публикации Миллера это сочинение служило интереснейшим источником сведений о взаимоотношениях Российской империи с китайской империей Кань-ши в начале XVIII в. В нем и сейчас представляют интерес наказ послам императора Кань-ши об отношениях с Россией (послы должны были дать понять русской стороне, воевавшей в это время на западе и испытывавшей нужду в дополнительных войсках, что она может взять для этого свои пограничные военные силы на востоке, не опасаясь нарушения мира китайской стороной). Специ-

⁴⁷ Ibid. S. 141—158.

⁴⁸ Ibid. S. 274

⁴⁹ Ibid. S. 327—348

⁵⁰ Ежемесячные сочинения 1764 Октябрь. С. 315.

альный раздел этого сочинения посвящался характеристике «состояния Русского государства, обхождению и вере русских людей». Значительный интерес для читателей представляли описания пути посольства, известия о сибирских и волжских городах Енисейске, Томске, Сургуте, Казани, Симбирске, Саратове и др.⁵¹

Знакомство ученого с материалами по истории калмыков привело его к решению написать собственный труд на эту тему. В третьем выпуске 1-го тома «Собрания» он опубликовал проект этого труда⁵², в котором обещал затронуть вопросы «политического устройства страны», рассказать о нравах и обычаях ее народа, его религии, языке, науках и искусствах, литературе, «об истории родов и знатных фамилий». «Если можно пролить свет на историю тех восточных народов, которые обычно в землеописаниях причисляются к так называемой Великой Татарии, — писал он, — то, конечно, нет более подходящей страны для этого, чем Российская империя. Ни одна из других, граничащих с нею (Великой Татарией — Л. Б.) держав не имеет столь тесных связей с ее народами... Значительная часть их находится в русском подданстве; от них часто прибывают депутации и посольства; с тамошними областями ведется постоянная переписка и, что самое важное, в России имеются умелые переводчики принадлежащих к этим районам языков»⁵³. Благодаря посредничеству одного из них, П. Смирнова, прожившего 6 лет у астраханских калмыков для изучения их языка и достигшего в этом деле больших успехов, ставшего прекрасным переводчиком и интерпретатором восточной литературы, Миллер познакомился с послами контайши и астраханских калмыков, которые рассказали ему многое об Огузхане, Чингизе, Тимур-ленге и др. Один из них, тангутский лама, подарил Миллеру тангутский алфавит, и Миллер с помощью Смирнова составил указания, как его надо читать. С сообщением об этом он выступил в

⁵¹ В 1782 г. это сочинение было еще раз переиздано Академией наук уже в переводе с манчжурского А. Леонтьева под названием: «Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке-хану, с описанием земель и обычаев Российских» (Книги гражданской печати XVIII века. Одесса, 1981. С. 105).

⁵² Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 1 S. 273—279

⁵³ Ibid. S. 273—274.

профессорском собрании⁵⁴. Послы пообещали ему по возвращении на родину прислать «некоторые манускрипты на калмыцком языке», что значительно укрепило намерение ученого. «Единственное, — сожалел он, — что может отодвинуть на несколько лет разработку и опубликование труда, это мое, предпринимаемое по высочайшему указу путешествие», которое, однако, он надеялся использовать для его совершенствования.

Эти изыскания Миллера, проведенные еще до отъезда в сибирскую экспедицию, его работа с источниками по калмыцкой истории были высоко оценены советскими издателями его «Истории Сибири». По словам А. И. Андреева, «проект труда по истории калмыков и отдельные отрывки из него... могли бы сделать честь всякому молодому историку»⁵⁵. «Это был первый опыт... первый набросок тех методов исторического исследования, которые он впоследствии так блестяще развил», — писал С. В. Бахрушин⁵⁶.

Пробыв десять лет в Сибири в качестве члена и одного из руководителей академического отряда Второй Камчатской экспедиции, Миллер по возвращении из нее был занят обработкой сибирских материалов, написанием «Истории Сибири», в течение длительного времени исполнял должность конференц-секретаря Академии и смог вернуться к журналу только в 1758 г. Правда, он, занятый организацией исторического департамента в Академии наук, еще в 1747 г. предлагал возобновить его издание, рассматривая «Собрание» в качестве сборника подготовительных материалов к сочинению «общей всероссийской истории». Заняться ею он должен был сразу «после приведения к благополучному окончанию сибирской истории и прочих сибирских описаний». Исторический департамент, полагал Миллер, должен был сразу заняться собиранием необходимых для общей российской истории «известиев» и тем самым «предуготовлять дорогу к ней с такою пользою, чтоб по окончании сибирской истории без промедления времени оную сочинять можно было». Он считал, что продолжение издания не помешает обработке сибирских

⁵⁴ Материалы для истории Академии наук Т. 6 С. 293.

⁵⁵ Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири С. 60

⁵⁶ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 15.

материалов, потому что заниматься им будет коллектив специалистов, определенных в исторический департамент ⁵⁷.

Однако предложение Миллера тогда не было принято, как не был реализован и его проект об историческом департаменте. Руководство Академии считало более важным скорейшее приведение в порядок и издание «собранных столь великим иждивением при Камчатской экспедиции исторических, географических, до обычаев, языков и до древностей сибирских народов касающихся известиев» (которые, кстати сказать, не по вине Миллера так и остались неопубликованными). Ему, по сути дела, было запрещено заниматься «общей российской историей» и приказано, чтобы он, «все другие академические дела, какого бы оные звания не были, оставя, камчатские известия... немедленно в порядок привел» ⁵⁸.

С 1755 г. Миллеру было поручено издание русского журнала «Ежемесячные сочинения», успех которого вдохновил его к продолжению немецкоязычного журнала. Открывая в 1758 г. четвертый выпуск 2-го тома, Миллер обещал придерживаться ранее намеченного плана и знакомить читателей с имеющимися в его распоряжении материалами по русской истории. В журнале должны были увидеть свет различного рода «землеописания» (публикация летописи по известным причинам не могла быть продолжена) и прочие источники и исследования, вносящие вклад «в прояснение истории». В качестве одного из таких материалов в четвертом выпуске появился «Список губерний, провинций, городов, крепостей и других достопамятных мест Российской империи», предназначенный для западноевропейского читателя, ибо на русском языке он был опубликован Миллером годом ранее в «Ежемесячных сочинениях».

Следует отметить, однако, что продолжением «Собрания» занялся уже не тот юноша, который надеялся обойтись имеющимися в академической библиотеке рукописями, а умудренный опытом многолетней архивной работы историк, ученый, научившийся целенаправленному поиску исторических источников разного рода, ко-

⁵⁷ Материалы для истории Академии наук. СПб., 1895 Т. 8. С. 658

⁵⁸ Там же.

торый мог не только постулировать необходимость применения новых методов и задач исторического исследования, но и пользоваться ими на практике. За время сибирской экспедиции Миллер стал, по словам Бахрушина, «выдающимся специалистом не только в области истории, но и географии и этнографии», ученым «европейского масштаба»⁵⁹. Все это не могло не сказаться на качестве исторического журнала.

Последующие тома его дали путевку в жизнь некоторым известным и малоизвестным сейчас источникам, принадлежащим к виду землеописаний. Миллером были введены в научный оборот сочинения таких авторов, как Г. Шобер, Г. Ф. В. Юнкер, И. Г. Гербер, Ф. И. Соймонов и др. Он познакомил немецких и русских читателей с двумя сочинениями И. Х. Шничера, шведского капитана, посланного русскими властями из Тобольска провожатым вышеупомянутого посольства Ту-ли-чэня. Одно из них — об обычаях послов — было опубликовано им в качестве приложения к «Описанию путешествия» последнего в «Ежемесячных сочинениях» 1764 г., второе, явившееся результатом пребывания автора у астраханских калмыков, — «Известие о калмыках хана Аюки» — в 4-м томе «Собрания»⁶⁰. Обе публикации должны быть отнесены к разряду редких, они не нашли отражения в известном и самом полном справочнике под редакцией П. А. Зайончковского⁶¹.

Следуя за предисловием к шведскому изданию 1744 г., Миллер сообщал, что Шничер составил свое «Известие» на обратном пути, в Саратове, и опубликовал его с примечаниями другого шведского офицера, Рената, в течение семнадцати лет жившего среди калмыков. Перевод со шведского языка был сделан переводчиком из Риги Х. Ф. Фолкнером. Миллер снабдил его примечаниями лингвистического характера и сделал пояснения относительно «калмыков хана Аюки». Он считал, что их можно называть «волжскими», поскольку они имеют обыкновение жить в районе этой реки, но еще лучше различать их по именам отдельных родов,

⁵⁹ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 17.

⁶⁰ Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 4. S. 257—364.

⁶¹ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976 Т. 1.

два из которых (тергет и бурет) подчинены русской власти⁶².

В «Собрании» Миллера увидело свет сочинение Готлиба Шобера «Памятники русско-азиатские», история которого может служить наглядным свидетельством интереса Петра I к географическому и естественнонаучному изучению страны. Уроженец Лейпцига, доктор медицины Готлиб Шобер был принят на русскую службу в 1713 г. самим Петром I, назначен на должность одного из императорских врачей. Однако более склонный к научным занятиям, он, отправляясь в Россию, вынашивал честолюбивые планы открытия в ней неизвестных природных богатств и выражал желание принять участие в естественнонаучном описании России⁶³. После смерти в 1716 г. сестры императора царевны Натальи, к которой Шобер был приставлен, его отправили на Кавказ для описания термальных источников у р. Терек. Результатом этой поездки и явился вышеупомянутый труд, в котором были собраны данные о природе и жителях Подмосковья, Поволжья и Прикаспия. Рукопись Шобера, содержащая 60 авторских рисунков, после смерти автора в 1739 г. досталась его наследникам, жившим в Голландии, и бесследно пропала, о чем в свое время П. П. Пекарский, не знавший о публикации Миллера, выражал глубокие сожаления⁶⁴. Однако случилось так, что в 1731 г. с Шобером встретился другой посланец русских властей в новую «персидскую провинцию» России — доктор Иоганн Лерхе. Шобер позволил ему скопировать уже готовую рукопись, которая затем была передана Лерхе Миллеру. Выборка и перевод на немецкий язык наиболее интересных известий из латинского текста Шобера были подготовлены по поручению редактора адъюнктом Академии наук А. Л. Шлецером и, как обычно, снабжены примечаниями редактора⁶⁵.

⁶² Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen 1760. S. 496.

⁶³ Gadebusch Friedrich Konrad. Lifländische Bibliothek. Riga, 1771. Theil 3. S. 104

⁶⁴ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом Т. I С. 350

⁶⁵ А. Л. Шлецер, возможно, несколько преувеличивая, писал позднее, что «эти примечания имели более значения, чем текст Шобера» (Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. С. 45).

Миллер поместил отрывки из сочинения Шобера в нескольких выпусках «Собрания». Это краткое описание образа жизни волжских калмыков, органически вписанное в «Известие» Шничера, рассказ о вулкане у Сергиевска на р. Соке⁶⁶, описание источника минеральных вод у р. Терека⁶⁷ и обширное извлечение из сочинения в первом и втором выпусках 7-го тома⁶⁸. В «Собрании» были помещены также примечания к сочинению Шобера, написанные И. Лерхе, хорошо знавшим предмет изложения⁶⁹. Сочинение Шобера давало хорошее представление о землях и водах, животном и растительном мире упомянутых выше районов России, содержало интересные характеристики мордвы, черемисов, калмыков, донских казаков, ногайцев, дагестанцев, бухарцев, монголов, терских казаков и др. Известия Шобера были расценены геттингенским рецензентом как «полезное чтение для историка, географа, врача и любителя естественной истории»⁷⁰.

Знакомству с народами Кавказа, о которых Европа в это время почти ничего не знала, служило и сочинение И. Г. Гербера «Известие о народах и землях, находящихся на западном берегу Каспийского моря между Астраханью и Курой...»⁷¹. Миллер впервые представил его под именем настоящего автора, привел данные о его жизни и истории написания им сочинения, которые и вошли затем в историческую науку. Эти данные представляют интерес не только в плане характеристики автора упомянутого сочинения, но и для воссоздания портрета одного из активных и верных исполнителей воли и политики Петра II. Уроженец Бранденбурга, Гербер вступил в 1710 г. в русскую армию как лейтенант артиллерии, участвовал в Северной войне, проявил мужество и смелость. С 1722 по 1729 г., выполняя поручение Петра I по улаживанию пограничных споров с Персией, он находился в тех землях, которые описал, готовил карту, опубликованную позднее, в 1736 г., Академией наук. За эту миссию Гербер получил чин пол-

⁶⁶ Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 4 S. 541—548.

⁶⁷ Ibid. S. 157—182

⁶⁸ Ibid. Bd 7 S. 1—154.

⁶⁹ Ibid S. 531—546.

⁷⁰ Göttingische gelehrte Anzeigen 1763. S 136.

⁷¹ Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 4. S. 1—182.

ковника. Миллер был лично знаком с ним в 1729—1731 гг., от него и получил рукопись сочинения о народах Кавказа. Гербер передал ее Миллеру в 1731 г., отправляясь в очередную свою поездку, на этот раз в Бухару и Китай. Под видом купца он должен был разведать возможности торговли с этими странами, а в случае необходимости принять ранг посла. Миссия окончилась неудачей, купеческий караван, к которому пристал Гербер, был разграблен. Чудом спасшийся, он вернулся в Петербург, чтобы тут же заняться приготовлениями к турецкому походу. Занимаясь ими, Гербер умер в 1734 г. в Павловске Воронежской губернии.

Уезжая в Сибирь, Миллер передал рукопись Байеру, а тот, очевидно намереваясь издать сочинение по частям, опубликовал в первом выпуске 2-го тома «Собрания» взятое из него известие «О деревне Рубежа» (Кубачи), лежащей в Кавказских горах»⁷², сопроводив его пространственным примечанием, в котором рассказал о торговле генуэзцев на Черном море и привел родословие крымских ханов. Сведения о Кавказе, взятые из труда Гербера, Байер использовал и в своей «Географии России», опубликованной в 9-м томе «Комментариев Академии наук».

Миллер, как оказалось, был не единственным обладателем этого сочинения. Список с него раздобыл также секретарь прусского посла в Петербурге И. Г. Фокеродт, под именем которого сочинение Гербера в переводе с немецкого на французский язык было издано в «Записках» Берлинской Академии наук в 1756 г. Миллер восстановил справедливость. Он также привел важные сведения о Фокеродте, с которым был знаком и который известен как автор записок о Петре I. Эти данные Миллера о Фокеродте уже вошли в историческую науку благодаря разысканиям А. Г. Брикнера⁷³.

Сочинение Гербера давало представление о городах Дербенте, Баку, Шемахе, в нем приводились исторические и этнографические сведения о лезгинах, татарах, кумыках, черкесах, армянах и других народах Восточного Кавказа. Русский перевод его был помещен Миллером и в «Ежемесячных сочинениях» 1760 г.

⁷² Ibid Bd. 2. S 1—23.

⁷³ Брикнер А. Г. Заметка о Фокеродте // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 3 № 13. С. 269—275.

Большой интерес для современников представляла еще одна публикация Миллера, относящаяся к категории землеописаний, — «О природе местностей между реками Доном и Днепром»⁷⁴. Автором этого сочинения был профессор политики и морали Петербургской Академии наук Г. Ф. В. Юнкер. В 1735—1737 гг. он сопровождал в турецком походе фельдмаршала Б. К. Миниха и вел дневник, из которого и было извлечено естественнаучное описание Украины⁷⁵. Что касается политической части сочинения, то она, по замечанию редактора, требовала серьезной доработки, после которой должна была появиться в печати. Окончание издания журнала оборвало публикацию этого сочинения. Вторая часть его увидела свет спустя почти сто лет под названием «Дневник фельдмаршала» в Лейпциге. Академик А. Куник писал о нем, что, хотя он был написан «местами не совсем беспристрастно, все-таки составляет для истории чрезвычайно важный документ»⁷⁶.

Важно отметить, что активное участие в составлении этого труда приняли другие члены Академии наук. По просьбе Юнкера профессорами Байером, Эйлером и Крафтом были подготовлены вопросы, на которые следовало ответить, составляя описание Украины. В 1737 г. на нескольких заседаниях Юнкер читал это описание в профессорском собрании, обсуждение его продолжалось и в 1741 г.⁷⁷ Публикация Миллера включала в себя характеристику земель, рек, полеводства и плодов земледелия, домашних и диких животных, минералов, в особенности соляных источников, которые автор основательно изучал. Она нашла восторженный отклик в немецкой научной прессе.

В журнале Миллера было опубликовано «Извлечение из дневника бывшего капитана флота и теперешнего тайного советника и губернатора Сибири Федора Ивановича Соймонова о его плавании по Каспийскому

⁷⁴ Sammlung Russischer Geschichte Bd. 9 S. 1—83

⁷⁵ Отсутствие указаний на эту статью в пособии под ред. П. А. Зайончковского свидетельствует об уникальности публикации Миллера. О ней знал, очевидно, один П. П. Пекарский, автор очерка о Юнкере в «Истории Академии наук» (Т. 1 С. 490—491).

⁷⁶ Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII в. СПб., 1865 Ч. 1. С. XXVII.

⁷⁷ Протоколы заседаний Конференции Академии наук Т. 1. С. 228, 366, 370, 374—375, 394—395.

морю», помещенное в четырех выпусках 7-го тома. Стара́ниями Миллера было подготовлено также русское издание в «Ежемесячных сочинениях» 1763 г. и отдельной книгой, увидевшей свет в Петербурге в этом же году⁷⁸. Благодаря этим публикациям сочинение Соймонова получило всеобщую известность.

Особого упоминания заслуживает 9-й том «Собрания». В нем помимо описания природы Украины Юнкера были помещены обработанные по поручению Миллера Г. Л. Х. Бакмейстером материалы по истории университетов Дерпта и Пярну, а также известия о городах Лифляндии и Эстландии: Риге, Пярну, Дерпте, Феллине и др. Эти известия были подготовлены местными властями в ответ на указ Сената 1760 г. о подаче в Академию наук сведений по истории и географии отдельных земель и городов.

Академическое «Собрание», как видим, давало западноевропейским читателям представление о народах и землях, входивших в состав России и граничивших с ней. Оно основывалось на тщательно обработанных редактором первоисточниках, возникших как результат собственных наблюдений их авторов.

В заключение остается отметить, что разработанный Миллером в процессе издания исторического журнала метод публикации источников, который затем утвердился в русском источниковедении, сыграл свою роль и в утверждении научных приемов издания исторических памятников в Западной Европе. Если вспомнить о том, что французские просветители, внесшие огромный вклад в развитие просветительского понимания истории, в том числе Вольтер, считали мифы («лжи и басни») «нелепыми сказками» и безумцами тех, «кто хочет найти в них смысл»⁷⁹, можно понять значение миллеровских публикаций, в особенности издания летописи. Его метод, не находивший поддержки в России (когда в 1764 г. вопрос о публикации летописи был решен, то руководив-

⁷⁸ Соймонова Федора Ивановича Описание Каспийского моря и чиненных на нем российских завоеваниях, яко часть истории государства императора Петра Великого... с внесенными, где потребно было, дополнениями Г. Ф. Миллера СПб., 1763.

⁷⁹ Косминский Е. А. Историография средних веков. С. 183.

ший ее изданием И. Тауберт приказал «модернизировать старую орфографию», выпустить все, что, по его мнению, не относилось непосредственно к истории, истолковать малопонятные места «по мере разумения», заменить «старинные», вышедшие из употребления слова «новыми» и заполнить пробелы из других списков), нашел полное понимание и признание в Германии, стране с наиболее развитым научным источниковедением. Публикация же Радзивилловской летописи, осуществленная Таубертом, была признана «полностью неупотребимой»⁸⁰.

⁸⁰ Thunmann Johann. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Leipzig, 1774. Erster Theil. S. 404—405.

4. Вопросы методики и теории исторического исследования в «Собрании Российской истории»

Г. Ф. Миллер опубликовал в академическом журнале в немецком оригинале большинство своих лучших работ по истории и географии России петербургского периода жизни. Многие издавались им одновременно в русском журнале «Ежемесячные сочинения», который выходил в течение 10 лет под тремя различными названиями: «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755—1757 гг.), «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» (1758—1762 гг.) и, наконец, «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» (1763—1764 гг.). В «Собрании», в частности, были опубликованы десять глав «Истории Сибири», в которые вошло содержание второго тома книги, так и не увидевшей свет на русском языке при жизни автора, статьи о русско-китайской торговле и сибирских торгах, хорошо известные историкам, знаменитое «Известие о морских путешествиях и открытиях русских в Ледовитом и Тихом океанах», статья по истории русской картографии, «История о странах, при реке Амуре лежащих», «О первых путешествиях русских в Китай» и другие его исследования, затрагивавшие сибирскую тему. Краткая их характеристика была дана в свое время А. И. Андреевым¹. Здесь же увидели свет его статьи, посвященные русской истории: «Жизнеописание Александра Невского», «Известие о бывшем городе Ниеншанце», «Краткое известие о начале Новгорода», «О происхождении казаков» и «О запорожских казаках», «Опыт новейшей истории России», значительная

¹ Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири С 59—144.

часть которого, содержавшая историю Лжедмитрия I, не была опубликована на русском языке².

Труды Миллера значительно расширили источниковую базу истории России. Благодаря им академический журнал продемонстрировал не только огромное внимание к первоисточникам, но и высокий для своего времени уровень их обработки и анализа. Впервые в русской и зарубежной историографии России Миллер привел в «Опыте новейшей истории...» (1761 г.) своеобразную классификацию известных к тому времени письменных источников по отечественной истории, получивших емкие и точные характеристики. Миллер считал в то время, что «главным основанием» ее должны служить и служат летописи, «с коих имеются бесчисленные списки». Он дает им очень высокую оценку, называя их «сокровищем», каким не обладает более ни одно государство в Европе. Главное достоинство их заключается, по его мнению, в том, что они позволяют рассматривать русскую историю на протяжении нескольких столетий, включая в себя «толь много лет в непрерывном продолжении». Другое «превосходное свойство» их то, считал ученый, что «при каждом случае означен год», оно «не мало способствует к подкреплению их достоверности». Здесь Миллер, уже крупный знаток и исследователь жизни Нестора (его статья «О первом летописателе российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оная» была опубликована в «Ежемесячных сочинениях» 1755 г. и на немецком языке И. Х. Готшедом в 4-м томе «Собрания избранных трудов Лейпцигского общества свободных искусств»³, ставит его, а не Феодосия, у основания российского летописания. Верно определено им и время прекращения летописного дела на Руси — правление царя Ивана Васильевича, хотя он и замечает при этом, что некоторые списки летописей продолжали еще составляться «до правления Алексея Михайловича»⁴. Именно летописи, полагал ученый, должны быть поставлены на первое

² Ссылки на некоторые из них приводятся далее по русскому изданию.

³ Lehmann U Der Gottschedkreis und Russland. S 36

⁴ Миллер Г. Ф. Опыт новейшей истории о России // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие 1762, Январь. С. 8—9

место среди всех других исторических русских сочинений, хронографов, степенных книг, летописцев начала XVII в.

Дав краткую характеристику хронографов, которые «с падения Восточной империи становятся весьма подробными относительно русской истории» и продолжают не далее «времен Алексея Михайловича», Миллер ставит вопрос о том, кто были их составители. Заявив, что их имена неизвестны, он высказывает верное предположение: «...по тогдашнему состоянию учения в России, которое заключалось в одних токмо монастырях, догадаться надобно, что некоторые греческий язык знающие монахи оказывали сию услугу своему отечеству».

Степенные книги, сочиненные «по степеням государственного наследствия и по коленам родства тогдашних российских великих князей, в нисходящей линии», — писал Миллер, — содержат от великого князя Владимира Великого до царя Ивана Васильевича 17 «степеней», или глав. Правда, в некоторых списках находится еще и 18-я глава, в которой «правление Федора Ивановича к тому присовокуплено»⁵. Ученый справедливо считал, что по своей значимости степенные книги уступали летописям в том, что, во-первых, сами были основаны на летописных данных и имели недостатки в счислении времени, а во-вторых, больше внимания уделяли церковным, нежели светским делам, которые в летописях «обстоятельно» описаны⁶. Вслед за В. Н. Татищевым Миллер полагал, что у основания их стоял митрополит Киприан в XIV в. и что другой митрополит, Макарий, во время правления царя Ивана Васильевича «старался о их продолжении до своего времени».

В руках Миллера, писавшего историю «смутного» времени, было два списка «Летописи о мятежах и о раззорении русской земли». Подробное описание в ней событий русской истории «от кончины Федора Ивановича до воцарения Михаила Федоровича» дало ему основание считать, что «сочинитель» ее «жил либо в то же самое время, о чем он писал, или вскоре после». Однако это обстоятельство, при всем «почтении», которого заслуживали, по мнению ученого, авторы — современни-

⁵ Там же С. 11.

⁶ Там же. С. 11.

ки событий — и которое он им оказывал, не затмило перед Миллером, имевшим тонкое чутье, известной тенденциозности этого сочинения. Он заявлял, что автор его «иногда утверждал дела с пристрастием», не согласующимся со здравым смыслом и показаниями других источников, и обещал «в самой истории» привести примеры этого⁷.

Уже в 1761 г. Миллер назвал среди других видов «исторических книг» труд А. И. Манкиева «Ядро Российской истории», которым обладал. Он считал его, правда, принадлежащим «российскому резиденту при шведском дворе, много лет в полону бывшему», А. Я. Хилкову, но это обстоятельство не снимает значимости в целом верной оценки этого сочинения. Миллер считал, что поскольку плен вынудил автора лучше познакомиться с иностранными, нежели с российскими «писателями», то он первым иногда «больше последовал, не зная того, что из последних явствует тому противное». В этом заключался, по его мнению, главный недостаток труда Манкиева. Основным источником его Миллер считал «Московскую хронику» Петра Петрея (1615 г.) и отмечал, что хотя Петрей и принадлежит к «исправнейшим и вероятнейшим писателям», поскольку несколько раз бывал в России «во время внутренних беспокойств, но сие не освобождает его от погрешностей». Тем не менее он считал книгу Манкиева состоятельной для «взятия из нее первых знаний о российской истории»⁸.

Поскольку в нашей литературе прочно укоренилось мнение, что первым, кто по достоинству оценил труд Манкиева, был С. М. Соловьев, скажем, несколько выходя за рамки нашей работы, что эта честь по праву должна принадлежать Миллеру. Он был первым издателем этого труда, который увидел свет благодаря его усилиям в 1770 г. В 1784 г. русское издание Миллера было повторено. Оба содержали обстоятельное предисловие редактора, в котором помимо родословия князей Хилковых была приведена история создания книги и ее оценка⁹. Добавим к этому, что Миллер, считавший кни-

⁷ Там же С. 12.

⁸ Там же С. 13—14.

⁹ Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым М., 1784.

гу Манкиева «очень полезной для читателей, особенно для молодежи», издал ее и в немецком переводе Андрея Экстера вслед за первым русским изданием¹⁰. Немецкое издание содержало пространные комментарии редактора к родословию князей Хилковых, в которых были даны характеристики дворянских чинов и служб (бояре, окольничьи, думные дворяне, стольники, стряпчие, рынды и др.).

В ряду «полезных способов» при российской истории» Миллер назвал также родословные и «розрядные» книги. Они, считал ученый, «показывают начало знатных фамилий, превосходства оных и случаи, в коих знатные особы употреблялись в государственную службу в мирное и военное время». «Ни одна нация, — замечал он, — так рачительна не была в записке и сохранении поколенных записей» состоявших на государевой службе дворянских родов, как российская. Миллер верно объяснял это обстоятельство той «разностью между российским дворянством», когда выводившие свое родословие «издалека» и называвшиеся «родословные люди» «великое имели преимущество перед теми, кои оное показать не могли»¹¹. Приведя краткую историю составления родословных книг и отметив, что древние, со времен царя Ивана Васильевича, «ныне весьма редки», Миллер высказал первые, правда, еще весьма робкие (робость объяснялась, очевидно, шекотливостью вопроса) сомнения в достоверности «поколенных росписей к родословным книгам». «Всегда ли оные росписи были основаны на подлинных известиях, — писал он, — сие оставляется другим на рассуждение»¹².

Верно воспроизвел Миллер в этом очерке и происхождение разрядных книг. «Розряд, — считал он, — всякому определял должности, ежели он употреблен быть имеет в военных службах, в посольствах или других посылках». С существованием его было тесно связано местничество, когда считалось бесчестьем, «чтобы кто из знатной фамилии состоял в команде у такого, который по фамилии был его меньше». «Да также особы равно-

¹⁰ Des Fürsten Andrei Jakowlewitsch Chilkows Kern Russischer Geschichte M., o/Ja.

¹¹ Миллер Г. Ф. Опыт новейшей истории о России С 14.

¹² Там же. С. 15

го состояния вменяли себе за бесчестье один другому быть подчиненным...» — замечал он.

Определение Миллером местничества как особого явления допетровской Руси, емкое и охватывающее самую его суть, явилось, очевидно, первым в русской литературе, заявленным публично. Миллер считал, что необходимость решать многочисленные спорные дела в суде заставила «знатные фамилии» прибегнуть к составлению «списков и выписок из розрядных писем, дабы по оным можно было подкреплять свои права. Из того произошли «Розрядные книги». Как ученый, высоко ценивший источниковедческое значение розрядных книг, Миллер выражал глубокое сожаление об их утрате во время решительной акции борьбы с местничеством в 1682 г., когда «все дела письменные из Розряда и розрядные книги у знатных фамилий находящиеся, были по царскому указу ко двору принесены и огню преданы». Но как историк и гражданин, он считал, что дело это служило благу государства и значение его так велико, «что оно одно может память... царя Федора Алексеевича сделать вечною, хотя б сей разумный государь и не оставил еще много других доказательств своего превосходного рассмотрения в политических делах». Славу царя в этом деле, полагал Миллер, по праву разделил с государем его «первый министр князь Василий Васильевич Голицын», выступивший с предложением об уничтожении местничества, предпочтя тем самым «общую пользу» «выгодам своей собственной фамилии»¹³. Миллер верно считал, что этой акцией были «отставлены... преимущества фамилий» и добиваться «первенства над другими» стало возможным «собственными своими отечеству оказанными услугами».

Из спасшихся от огня книг Миллер обнаружил три в академической библиотеке (одна была куплена для нее за 5 р. по настоянию Миллера в 1749 г.¹⁴) и выбрал из них то, что касалось военных походов, посольств и других посылок, а также заслуг разных лиц,

¹³ Миллер Г. Ф. Опыт новейшей истории о России//Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1762. Январь. С. 18.

¹⁴ См. Материалы для истории Академии наук. Т. 9 С. 668—669

о которых ему пришлось упомянуть в своем исследовании. Очевидно, позднее Миллер приобрел «Родословную книгу князей и дворян российских и выезжих», которая в 1787 г. по его списку была издана Н. И. Новиковым — «Бархатную книгу»¹⁵.

К концу жизни он превратился в крупнейшего знатока отечественных источников по истории российского дворянства.

В опубликованных в «Собрании» работах Миллером впервые были привлечены к исследованию «архивные письма», документальный материал, извлеченный им из архивов сибирских воеводских канцелярий и г. Чердыни. Он называл его «прежде неизвестным во всей России сокровищем», заявляя, что именно архивный материал натолкнул его на мысль о написании истории «смутного» времени. Разъясняя читателям вопрос о том, почему имеющие отношение к этой истории документы находятся в «толь отдаленных местах», Миллер обнаруживает знание системы ведения дел в приказах и воеводских канцеляриях, полученное в ходе изучения сибирских архивов.

Миллер не отвел места в своем источниковедческом очерке характеристике сочинений иностранцев о России. Он, очевидно, хорошо еще помнил о том небезобидном случае, который произошел в 1746 г. Тогда он, никогда не державший в секрете собранные материалы, а щедро делившийся ими со всеми, кто хотел принести пользу истории, показал свою рукопись с выписками из иностранных сочинений П. Крекшину, а тот, найдя в них предосудительные для великих князей суждения, донес на Миллера в Сенат. И хотя комиссия, созданная в Академии наук для разбора этого дела, оправдала его и Сенат оставил дело без последствий, все же эта история послужила ему своеобразным уроком. Миллер отказался от специального рассмотрения этой группы источников, заявив лишь, что хотя в иностранных сочинениях и содержится много известий о России, поскольку она в XVI и XVII вв. состояла уже с иностранными государствами «в нарочитом союзе» и часто была посещаемая иностранными послами, купцами и т. д., но их

¹⁵ Мельникова Н. Н. Издания, напечатанные в Типографии Московского университета XVIII века. М., 1961. С. 205.

сочинения могут служить лишь дополнением к «исправнейшим» российским известиям.

Остается только сожалеть, что он не сделал этого. Прекрасный знаток этой литературы, он мог сообщить о ней такие подробности, которыегодились бы и последующим поколениям исследователей. Миллер ввел в научный оборот известия о русской истории большинства западноевропейских писателей XVI—XVII вв., многие из которых считаются признанными авторитетами и у советских историков. Ему были хорошо известны труды о России Ж. А. Ту, С. Герберштейна, А. Гваньини, С. Нейгебауэра, Г. А. Циглера, Р. Гейденштейна, Г. А. Шлейзинга, Я. Улефельда, М. Стрыйковского, М. Кромера, П. Одерборна, Д. Мильтона, С. Пуфендорфа, Г. С. Трейера и других польских, немецких, шведских историков, лифляндские и немецкие хроники. Особое место отводил он в своих сочинениях известиям современников и очевидцев описанных событий: А. Поссевино, Д. Флетчера, И. Маржерета, А. Олеария, К. Буссова, П. Петрея. В. Кокс, проведя несколько часов в библиотеке Миллера, писал, что в ней «собраны чуть не все сочинения о России, вышедшие на европейских языках. Число английских авторов, писавших об этой стране, гораздо больше, нежели я думал». По словам Кокса, Миллер свободно говорил и писал на немецком, русском, французском и латинском языках, свободно читал на английском, голландском, шведском, датском и греческом¹⁶.

В процессе исследовательской работы историка выработался его подход к источникам такого рода и во всей ее сложности встала проблема достоверности известий иностранцев. Миллер понимал, что поскольку «сии писатели были иностранные, и не на долгое время в России обретались», поскольку они, за исключением немногих, не знали русского языка, то «они слышали много несправедливо, худо разумели, и неисправно рассуждали». Поэтому он считал возможным их использование в качестве дополнения к «исправнейшим» отечественным источникам. На страницах «Собрания» Миллер привел многочисленные образцы их критического анализа, сопоставляя их с показаниями русских источ-

¹⁶ См. По России и Польше в исходе XVIII века // Русская старина 1907. Кн. 10. С. 182

ников, исправляя содержащиеся в них ошибки и домыслы. Рассуждения его обнаруживают прекрасную ориентировку в разнообразной литературе, постоянно прерываются цитатами из сочинений и указаниями на них, мнениями о достоверности тех или иных известий.

Не составляли для него в этом плане исключения и русские источники. Миллер считал главным средством для установления истины сравнение с позиций разума, с позиций здравого смысла показаний всех имеющихся в его распоряжении исторических документов: летописей, актов, устных преданий, показаний очевидцев и т. п. В «Истории Сибири» он с успехом применял этнографический и археологический материал, топографические данные, данные языка. Отношение Миллера к первоисточникам свидетельствует о том, что он находился на уровне разработанных западноевропейской наукой требований. Он воспринял идеи Гуго Гроция и картезианцев, разработавших методические принципы анализа письменных источников. В соответствии с ними необходимо было подвергать сомнению мнения самых авторитетных свидетелей, если они заставляли верить в невозможное. Делать это надо было на основе сопоставления различных источников друг с другом, выявляя встречающиеся в них противоречия и пр. и проверять письменные источники неписьменными: монетами, надписями, и т. п.¹⁷

Однако в своем отношении к некоторым видам источников, к мифам, легендам и преданиям, данным языка, Миллер пошел дальше своих предшественников. Именно представители этой картезианской историографии, так называемые болландисты, школа ученых монахов, поставили перед собой задачу очищения источников (житий святых) от неправдоподобных чудес. Традиции этой школы, как мы уже видели, имели широкое распространение и в XVIII в. Миллер же считал задачей историка-рационалиста не исключение, а научную интерпретацию преданий, встречающихся в источнике. Он относил к достойным внимания историка источникам и «жития святых... а наипаче тех, которые произошли от крови великих князей и царей, а притом и иных, которые с российскою историею участие имеют»¹⁸. Таковы и

¹⁷ См.: Колингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980 С. 61

¹⁸ Материалы для истории Академии наук Т. 8. С. 186

устные предания — «словесные повести, у простых людей находящиеся в памяти», которые, правда, следовало принимать «с осторожностью», поскольку в них «много баснословного случается»¹⁹.

В практической работе с источниками Миллер-историк обнаруживает, как это было уже отмечено С. В. Бахрушиным, «все те приемы критического обследования источников», которые впоследствии вошли в арсенал исторической науки. Здесь и «тщательная формальная проверка своего источника», установление «различия между подлинником и позднейшей копией», и выявление возможных «описок», и выделение «прибавленных» листов в Ремезовской летописи, и установление, что они «не в надлежащем месте положены», попытка обнаружить «повторность» отдельных рассказов. С большой скрупулезностью устанавливается им время написания источника «на основании заключающихся в нем дат», предпринимаются попытки найти следы положенных в его основание сведений и т. д. Но главное, что Миллер «не боится» на основе критического разбора различных известий отвергать некоторые из них, «иногда инако толковать, а иногда и поправлять»²⁰.

Миллер резко протестовал против привычного для феодальной историографии метода — строить древнейшую историю народов на сопоставлении одинаково звучащих исторических названий и «сходство имен» считать «историческим доказательством». «Из древних историков-землеописателей, — полагал он, — имена народов, рек и земель собирать и с именами вновь найденных народов, рек и земель, о которых древние никакого известия иметь не могли, сносить; в самых мелких и неважных обстоятельствах между древними известными и новыми неизвестными народами сыскивать некоторое подобие или, где подобия нет, обстоятельства в свою пользу толковать превратно, к тому же сравнения, рассуждения, следствия и доказательства, которые к основанию истории служить должны, из того выводить: сие, по моему мнению, не способствует к снисканию имени предосторожного и беспристрастного историка писателя». Он предпочитал поэтому «древние истории о народах, за

¹⁹ Там же. С. 187

²⁰ Бахрушин С. В. Указ соч. С. 36—37.

неимением основательных доказательств, в прежней темноте оставить, нежели сообщать к ним ложное изъяснение». Именно эти взгляды Бахрушин считал «в значительной мере революцией в области исторической науки», поскольку они «потрясали веру в авторитет» и разрушали мнения, «столько стойвшие сочинителям, работавшим для прославления нации» ²¹.

Что же касается элементов провиденциалистской терминологии («шастие», «нешастие» и др.), встречающихся в трудах Миллера, опубликованных на русском языке, то она, как это уже было показано В. С. Свиденко, не влияла на их общую рационалистическую направленность. Присутствие этих элементов объяснялось, с одной стороны, данью традициям прошлого, характерной для науки переходного времени, а с другой — стремлением избежать цензурного вмешательства ²².

Важно отметить то обстоятельство, что критический разбор и оценку достоверности показаний источников ²³ Миллер проводил в самом тексте исследования, на глазах у читателей, отсылая их к используемой литературе в подстрочнике. По форме его исследования приобретают вполне современный вид, в них уже полностью отсутствуют следы отжившего свой век анналистического повествования. Этим Миллер выгодно отличается от В. Н. Татищева, который хотя и усвоил рационалистический метод исторического познания, но преодолеть летописную форму повествования не сумел ²⁴. Не зря М. М. Щербатов, пошедший в этом за Миллером, критиковал Татищева за несоблюдение главной «должности всякого историка» — точности ссылок на использованные источники и верного воспроизведения их текста ²⁵.

²¹ Бахрушин С. В. Указ соч С. 39.

²² См. Свиденко В. С. Роль русских журналов 1755—1764 гг. в утверждении принципов рационализма в истории. С. 202—203.

²³ Термин «источник» стал употребляться впервые именно в работах Миллера, опубликованных на русском языке (в «Опыте новейшей истории» в 1761 г.), гораздо раньше того, как употребление его было оговорено в «Опыте изучения русских летописей» в 1767 г. А. Л. Шлецера.

²⁴ См. Свиденко В. С. Татищевская традиция в русской историографии и «Опыт новейшей истории о России» Г. Ф. Миллера. С. 54.

²⁵ Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. С. 79.

Миллер сам подчеркнул это новое качество своих трудов в предисловии к «Истории Сибири». Он писал, что его история «во описании приключений с принятым от славнейших древних историков обыкновением много не сходствует. Однакож не думаю, чтоб я тем учинил хуже. Их сочинение приятно, потому что они приключения ведут одним порядком, не упоминая о свидетельствах, по которым они сочинение свое составляли. Но мое расположение есть полезнее, потому что я стараюсь предполагаемое мною утверждать везде доводами и рассуждать об известиях и о сочинителях оных по правилам вероятности и якобы с читателем совокупно, который здесь также рассуждать может и тому, что я пишу, просто верить не обязан»²⁶.

Именно понимание необходимости для ученого, занимающегося историей России, использовать весь комплекс разнообразных источников, прежде всего отечественного происхождения, привело его к мысли о том, что «русская история, разработанная вне России, всегда будет наполнена ошибками и недостаточна, независимо от того, что ее автор знает русский язык и некоторое время жил в России»²⁷. Тот, кто хочет сделать что-либо стоящее в этой области, должен посвятить ей всю свою жизнь и при издании своих трудов быть в России, чтобы постоянно дополнять их новыми данными.

Еще в 1746 г. Миллер разработал обстоятельную программу поиска и сбора исторических источников для «истории и географии Российской империи». Он считал, что необходимо специальным указом «во всенародное известие» объявить розыск «рукописных книг — летописцев», которые через губернские и воеводские канцелярии следовало отсылать в Академию наук «для списывания с оных... копий». При этом очень важно было собрать и те летописцы, в которых «история особых частей Российской империи описана», казанские и астраханские, «знатных городов» Новгорода, Устюга, Смоленска и др., «которые, ежели слуху поверить», «свои особливые истории имеют». «Чем обстоятельнее в них всякие приключения тех стран описаны, — полагал уче-

²⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 164.

²⁷ Literarischer Briefwechsel von Iohann David Michaelis Leipzig, 1795. Theil 2. S. 518.

ный, — тем они нужнее и полезнее к сочинению всеобщей российской истории служить могут»²⁸.

Уже тогда Миллер предполагал произвести осмотр поступивших по указу 1740 и 1742 гг. в Сенат из тайной канцелярии «старинных писем» и «архивных дел» печатной конторы, сделать их реестр и все, «что служит к истории, отдать в академию». Тогда же надо было начать поиск архивных дел «бывшего Розряду и Посольского приказу» как «весьма нужных» к сочинению истории. «Нельзя отчаиваться, — писал он, — если архивные письма от древности и мокроты погнили, мышами и червями съедены или разодраны и побросаны в кучи; ибо по прилежном просматривании оных, всегда что-нибудь найдется, которое к изъяснению истории служить может».

Просмотру следовало подвергнуть архивы «губерний, провинций, городов, «которые от прежних четвертных приказов московских остались», а также архивы «всех знатных городов» для сыскания документов о времени и «причинах их заложения, и употребленных к тому способов, и кем оные построены...»

Миллер надеялся, что «на печатное объявление о розыске исторических и прочих известий» откликнется и знатное российское дворянство, от которого можно будет получить не только родословные книги, но и документы о «важных и высоких чинах» их предков, их участии в походах, посылках и посольствах, «жалованные грамоты» на вотчины и земли, из которых, «ежели они самые древние, в общей истории некоторое изъяснение учиниться может».

Не были упущены им древности церковных и монастырских архивов, которые должен был просмотреть специально к этому делу определенный адъюнк, снабженный «обстоятельной инструкцией историографа»²⁹. Выполнением этой грандиозной программы по сбору исторических источников должен был заняться исторический департамент Академии наук, создания которого в том виде, как он был задуман Миллером, он тщетно добивался на протяжении нескольких лет по возвращении из сибирской экспедиции. Уже тогда он предполагал учредить специальный исторический архив, отведя

²⁸ Материалы для истории Академии наук. Т. 8. С. 189

²⁹ Там же С. 657—658

«несколько покоев» в самой Академии или в домах строгановском и демидовском, «где бы подчиненные служители свое дело отправлять могли». Он настаивал также на необходимости позаботиться о материалах, которыми располагал В. Н. Татищев, считая, что они должны быть взяты в Академию еще при его жизни, так как сам он «за старостью и слабым здоровьем надлежащим образом... пользоваться не может», да и «опасаться должно, чтоб многое из оных известиев, когда ему смерть приключится, не потерялось»³⁰. Миллер предлагал отправить к Татищеву кого-нибудь (собственная кандидатура тоже не исключалась) для принятия и списывания его рукописей. Только теперь мы понимаем, насколько прозорлив был Миллер, когда многого из того, чем обладал Татищев, историческая наука безвозвратно лишилась, в том числе и рукописи ценнейшей Раскольниковой летописи³¹. Однако тогда все эти прекрасные предложения и планы ученого не были поддержаны руководством Академии наук, которое видело в них лишь «излишние расходы и убытки»³².

На страницах «Собрания» Миллером были высказаны интересные мысли об истории, ее предмете и задачах, свидетельствующие о том, что он не был чужд философии истории, ставшей в XVIII в. видным направлением буржуазной исторической науки. В этом плане интересен «Проект калмыцкой истории» (1733 г.), труда, который был задуман им под влиянием изученных материалов о калмыках и знакомства с послами контайши в Петербурге. В предполагаемом труде он намеревался «пролить свет» на историю тех восточных народов, «которые обычно в землеописаниях причисляются к так называемой Великой Татарии». Тесные связи с этими народами, многие из которых находились в русском подданстве, наличие умелых переводчиков должны были обеспечить успех. Миллер, как видим, возвел в ранг «исторических», достойных иметь свою историю все народы земного шара, в том числе и азиатские, и это свое понимание воплотил в жизнь в академическом журнале. Его труды свидетельствуют о том, что автору их было

³⁰ Там же С 659

³¹ Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и русские летописи XII в. // История СССР 1971 № 1 С. 96

³² Пекарский П. П. История Академии наук Т. I С. 342.

чуждо высокомерное отношение к сибирским и другим народам, стоявшим на более низкой ступени развития. Не признавал он и никакой национальной исключительности. Во время обсуждения речи-диссертации «О происхождении народа и имени Российского» он, возражая одному из оппонентов, астроному Н. И. Попову, высказал мысль, которая привлекла затем внимание Н. Г. Чернышевского: «Мне ничего не остается желать более, если Попов признает тождество происхождения варягов, скандинавов и готов. Если он даже думает, что славяне и готы первоначально произошли от одного корня, соглашаюсь и на это. Желал бы я очень, чтобы все народы признали общее свое происхождение от одного корня и вследствие этого отложили бы всякую ненависть и вражду между собою...»³³.

Мы видим в этом благотворное влияние на общественную науку естествознания, получившего с XVII в. столь бурное развитие. Стремление ботаников и зоологов изучать все существующие виды с одинаковой тщательностью, не деля их на более привилегированные, более соответствующие статусу «истинного» растения или «подлинного» животного, не могло не сказаться и на подходе ученых-историков к человеческому обществу³⁴. Ориентация на изучение природы самой по себе, включая и природу человека, приводит к осознанию подлинной ценности всей многообразной человеческой культуры.

Просветительский подход к народам, стоявшим на разных ступенях общественного развития, подход, не признававший предвзятых теорий, сказался у Миллера в описании жизни черемисов, чувашей и вотяков, составленном им в 1733 г. по пути в Сибирь и опубликованном в 3-м томе «Собрания». Надо иметь в виду, однако, что ученый был далек при этом и от фальшивой идеализации их образа жизни, он не видел «золотого века» в жизни человечества на ранних ступенях развития и показал также неприглядные стороны примитивного быта и нравов волжских и сибирских народов.

³³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 74

³⁴ Комарова Л. Г., Сычева Л. С. Методологическая культура использования опыта других наук // Проблемы методологической культуры ученого. Новосибирск, 1986. С. 65.

В этом проявилось новое просветительское понимание задач и назначения исторической науки, которая еще совсем недавно, в XVII, да и в начале XVIII в., руководствуясь пресловутой идеей четырех монархий, отдавала предпочтение одной из них, римской, и оставляла в стороне историю славянской Европы. В этих условиях и речи не могло быть об истории азиатских народов. Даже народы мусульманского Востока и Китая впервые были включены в число достойных истории только Вольтером, который увидел в них воплощение философской мудрости и высокой духовной культуры³⁵.

В проекте истории калмыков обращает на себя внимание и то, как Миллер формулирует ее проблематику. На первом месте стоит «естественное и политическое устройство страны», нравы и обычаи ее народа, затем следует рассмотрение его важнейших родов и фамилий, современного государственного строя, религии, языка, письменности, «цветущих наук и искусств». В таком широком понимании, включающем в себя объекты изучения многих самостоятельных теперь наук, в том числе истории государства и права, истории искусств, политической географии, этнографии и др. Миллер демонстрирует явный отход от истории королей, вождей и полководцев в область истории культуры, науки, нравов, политических, материальных и социальных отношений. Такое же понимание задач исторического исследования было продемонстрировано им в проекте академического журнала.

Высоко оценивая летописи как исторические источники, Миллер понимал, что они изжили себя как явление историографическое. Они не могут удовлетворить современного читателя и принести ему «подлинной пользы», потому что сообщают лишь «о действиях прежних великих князей и царей российских и о некоторых бывших войнах». Но на то, чтобы почерпнуть из них знание «о государственных и народных делах, не остается никакой надежды». Летописи, описывая события, умалчивают об их причинах и поводах, «о пользе или убытке», которые явились следствием этих событий, мало что упоминают. Большинство летописей носит местный характер и не дает возможности составить пред-

³⁵ См.: Косминский Е. А. Вольтер и историческая наука. С 18—19.

ставление о том, «до которых мест в древние времена российские границы распространялись и каким образом государство от времени до времени больше и сильнее учинилось, в которых годах застроены какие города, а наипаче знатнейшие, также и церкви и монастыри, и кто их создатели были» (разрядка моя. — Л. Б.). Летописи, считал Миллер, скупы на другие подробности, не разъясняют языческие древности и «татарские времена», они «оставили в небрежении истории знатнейших княжеских и дворянских фамилий, которые всегда с общею историею государства участие имеют»³⁶.

Так говорил Миллер в предложении об учреждении в Академии наук исторического департамента 16 марта 1744 г. Подготовленный этим учреждением обобщающий труд по истории России должен был компенсировать все изъяны, присущие летописному сочинению. Его критика как нельзя лучше демонстрирует представление ученого об историческом исследовании, задачей которого становилось изучение различных сторон деятельности человеческого общества.

По такому принципу Миллер начал составлять в 1749 г. для исторических лекций в академическом университете «хронологические табели», или «компендиум универсальной истории». Он сочинял их на русском языке на основе трудов лучших европейских авторов и намеревался включить в них события прошедших веков, в том числе гражданские, церковные и «литеральные». Миллер предлагал издать их «для общей народной пользы», учитывая то обстоятельство, что и «в заморских краях великая скудость» в таких сочинениях, а из имеющихся работ по всеобщей истории «едва такую книгу выбрать можно, которая бы к обстоятельствам Российского государства во всем была способна»³⁷.

Показательно, что в представлении ученого предметом научного исследования историка становится сама религия, о чем ранее в условиях безраздельного господства теологии в истории не могло быть речи. Предметом изучения становится в XVIII в. язык, а проблема

³⁶ ЛО Архива АН СССР. Ф. 21. Оп. 1 № 115 Л. 4 об — 6

³⁷ Материалы для истории Академии наук Т. 10. С. 5

глотогенеза, происхождения языка, поднимается на новую ступень. Г. В. Лейбниц формулирует мысль о самостоятельной ценности всех имеющихся на земле языков, которая находит свое продолжение у Д. Вико³⁸. Миллер берет ее на вооружение и на практике возводит язык изучаемых им народов в объект, достойный внимания исследователя. В языке он видит явление развивающееся, совершенствующееся, зависящее от «крупных перемен в жизни отдельных государств»³⁹. В языках сибирских народов, словари которых он составлял на протяжении всей экспедиции (среди его рукописей находится 32 «лексикона» различных народов Сибири)⁴⁰, он ищет общее (родовое) сходство, а не сходство отдельных, случайно созвучных названий, видит в них средство решения этногенетических проблем. «Характеристическое различие народов, — пишет Миллер, — состоит не в нравах и обычаях, не в пище и в промыслах, не в религии: ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, и у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменности. Язык указывает нам происхождение народов». Однако истинный лингвист не станет довольствоваться сходством отдельных слов, которое может оказаться случайным, но только тогда будет выводить свои заключения, когда увидит, «что сходство языка подтверждается историею»⁴¹. Все это, как считал С. В. Бахрушин, означало разрыв со средневековой этнографией, оперировавшей при определении принадлежности к той или иной группе народов почти исключительно сходством и единообразием обычаев⁴².

³⁸ См. Донских О. А. Происхождение языка как философская проблема Новосибирск, 1984. С. 49

³⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири Т. 1. С. 180

⁴⁰ См. Бакланова Н. А., Андреев А. И. Обзор рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках // Миллер Г. Ф. История Сибири Т. 1. С. 561—562

⁴¹ Соловьев С. М. Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) С. 144.

⁴² См. Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 31.

Обратившись к языку как самостоятельному объекту изучения, Миллер в конечном счете ставит его на службу исторической науки как средство, способное пролить свет на историю, на образ жизни народа, реконструировать его духовную жизнь.

Миллер любил русский язык и рассматривал его как бесценное достояние национальной культуры. Он пытался внушить эту мысль современникам. Его восхищала красота языка архивных документов XVI—XVII вв. «Кто к старинным архивным письмам и к штилю оных привыкнет, тот подлинно оных читать будет со удовольствием», — писал он в предисловии к «Истории Сибири». Отстаивая свое право цитировать архивные документы, в чем руководители Академии наук усматривали лишь намерение увеличить размер книги и «время проводить», он придавал им значение средства, воспитывающего любовь к родному языку. «Сколько каких слов и складов покажется темных и совсем незнаемых тому, кто таких писем прежде не читывал? — восклицал Миллер. — Он будет спрашивать, что то значит? И может быть скажут ему для толкования иностранное слово или склад, по свойству чужестранных языков украшенный, которые он лучше нежели старинное российское слово или склад разумеет. Однакож самое сие приведет его во удивление, что он природного своего языка совершенно не знает. Он начнет размышлять, справедливо ли то, чтоб вводить чужестранные слова и склады, когда в природном языке недостатку не находится? Он будет сравнивать склады иностранные с подлинно российскими и узнает, что каждый язык имеет свое свойство и что из одного языка в другой без крайней нужды ничего занимать не должно»⁴³. Знание, «какими словами и наречиями предки наши при разных случаях изъяснялись, которые давно преданы совершенному забвению, а вместо оных иногда без нужды иноязычные слова и наречия приняты», должно было служить совершенству русского языка⁴⁴.

Подобное назидание «природного» немца в защиту «природного русского языка» от порчи его в результате широко распространявшейся в дворянских кругах

⁴³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 22

⁴⁴ Письма Петра Великого.. к. графу Борису Петровичу Шереметеву.. Напечатаны в Москве при Имп. университете. 1774. С. 1.

«галломаний» — это ли не свидетельство того, что и сам он является принадлежностью русской национальной культуры.

Миллер включал в предмет исторического исследования задачи собственно этнографической науки, которая обозначалась им как «всеобщее описание народов». Заслуги его как в практической части этой науки, так и в теоретической общепризнаны. Поставив главной задачей этнографической науки этногенез и установление родства народов, Миллер, основываясь на учении Лафито, ввел в нее сравнительно-исторический метод исследования. «Необходимо надлежит, — писал он, — делать сравнение не токмо между ныне пребывающими народами, но и между теми, которые жили в древнейшие времена или из которых сделались другие народы, и по учинении сего должно производить следствия, которые ко изъяснению наук служить могут»⁴⁵.

В стремлении изучать все народы земного шара как закономерно возникшие и существующие человеческие общества со своим языком, нравами, законами, религиозными системами и пр. мы видим воплощение идей Джамбаттиста Вико, разработавшего в начале XVIII в. учение об истории как объекте человеческого познания. Именно он вывел историческое познание на гораздо более широкие области, чем до него считалось возможным, в том числе на область культуры⁴⁶. Выход на историю как на историю возникновения и развития человеческих обществ и их институтов был выходом не только к постановке почти современной идеи предмета истории, но и к идее развития, которая найдет свое окончательное воплощение в трудах И. Г. Гердера, суммировавшего опыт конкретно-исторических исследований нескольких десятилетий, отделявших его от Вико. Миллер внес свой вклад в эту творческую работу своего столетия.

Широкая проблематика исторического исследования обуславливала необходимость развития вспомогательных исторических дисциплин. Миллер уже в предложении об издании академического журнала в 1732 г. ставит

⁴⁵ Мирзоев В. Г. Историография Сибири С. 83

⁴⁶ См. Колингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. С. 64—65

задачу развития нумизматики, хронологии, исторической географии, генеалогии и других разделов исторического знания. В конце 20-х — начале 30-х гг. он предпринял серьезные попытки осуществить практические шаги в этом направлении. Особенно усердно трудился Миллер над составлением генеалогических таблиц. Начав эту работу с родословия графов Сапег, которое стало первой его заграничной публикацией (оно было опубликовано во Франкфурте-на-Майне знаменитым автором географического лексикона И. Гюбнером в 1728 г. и переиздано профессором Гебгарди в 1730 г. в Люнебурге ⁴⁷), Миллер, как он о том говорил сам, «подготовил себя этой трудоемкой, но весьма нужной работой к составлению родословных таблиц по русской истории и по истории знатных российских домов». Генеалогические таблицы великих князей и царей, подготовленные им для своего «Собрания», остались неопубликованными; в 1734 г. увидело свет только родословие Александра Невского. Миллер вернулся к своим таблицам после сибирского путешествия и дополнил свое «Собрание» родословиями удельных князей, тверских, смоленских, ярославских, рязанских, черниговских, а также отдельных дворянских родов: Шереметевых, Голицыных, Куракиных и др. ⁴⁸ Однако и тут он не встретил поддержки у президента Академии, новоявленного графа К. Г. Разумовского, который, скорее всего в угоду собственному тщеславию, запретил Миллеру в феврале 1748 г. под угрозой штрафа заниматься генеалогическими разысканиями ⁴⁹. В объяснении, которое потребовали от ученого, он писал, что составлял таблицы по собственной воле и «по должности историка, который с пользою в своем деле упражняться хочет», ибо «история и родословная наука так между собою связаны, что одна без другой быть не может» ⁵⁰. Справедливость такого понимания тесной связи истории и генеалогии признана теперь и советскими исследователями. Заниматься ею в XVIII в. побуждали насущные потребности исторической науки,

⁴⁷ См.: Материалы для истории Академии наук Т. 6. С. 142

⁴⁸ Миллер Г. Ф. Описание моих служб // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 150.

⁴⁹ См.: Русская старина 1896. № 9 С. 629.

⁵⁰ Пекарский П. П. История Академии наук. Т. 1. С. 351—352

а также практические потребности политики и дипломатии⁵¹.

Помещая в первом номере «Ежемесячных сочинений» «Краткую роспись великим князьям всероссийским от Рюрика до нашествия татар» В. Н. Татищева, Миллер выражал надежду, что она сделает для читателей «вразумительнее» сочинения по истории России, которые появятся в журнале». Имея «сию роспись всегда перед глазами», можно было, считал он, иметь представление «о последовавших одном за другим великих князьях всероссийских»⁵². Еще в 1785 г. А. Ф. Бюшинг высказывал мысль о том, что генеалогические исследования Миллера «заслуживают того, чтобы быть найденными среди его бумаг и опубликованными». Он сообщил также, что часть их была издана в Страссбурге, во втором томе «Tables genealogiques» известного специалиста в этой области Коха⁵³. В ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде удалось обнаружить только второе, парижское издание его книги. В ней действительно находятся 16 таблиц великих и удельных русских князей, вышедших из-под пера Миллера⁵⁴.

К началу выхода «Собрания» Миллер попробовал свои силы в занятиях исторической хронологией. Он принял участие в подготовке упомянутого выше труда «Китайский музей» Байера. Им были составлены «Хронологические замечания о сравнении китайского года, месяца и дня с нашим календарем»⁵⁵, оказавшиеся потом в бумагах умершего Крамера⁵⁶. Занимаясь летописью, Миллер должен был разобраться с принятыми на Руси системами отсчета времени и перевести все даты, приведенные в ней, на летоисчисление от Рождества Христова. По этому летоисчислению они и приведены в его публикации. По григорианскому календарю он приводит даты и в других своих статьях «Собрания», за предела-

⁵¹ Пештич С. Л. Указ. соч. С. 32.

⁵² Ежемесячные сочинения. 1755 Январь С. 1—2.

⁵³ Busching A. F. Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insoderheit gelehrter Männer Theil 3 S. 47.

⁵⁴ Tables genealogiques des Maisons souveraines der Nord et de l' Europe, ouvrage Posthume de M de Koch. Paris, 1818.

⁵⁵ Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. С. 185.

⁵⁶ См.: Протоколы заседаний Конференции Академии наук. Т. 1. С. 158

ми которого осталась вся его объемная работа по их переводу с юлианского календаря. На вопросы хронологии Миллер постоянно обращает внимание в практической источниковедческой работе, полагая, что правильное «счисление времени необходимо потребно к совершенству истории»⁵⁷. Составление календарей народов Сибири стало одним из его занятий во время экспедиции. Свидетельством большого внимания, которое Миллер уделял развитию вспомогательных исторических дисциплин, в том числе исторической хронологии, географии, лингвистике и др., может служить его редакторская работа с рукописями, с приводимыми в них датами, именами, географической номенклатурой. Эта работа, без которой не мог быть тогда написан ни один серьезный труд по русской истории, находилась в русле шедших в Западной Европе исследований. Пристальное внимание «критически очищенной хронологии» и «генеалогическим вопросам происхождения» уделялось со времен Лейбница в исторической науке Германии⁵⁸, проявлявшей к «Собранию» Миллера огромный интерес.

В русле обсуждавшихся западноевропейской историографией новых проблем исторического познания находится и понимание ученым значения и назначения истории. Как рационалист, истинный сын своего времени, он видит в истории могучее средство воспитания народа. В век Просвещения, когда надеялись перевоспитать даже государей, история приобретала новый смысл, новое предназначение. По мнению Миллера, история необходима каждому человеку, «какого бы кто звания ни был». Она есть «зерцало человеческих действий, по которому о всех приключениях нынешних и будущих времен, смотря на прошедшие, рассуждать можно»⁵⁹. История воспитывает политиков, ученых, служителей муз, укрепляет нравственные устои общества. Поэтому важно изучать не только благородные дела и поступки, но и такие, которые к этой категории не относятся. Собираясь публиковать историю «смутного» времени и предвидя возможные упреки, он пишет в своем «Опыте»:

⁵⁷ Миллер Г. Ф. Опыт новейшей истории о России. С. 11.

⁵⁸ Hoffman P. Deutsche Publikationen aus der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts zur Geschichte des vorpetrinischen Russlands. S. 264

⁵⁹ Материалы для истории Академии наук. Т. 8. С. 183.

«Признаюсь, что время, которое я намерен описывать, не бросается в глаза величию событий; но где же найдем мы такую страну, такое государство, история которого была бы цепью постоянных удач, где бы счастье не сменялось бедою, величие слабостью, завоевание чужих земель опустошением собственной? История государства подобна картине, которая имеет свои тени, и эти тени даже необходимы, чтобы с тем большею яркостью могло быть выставлено все лучшее и возвышенное»⁶⁰. Рассказ о порочных, безрассудных и бесчеловечных делах, по его мнению, включает в себе даже больше полезного, чем описание благополучных и достойнейших дел, если говорить о пользе истории «в нравоучении и политике». Ибо человеку привычно взирать на доброе дело, как на обыкновенное, «но зло возбуждает ужас, когда живо изображается, и желание воспрепятствовать ему и наказать его»⁶¹.

Однако будучи историком-практиком, умело использовавшим критический анализ широкого круга источников, Миллер обнаруживает в своем творчестве тенденцию к преодолению широко распространенного в XVIII в. утилитарного подхода к истории. При всем понимании ее воспитательного значения он приходит к убеждению, что широкая источниковая база и критический метод добывания из источников достоверных фактов позволяют ученому предпринять успешный поиск истины. Достижение истины, получение научного знания, стремление к «беспристрастности» — вот те главные задачи, которые должны решаться в каждом историческом труде.

Должность историка, его обязанность, по мысли ученого, заключалась в следующем: «быть верным истине, беспристрастным и скромным». «Эту обязанность историка, — продолжал он, — трудно выполнить: вы знаете, что он должен казаться без отечества, без веры, без государя. Я не требую, чтобы историк рассказывал все, что он знает, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которые нельзя рассказывать и которые, быть может, мало любопытны, чтобы раскрывать их перед публикою; но все, что историк говорит, должно быть строго

⁶⁰ Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 5. S. 1.

⁶¹ Ibid. S. 3—4

истинно и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести»⁶².

Работы Миллера свидетельствуют о том, что ему не была чужда мысль о значении истории для понимания явлений современности. История царствования Федора Алексеевича как переход от деяний царя Алексея Михайловича к преобразованиям Петра I⁶³, история дворянства, казачества, приказной системы, история отношений России с Китаем⁶⁴ — это только часть проблем, изучение которых Миллером имело широкий выход к современным проблемам и нуждам России. В статьях о XVII в. история непосредственно примыкала к современности и должна была объяснять не только прошлое, но и настоящее. И в этом Миллер может рассматриваться как последователь Лейбница, причислявшего «к благодеяниям, которых он ждет от истории», «источки современных явлений, найденных в явлениях прошлого», ибо, как он считал, «действительность может быть лучше всего понята по ее причинам»⁶⁵.

Живая связь с современностью, широкое участие в общественной жизни России помогали ученому осуществлять и обратную связь. «Трепет человеческой жизни, для восстановления которого в старых текстах нам требуется большое усилие воображения, непосредственно доступен нашим чувствам» в современности, в способности к восприятию живого», — писал М. Блок. Это «поистине главное качество историка»⁶⁶. Оно, несомненно, было присуще Миллеру.

Представление о ценности любого периода истории, изучение которого может обеспечить достаточное количество достоверных источников, ученый связывал не с достижениями и успехами его, а с его отношением к общему ходу истории. Эта идея, четко выраженная Вико, отвечала умонастроениям передовых мыслителей времени, отражала своего рода дух эпохи, точно так же, как

⁶² Пекарский П. П. История Академии наук Т. 1 С. 381.

⁶³ См. Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича СПб., 1871 Т. 1 С. 08

⁶⁴ См. Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII — середина XIX в. М., 1983 С. 6. 111, 112

⁶⁵ Блок М. Апология истории или ремесло историка М., 1986. С. 23.

⁶⁶ Там же. С. 27.

в духе времени было убеждение его в том, что история народа — это история культуры, история успехов человеческого разума⁶⁷. Вико предупреждал также об ошибке, способной свести на нет поиск истины историком, которую рождает «тщеславие нации». Каждая нация, занимающаяся своей историей, склонна изображать ее в наиболее выгодном свете и не любит распространяться о военных неудачах и т. д. В духе Вико звучит страстная речь Миллера в защиту понимания назначения историка — искателя истины. «Между славой и бесславием есть обширное поле для истории, занимаемое большим количеством фактов и событий, которые могут происходить у какого-нибудь народа... Сюда относятся происхождение племен, по большей части довольно темное, начало государства с малого, дикие нравы предков, несчастные войны, притеснения от соседей, пороки отдельных лиц, иногда довольно гибельные для государства, общественные бедствия и многое другое, что, по мнению историков, не имеет отношения ни к славе, ни к бесславию; об этом всем нельзя умолчать в истинном историческом повествовании...» Миллер ссылается при этом на авторитет Фукидида и Ливия, Муратори и Мариану, Де Ту и Бурнета, Гунтфельда и «Маскина» — историков, которых отличала, по его мнению, «сила правды» и нежелание обходить «молчанием даже вещи, действительно позорные»⁶⁸. Но Миллер признавал при этом и то, что историк «следует воздерживаться от поношения» и не писать «ничего такого, что принесет бесчестие его народу у других народов». Это положение, считал он, хотя и находится «не в полном соответствии с основным историческим законом, который предписан Цицероном... однако по нынешним обстоятельствам вполне основательно». «Это мое последнее и высшее правило и никаким способом нельзя доказать, что я его нарушил», — заявлял ученый.

Постоянный призыв к историку — «быть верным истине, беспристрастным и скромным» — звучит как призыв к подлинной научности. Так считал уже С. В. Бах-

⁶⁷ См. Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч. С. 67

⁶⁸ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 68—69.

рушин⁶⁹. Отсюда постоянное внимание Миллера к точному восстановлению исторического факта, стремление избежать всяких «соблазнительных догадок», всего того, что «ни по каким историческим известиям доказано быть не может» Все, что он пишет, утверждается, по его собственным словам, «на достовернейших и по большей части на неопровержимых доказательствах».

Однако факты сами по себе не имели в глазах ученого самодовлеющего значения. Они представляли для него ценность как материал для раскрытия идеи, создания исторической концепции. Вряд ли справедливо обвинять столь крупного ученого в том, что он «не приобрел целостного научного мирозерцания»⁷⁰. Оно присутствует в каждой его работе, хотя специально вопросами философии истории Миллеру заняться не пришлось. Другое дело, что это научное мирозерцание пробивается в них через препоны феодальной идеологии, господствовавшей в России и ставившей перед историком один ряд запретов за другим.

В работах Миллера обнаруживается внутренняя связь исторических явлений, их внутренняя взаимообусловленность, строгая научная логика. Уделяя много внимания «генеалогической истории», истории выдающихся личностей (Александр Невский, Борис Годунов, Федор Алексеевич, Петр I и др.), он понимал и значение истории «общества», сделав предметом изучения историю литературы, письменности, нравов и языка, государственных учреждений, сословий, классовой борьбы и т. д. Не стоял он в стороне и от идеи прогресса, утверждавшейся в историографии в XVIII в., которая обуславливала его интерес к различным периодам русской истории. Миллер знал и широко использовал в своих трудах идеи «естественного права», популяризаторами которых были С. Пуфендорф и Г. Гроций, хорошо известные Миллеру. Он пропагандировал в «Ежемесячных сочинениях» взгляды Вольтера и Монтескье на пути общественного переустройства, умеренность которых разделял.

Все эти мысли ученый и пытался претворить в жизнь в академическом журнале. Можно смело говорить о том, что молодая Академия наук в Петербурге в лице Г. Ф.

⁶⁹ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 21

⁷⁰ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 113

Миллера и его «Собрания» приняла активное участие в выработке нового, просветительского понимания истории, в становлении новой исторической науки в Западной Европе. Многие из того, что мы находим на страницах «Собрания», обсуждалось и предлагалось читателям задолго до появления работ Вольтера по философии истории, которые совершили переворот в исторической науке. В связи с этим понятен и тот интерес к изданию Миллера, который обнаружился у научной общественности Западной Европы сразу после его выхода. Особым почетом пользовалось оно в Германии, однако об этом речь пойдет чуть позже.

5. Российская история на страницах «Собрания»

В работах Г. Ф. Миллера, опубликованных в академическом журнале, впервые были поставлены и решены на достаточно высоком для своего времени методическом и теоретическом уровне некоторые важные и сложные проблемы истории России. В 1-м томе «Собрания» вслед за рассказами о ранних киевских князьях он поместил статью «Жизнь св. Александра Невского, извлеченная из русских неопубликованных известий и подкрепленная свидетельствами иностранных историописателей»¹. В ней впервые в русской и зарубежной историографии была дана оценка жизни и деятельности одного из видных героев средневековой русской истории.

Миллер уже тогда обладал двумя списками «Жития Александра Невского»: в «Новгородской первой летописи», которую он называл «летописью неизвестного автора (Chronici MStum incerti Auctoris), охватывавшей события от начала русской нации до исхода XIV века от Р. Х.» (список Я. Брюса) и более поздним — в «Степенной книге великокняжеского и царского родословия», где жизнь великого князя Александра Ярославича описывалась в 13 главах восьмой степени.

К иностранным «историописателям», труды которых были использованы Миллером, принадлежали шведские и лифляндские историки. Это Эрик Олай, автор «лучшего труда скандинавского средневековья» по истории Швеции, написанного во второй половине XV в. и опубликованного в Стокгольме в 1615 г. В нем широко были

¹ Leben des Heil Alexandri Newsky, aus Russischen ungedruckten Nachrichten zusammengetragen und mit Zeugnissen Auswertiger Geschichtschreiber bestätigt//Sammlung Russischer Geschichte. 1734. Bd. 1. S. 281—314.

представлены «рифмованные хроники» XIII в.² Вторым шведским историком был Иоанн Локций, автор «первого критического труда по истории Швеции», основанного на архивных источниках (1654 г.)³. Известна была Миллеру в это время «Хроника Ливонской провинции» Бальтазара Руссова (XVI в.). Кроме того, освещая отношения Руси с Ордой и ее ханами — Батыем и Берке, — Миллер апеллировал к сочинениям папских послов Платона Карпини и Гильома де Рубрука, татарской генеалогии Абулгази Баядур Хана, трудам Н. Витсена, П. Петрея, П. Бергерона, касавшимся отношений Руси с монголо-татарами. Если добавить сюда послания папы Иннокентия IV, то можно считать, что Миллер располагал солидной по тем временам источниковой базой для своего исследования, которая почти не приросла за прошедшие два с половиной столетия. В 1975 г. новейший исследователь этой темы писал: «Отрывочные упоминания в русских летописях, немецких хрониках, скандинавские повествования, два папских послания, составленные или одобренные князем правовые грамоты и международные договоры, наконец, его «Житие» — вот почти все, чем располагает историк»⁴.

Опираясь на указанные источники, Миллер попытался дать беспристрастное изложение жизни и деяний Александра Невского. Однако остаться беспристрастным до конца он не смог. Статья проникнута горячим сочувствием и глубоким уважением к личности главного героя повествования, сумевшего в столь мрачные для русского государства годы сохранить достоинство в отношениях с Ордой и добиться громких побед над сильными западными противниками — Швецией и немецким орденом «Среди своих братьев, — пишет Миллер, — Александр, хотя и не был старшим по годам, отличался смелостью, умом, крепостью тела и другими воинскими дарованиями. Он был в меру богобоязнен, смиренен, воздержан и справедлив, внешне был красив и высокого роста»⁵. Женившись на дочери полоцкого князя Бря-

² Энцикл. словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 17. С. 927.

³ Там же 1897. Т. 21. С. 854.

⁴ Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1975. С. 5.

⁵ Sammlung Russischer Geschichte. Bd. I. S. 282.

числава и заняв новгородский престол после рано умершего своего брата Федора, Александр вскоре прослыл умным и мужественным правителем, так что о его доблестях с восхищением рассказывал один из знатнейших послов гроссмейстера немецкого ордена в Лифляндии Андреас, славянин по происхождению⁶ (очевидно, ливонский вице-магистр Андреас фон Вельвен⁷).

Два основных события этого первого периода деятельности Александра Невского привлекли главное внимание Миллера: битвы на Неве и на Чудском озере. Битва на Неве описана им по русским источникам и представлена как итог совместного выступления против Новгорода немецких и шведских рыцарей. Первые захотели воспользоваться слабостью страны, угнетенной татарами, и захватить Новгород. К ним присоединил свое войско и шведский король. В устье Ижоры на Неве произошла битва, длившаяся «с 6 часов утра до вечера» и закончившаяся полным поражением немецко-шведского войска. Оно «оставило поле боя» за Александром Ярославичем, а «король получил ранение в лицо от его руки»⁸. Противник понес большие потери, в то время как с русской стороны было убито всего двадцать человек.

«Эта экспедиция, — писал Миллер, — дала великому князю Александру имя Невский, точно так же, как ранее знаменитый римский герой Сципион за свои победы в Африке был назван Африканским... а великий князь Дмитрий Иванович, правивший с 1362 по 1390 г., счастливо разбивший татарского хана Мамай на Дону, получил имя Донской»⁹.

Поскольку издание предназначалось главным образом для западноевропейского читателя, Миллер подчеркнул достоверность известия русской летописи о победе Александра на Неве. «Сомневаться в ней невозможно, — писал он, — несмотря на все молчание шведских и ливонских историков, тем более, что автор так часто цитируемой мною безымянной летописи говорит, что

⁶ Там же С 283

⁷ См. Пашуто В. Т. Указ соч С 68

⁸ Миллер не очень ошибался, называя шведского предводителя Биргера, зятя короля Эрика Эриксона, королем. В 1248 г. он действительно стал «ярлом» — королем Швеции (см. Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956 С. 226.

⁹ Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 1. S. 287.

получил все обстоятельства ее из собственных уст великого князя Александра»¹⁰. Он и сам, судя по всему, был очевидцем события.

Миллер обнародовал в своей статье и рассказы «Жития» о подвигах шести особо отличившихся в битве дружинников Александра: Гаврилы Олексича (Олешича), Сбыслава Якуновича, Якова Полочанина, новгородцев Миши, Саввы и Ратмира. В описании битвы Миллер допустил всего две неточности, отличающие его интерпретацию летописного известия от современной: датой битвы им назван 1241 г. и указаны три корабля вместо двух, на которых были вывезены в море трупы убитых шведов.

Верно было обрисовано Миллером и положение новгородской земли в 1241—1242 гг. После взятия Изборска, Пскова и Копорья немцы вплотную приблизились к Новгороду, обложили местное население данью. Только решительные действия Александра могли спасти положение. И он предпринял такие действия. Знаменитая битва с крестоносцами на Чудском озере в 1242 г. завершилась его блестящей победой. Миллер дал характеристику особой тактики боя, примененной Александром, который видимым отступлением заманил рыцарей на лед, заставил их сражаться против восходящего солнца и устроил им настоящую бойню. 500 рыцарей (у В. Т. Пашуто 400) пало в этой битве, 50 было взято в плен. С триумфом въехал победитель в ликующий Псков.

Деятельность Александра Невского как великого князя прослеживается в статье Миллера по нескольким основным направлениям. Ученого интересуют отношения великого князя с Ордой (описаны все его поездки в Орду и попытки оказать сопротивление бесчинствам татарских ханов на русской земле). Не имея достаточных сил для оказания решительного сопротивления татарам, он делает все возможное, чтобы оградить русскую землю от разорения. Правда, его борьба с младшим братом Ярославом Ярославичем представлена Миллером скорее как результат стремления восстановить права на новгородский престол своего сына Василия, который, не унаследовав «доблестей» своего отца, не умея ладить с новгородцами и пасуя перед угрозами татар, доставлял

¹⁰ Ibid S 287.

ему много хлопот¹¹. Но вместе с тем в статье приведены известия летописи о восстании 1257 г. в Новгороде против ханских переписчиков-баскаков и попытках изгнать татар из некоторых областей (Ростова, Владимира, Суздаля, Ярославля) в начале 60-х гг.

Александр Невский изображен Миллером как поборник и защитник православия от попыток римского папы Иннокентия IV подчинить его влиянию римской церкви. Автор и в этом деле стоит на стороне Александра, сумевшего быть тонким дипломатом и превзойти своею мудростью папских послов Райнальдуса и Барония. Все домогательства папы, изложенные в его посланиях, были им отвергнуты.

До последних дней Александр продолжал заботиться о безопасности своих западных границ. В 1255 г., когда шведы начали строить крепость на р. Нарве, он «прогнал их и многих взял в плен»¹².

Миллер описал также смерть вернувшегося из последней длительной поездки в Орду великого князя, принявшего постриг под именем Алексия в г. Горобце, его погребение во Владимире, сопровождавшееся «всеобщим стенанием народа»¹³. Не мог не упомянуть он и о чудесах, которые якобы стали совершаться вблизи его тела, иначе нельзя было объяснить возведение Александра русской церковью в сан святого. Правда, он ото-слал при этом читателя за подробностями к «Степенной книге». Как современник, Миллер рассказал об увековечении славы Александра Невского в России — основании Петром I «богатого монастыря на берегу Невы» и создании Екатериной I рыцарского ордена св. Александра Невского.

Миллер привел в статье родословие великого князя и его потомков, которое было доведено им до Дмитрия Донского и Ивана Ивановича I.

Уже эта первая работа Миллера по русской истории имела все признаки исторического исследования в современном понимании этого слова. Она была снабжена ссылками на цитируемые источники и обстоятельными примечаниями автора, разъясняющими некоторые собы-

¹¹ Ibid S 305, 307

¹² Ibid S 307.

¹³ Ibid S. 313.

тия и географические названия, например «Ижорская земля», «Чудское озеро» и т. п.¹⁴ Не располагая возможностью для точного определения даты смерти великого князя, Миллер сообщил, что произошло это, «по одним данным, в 1262, по другим — в 1263 г. Безымянная летопись указывает даже 1261 год»¹⁵.

Как видим, Александр Невский нашел в начале XVIII в. своего историка, который сделал его имя широко известным в Западной Европе. Образ Александра Невского, крупного государственного деятеля, дипломата и полководца, созданный Миллером, вошел в мировую науку. Мелкие неточности и ошибки в датах, которые, как и в случае с Феодосием, повторялись в западноевропейской литературе на протяжении всего XVIII в., не помешали верному восприятию яркого по своей целостности и убедительности портрета.

Статью Миллера хорошо знал С. М. Соловьев. Он считал, что она «по добросовестности, обстоятельности ученой обработки предмета... для того времени, и особенно как первый опыт в этом роде, очень замечательна»¹⁶.

Миллера с полным правом следует признать не только первым историком Александра Невского, но и Бориса Годунова и «смутного» времени начала XVII в. Этой теме посвящен его «Опыт новейшей истории России». «Опыт» был опубликован в четырех выпусках пятого тома (380 с.) в 1761 г. Первая часть его в русском переводе появилась в этом же году в трех номерах «Ежемесячных сочинений». Свое обращение к событиям истории России с конца XVI в. Миллер объяснял «желанием наследовать сочинение В. Н. Татищева, которое он прекратил кончиною царя Федора Ивановича, яко последнего из варяжского колена». «Я почел за справедливое, — писал Миллер, — зачать с того времени, где он свой труд окончил, для приведения в некоторое совершенство всей российской истории»¹⁷.

Располагая источниками, «достаточными для исследования на научном уровне»¹⁸, Миллер намеревался

¹⁴ Ibid S 284, 292.

¹⁵ Ibid S 312.

¹⁶ Соловьев С. М. Герард Фридрих Мюллер С. 118

¹⁷ Ежемесячные сочинения 1761. Январь С. 4—5

¹⁸ Пештич С. Л. Указ соч. С. 219

продолжить свое исследование до конца царствования Федора Алексеевича, рассматривая его как «историю генеалогическую, содержащую в себе только одну линию великих князей, не касаясь удельных»¹⁹. Но его работа вызвала противодействие со стороны ставшего к этому времени членом академической канцелярии М. В. Ломоносова. Он полагал, что «смутные времена Годуновы и Ростригины» составляют «самую мрачную часть российской истории, из чего чужестранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе»²⁰. Миллеру было запрещено печатать на русском языке историю Лжедмитрия I, но в немецком варианте он успел описать события до его смерти.

Материалы по отдельным сюжетам русской истории XVII в. он публиковал затем в журнале А. Ф. Бюшинга, в его архиве сохранились также история царя Василия Шуйского и неоконченный исторический очерк царствования Федора Алексеевича. Последний С. М. Соловьев, а затем Е. Замысловский широко использовали в своих работах. Замысловский называл взгляд Миллера на время, предшествовавшее эпохе преобразования, «весьма замечательным», а труд его — «драгоценным», во-первых, потому, что Миллер мог пользоваться несохранившимися источниками, и, во-вторых, потому, что он обладал «приемами ученой критики, был весьма осторожен относительно приводимых им известий»²¹.

Стремление решить главную задачу историка — «искателя истины» — «о всех делах, худых и добрых, рассуждать беспристрастно»²² привело ученого к необходимости воссоздания объективного портрета царя Бориса — узурпатора русского трона. Борис Федорович, по его словам, «по остроте ума и искусству в делах правления должен быть включен в число величайших людей своего времени». Он искусный дипломат, тонкий и хитрый политик, сумевший еще в правление Федора Ивановича привести государство в «цветущее состояние», стараясь его «как внутренне исправить, так и распространить онаго пределы»²³. Он «привел Россию у сосед-

¹⁹ Соловьев С. М. Герард Фридрих Мюллер С 127—128.

²⁰ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 232.

²¹ Замысловский Е. Указ. соч. С. 07—09.

²² Ежемесячные сочинения 1761. Февраль. С. 147.

²³ Там же. С. 99—100.

ственных держав в большое почтение», ласковым обхождением, скорым правосудием, великодушием и бессчетными щедротами» расположил к себе дворянство и простой люд. Как государь, он прославил себя тем, что продолжил дело Ивана Грозного по «введению наук» в России. «Сие обстоятельство, — считал историк, — можно поставить между важнейшими его жития делами». Годунов призвал из немецкой земли докторов и аптекарей, повелев сделать «первую ландкарту России», послал 18 юношей из дворян в европейские страны учиться языкам и наукам, намеревался выписать из немецких земель, Англии и Франции разных ученых и учителей для обучения российского юношества²⁴. Прозорливый политик в международных делах, он старался жить в мире с другими державами²⁵, обезопасил границу от татар²⁶, начал возвращать утраченные во время Ливонской войны западные русские земли. При нем возобновилась торговля с ганзейскими городами, прерванная «переменами в Новгороде и Пскове при Иване Васильевиче, великом князе», и окончательно приостановленная «при царе того же имени»²⁷. Он проводил покровительственную политику по отношению к русскому купечеству, «стремясь его в цветущее состояние привести». Борис стал «истинным отцом отечества» в страшный год охватившего Москву голода, раздавал деньги народу на ее площадях и т. п.

Все это позволяет говорить о царе Борисе «с похвалою». Но это только одна сторона образа Годунова, нарисованная Миллером. Необходимость обо всем говорить «без пристрастия» заставляет его признать и тот факт, что «нравственный характер» царя «не соответствовал достоинствам умственным, отчего и происходит, что об нем обыкновенно слышится мало хорошего». Годунов принадлежит к числу тех людей, считал Миллер, «которые для достижения верховной власти считают все средства дозволенными». Ненависть, ревность, страх и подозрение, доносы, мученические казни — главные спутники его правления. Хитрость и коварство помогают ему убрать с дороги соперников, других претендентов на русский престол. Но главное его злодеяние — убийство

²⁴ Там же С. 120.

²⁵ Там же. С. 121.

²⁶ Там же. С. 121

²⁷ Там же Март. С. 224—225

царевича Димитрия. Именно с легкой руки Миллера, знавшего и другую версию, в соответствии с которой царевич закололся сам, но отвергнувшего ее, в сознание современников и последующих поколений прочно вошла идея о смерти царевича от руки Годунова, а сам образ правителя и царя, нарисованный Миллером, противоречивый и яркий, надолго вошел и в последующую историографию, и в русскую литературу. Отражение его мы находим и в «Истории» Н. М. Карамзина, и в трагедии А. С. Пушкина, хорошо знавших миллеровские журналы.

Не менее ярок и портрет Лжедмитрия — Григория Отрепьева, который предстает в «Опыте» как ставленник римско-католической церкви и польского шляхетства. Для его создания ученый считает необходимым «выслушать» и друзей и врагов Лжедмитрия. Первые, осыпанные его благодеяниями, находят у него множество добродетелей и дарований, последние видят в нем воплощение зла и пороков. Приговор ученого таков: человека, вошедшего в историю под этим именем, можно было признать не лишенным ума, если бы он не совершил так много опрометчивых поступков и не так сильно зависел бы от обстоятельств времени и лиц, с которыми имел дело. Пребывание в Польше не прошло для него бесследно, он приобрел некоторые познания в языках, науках и искусствах, в частности в инженерном и артиллерийском деле, в истории России и соседних стран, умел говорить по-польски и по-латыни, знал толк в музыке. Возможно, некоторые его планы и были разумны, но превосходили его силы, а попытки их осуществить имели следствием лишь отрицательные результаты. Скажем, желание прослыть защитником справедливости заставило его в начале своего царствования прибегнуть к казни некоторых персон, «творивших неправо́ые дела в судах». «Но не показал ли он этим только свою склонность к жестокости и не вселил ли страх в каждого?» — восклицал историк ²⁸. Щедрость, которую называют среди добродетелей Лжедмитрия его почитатели, это не что иное, как бездумная трата денег на иностранную свиту, очень быстро приведшая к опустошению казны. Чрезмер-

²⁸ Müller G. F. Versuch einer neueren Geschichte von Russland// Sammlung Russisher Geschichte 1761. Bd. 5. S. 303

ная роскошь, к которой он имел пристрастие, противоречила тогдашним обычаям страны, а легкомыслие, с которым он предавался утолению сладострастия и пагубной страсти к вину, усугубляли его положение. Главное же, что определило трагическую судьбу Лжедмитрия, как считал историк, это высокомерное, пренебрежительное отношение к русским обычаям, оскорблявшее национальное достоинство русского народа и вызывавшее его гнев, возмущение и желание положить конец надругательствам.

Оценивая эту работу Миллера, нельзя не вспомнить слова С. М. Соловьева, который писал, что «Опыт» послужил образцом при изображении тех же времен для последующих историков: «характер Годунова, характер его правления, приговор о происхождении самозванца, выведенный из критического рассмотрения иностранных известий, определение характера Лжедмитриева — все это перешло из книги Миллера в сочинения XIX века»²⁹, а стало быть, в значительной степени и в советскую литературу.

Миллер обнаруживает в работе глубокие познания административной системы и служебных чинов России этого времени, международных и правовых отношений, что сделало ее выходящей за рамки «генеалогической истории».

Заглянем в его исследовательскую лабораторию и посмотрим, какими путями достигает он столь страстно желаемой истины. Вот Миллер обсуждает проблему происхождения Бориса Годунова. Тот факт, что он был рындой у старшего сына Ивана Васильевича, а рындами становились юноши из знатных фамилий, их одевали в белое платье, вооружали бердышами и другим оружием и разрешали находиться в свите царя во время приема иностранных послов, дает ему основание делать вывод о том, что «фамилия Годуновых знатная, а не так, как некоторые иностранные историки писали, будто Борис Федорович был из простых дворян; ибо из таких не жаловали в рынды»³⁰. Вот он обсуждает вопрос о дате коронации Федора Ивановича. Мнения историков, Якоби, Поссевино, Одерборна, Петрея и др., различны. Сравнив и сопоставив их друг с другом и не обнаружив «под-

²⁹ Соловьев С. М. Герард Фридрих Мюллер. С. 127

³⁰ Ежемесячные сочинения. 1761 Январь. С. 29.

линных известий», Миллер отказывается решить окончательно этот вопрос, оставляя его потомкам³¹.

Иностранные авторы (Д. Мильтон, П. Петрей), пишет в другом месте Миллер, считали, что Борис Годунов был принят царем Иваном Васильевичем за сына, а царь Федор объявил его якобы «публично товарищем в правлении по всенародному согласию». «Не находится сего ничего в российских писателях, — заявляет он, — все единогласно утверждают, что он сам присвоил ту власть, которую царь тем охотнее ему и оставил, что на него, яко на шурина своего, сильнее полагался»³².

Миллер подверг сомнению известие «Летописи о мятежах», что мороз летом 1600 г., побивший хлеба и явившийся причиной голода, случился в праздник Успения Богородицы (15 августа). В это время, считает Миллер, «должно уже хлебу созреть, или уже и сожату быть».

Миллер выражает недоверие автору «Летописи о мятежах», настроенному явно против Годунова, и в других местах своего труда. Он отвергает, к примеру, рассказ его о том, что Борис «наушал» дворянских слуг, чинивших разбои в Москве, «потакал» им и сам присутствовал при грабежах богатых домов. «Могло быть, — заявляет он, — что царь приказал анбары отворить и излишество раздавать бедным». Такое вполне согласуется с его политикой в отношении архиереев, архимандритов и игуменов монастырей, князей, бояр и дворян, живших в деревнях, которым был послан специальный указ, чтобы они свой хлеб излишний продавали ему за половинную цену, а он мог раздавать его бедным. «Ежели сие назвать насильством, — замечает он, — то оное легко извиниться может необходимою нуждою; наипаче должно больше хвалить такую прозорливость, и представить сей пример для подражания в равных нужных случаях»³³.

Миллер снимает с Бориса и обвинение автора «Летописи о мятежах» в том, что он «извел» жениха царевны Аксиньи, датского принца, умершего в Москве в 1602 г. Здесь он более доверяет «иностранным писателям», ибо «ни у одного... сего нет»³⁴.

³¹ Там же С. 26.

³² Там же С. 31.

³³ Там же Февраль С. 149.

³⁴ Там же. Март С. 222.

Как критик Миллер действует в духе Энциклопедии Д. Дидро, учившей, что легковерие есть удел невежд, упорная недоверчивость — полуученых, а методическое сомнение — удел мудрецов. «В человеческих познаниях философ доказывает то, что он может верить в то, что ему доказано, отбрасывает то, что ему не нравится, и воздерживается в своем суждении об остальном...»³⁵.

Из этих рассуждений яснее предстает тот просветительский критерий, которым руководствовался ученый, оценивая деятельность и личность государя. Им является материальное и духовное благо народа. Тот государь оправдывает надежды своих подданных, который заботится о мире, о их безопасности, о защите их прав, о хозяйственных нуждах и образовании народа, который просвещен и человечен. Для него, как и для энциклопедистов, «счастье народа», «счастье людей» было достойной целью всех преобразований общества, его движения вперед, по пути исторического прогресса³⁶.

В академическом журнале в 1761 г. увидела свет другая интересная работа Миллера — «Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших одного города случаях»³⁷. Это была первая в отечественной историографии работа по истории Новгородской вечевой республики³⁸. Разработанная в ней концепция роли и значения Великого Новгорода в истории России послужила основанием научной интерпретации этой темы в дальнейшем и формирования свободолобивой общественной мысли в России.

Историю создания этой своей работы Миллер привел в послесловии к 6-му тому «Собрания». Он писал, что сначала и она была задумана как генеалогическая история новгородских князей, к составлению которой Миллера побудил бывший президент Петербургской Акаде-

³⁵ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978 С. 59.

³⁶ Люблинская А. Д. Историческая мысль в Энциклопедии // История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера С. 244, 253

³⁷ Kurzgefasste Nachricht von dem Ursprunge der Stadt Nowgorod und der Russen überhaupt, nebst einer Reihe der nowgorodischen Fürsten, und der Stadt vornehmsten Begebenheiten // Sammlung Russischer Geschichte Bd. 5. S. 381—572.

³⁸ Илизаров С. С. Русский город глазами историков XVIII века // Русский город. М., 1976 С. 154.

мии наук, русский посол при королевском датском дворе, большой любитель и покровитель наук, И. А. Корф. По просьбе «синдика Дрейера», обнаружившего в архиве Любека упоминание о некоем «короле руссов» Борхrame, современнике великого князя литовского Гедимина, Миллеру было поручено выяснить по русским источникам значение обоих в истории России. Он составил извлечение из летописей, в которое включил все известия, касавшиеся новгородских князей, и отправил его Корфу. Но бумаги утонули в море во время путешествия в Европу, и Миллер решил обнародовать свое извлечение в журнале. Он добавил к перечню новгородских князей «исследование о начале и происхождении Новгорода и руссов», более подробно изложил его новейшую историю, особенно со времени правления «великого князя Ивана Васильевича»³⁹. Последнее дополнение, надо полагать, включило в себя и часть тех материалов, которые были подготовлены им для «Опыта» и касались роли и участия Новгорода в русско-шведских отношениях начала XVII в.

Великий Новгород предстал в труде Миллера как высококультурное, процветающее государство с демократическим республиканским правлением, с присущей его народу вольностью, с особыми национальными традициями. Миллер считал, что он был основан в V в. н. э. пришедшими с берегов Дуная славянами⁴⁰. С древнейших времен его владения простирались на огромной территории северо-восточной Европы. Новгородцы знали путь за «железные ворота», т. е. через Уральские горы в Сибирь, уже с XI в. владея всеми землями по рекам Двине, Вятке, Каме, Печоре. На западе власть Новгорода распространялась на всю Эстляндию и Лифляндию, а затем и на западную часть Ингерманландии, где сын Ярослава Владимир завоевал «землю Яму» (г. Ямбург) и где были построены русские крепости.

Специфичным было общественное устройство Великого Новгорода. Ему исконно были присущи «своевольный дух» (в подлиннике «республиканский». — Л. Б.) и демократическое правление. Призванные для ликвидации междоусобных войн, а главное — для защиты рубежей

³⁹ Sammlung Russischer Geschichte. 1762. Bd. 6. S. 563.

⁴⁰ Ежемесячные сочинения 1761. Июль. С. 3—5.

новгородской земли, варяжские князья были посажены в порубежных крепостях, Ладоге, Белоозере, Изборске. Произошло это потому, что новгородцы, «наблюдая свою вольность, сначала им не поручили над собой полной власти», и «призвание сих князей наипаче токмо в том состояло, чтоб они защищали границы от всех неприятельских нападений». Рюрик, «первый великий князь Российский», предстал в изображении Миллера в этом труде как узурпатор, пришедший к «неограниченному правлению» путем подавления взбунтовавшихся против него новгородцев. Во главе их стоял легендарный Вадим Храбрый ⁴¹.

Миллер, как видим, отказался здесь от рассмотрения предшествовавших призванию Рюрика славяно-скандинавских отношений, которые он обстоятельно исследовал в диссертации в 1749 г. Он ограничился здесь лишь кратким упоминанием о том, что «славяне в Новгороде», по утверждению «преподобного Нестора», некоторое время «платили подать варягам», «коим именем называли издревле в России всех северных от готов происшедших народов», а затем «возстали против варяг и оных из своей земли выгнали». Вслед за М. В. Ломоносовым он выводит теперь варягов уже не из Скандинавии, а с южного побережья Балтийского моря, от готского племени роксолан ⁴².

Новой была и высказанная здесь мысль о призвании варяжских князей для защиты, для «наряда», она была воспринята затем М. М. Щербатовым, А. Л. Шлецером, И. Н. Болтиным, а также некоторыми советскими исследователями ⁴³.

Влияние этой идеи Миллера на последующую историографию подчеркивал уже С. М. Соловьев. «На варягов, по мнению Миллера, — писал он, — не должно смотреть как на завоевателей, как на целый народ, который перешел из одной страны в другую. Жители Новгорода призвали только варяжских князей принять в управление их страну; князья привели с собою только значительную дружину; имя России не вдруг стало все-

⁴¹ Там же С 14.

⁴² Там же С 6—13

⁴³ См Пашуто В. Т Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Таллин, 1970. Вып. 15 С. 55.

общим в стране»⁴⁴. Поскольку славяне составляли большинство народонаселения страны и богослужение в ней со времени принятия христианства велось на славянском языке, «последний при всем смешении народов, полагал Миллер, сохранился в чистоте»⁴⁵.

Большое место в статье занимает описание общественно-политического устройства Великого Новгорода. Несмотря на некоторые частные ошибки и не отвечающие теперешним представлениям трактовки отдельных терминов, на сильно идеализированное представление о «вольности» новгородской, Миллер в целом верно изобразил основную тенденцию его развития. Он считал, что княжеское правление, имевшее силу в XI — начале XII в., к концу 30-х гг. XII в. теряет свое значение. Республиканский дух новгородцев берет верх особенно тогда, когда «по частом разделении государства на разные княжения и при чрезмерно многих разногласиях и междоусобных войнах российских князей, сила их умалилась». Новгородцы стали выбирать себе князей сами и самостоятельно решать вопрос о том, «сколь долго кому у них править». Поэтому только в одном столетии происходит «30 перемен в княжеском правлении»⁴⁶. В XIV в., замечает он, князья в Новгороде «служили полководцами, другие имели туда прибежище при нещастиях». Великий князь посылал иногда туда своих братьев, но ни одного не известно случая, «чтоб он имел участие в правительстве»⁴⁷. Даже наместники великих князей, имевшие затем в апелляционных делах «равную власть с правящим посадником», имели «больше почтения», чем в «прежние мятежные времена» сами князья, признававшиеся «не выше комендантов городского войска»⁴⁸.

Основой идеализированной автором «вольности Великого Новгорода» было общее собрание народа — вече, созываемое «особливым великим колоколом». «Великий набатный колокол, называемой вечной, почитался защитой города и явным свидетельством народной вольности. Как скоро в оной ударят, то всякий шел на большую площадь. Там каждый мог говорить, что он

⁴⁴ Соловьев С. М. Герард Фридрих Мюллер С 124

⁴⁵ Ежемесячные сочинения. 1761 Июль С 12—13

⁴⁶ Там же С. 24.

⁴⁷ Там же С 24

⁴⁸ Там же Август С 129.

почитает за полезное для общества, и всякому вольно было на все давать свое мнение»⁴⁹. Все должности в Новгороде были выборными: степенный посадник, тысяцкий, степенный тысяцкий, бояре. Главными составными частями населения города были «житии люди, из коих обыкновенно выбирались в бояре», купцы, «черные люди, в числе коих находились все живущие в городе художники, ремесленники и работные люди».

Миллер привел также характеристику административного устройства Новгорода, разделение его на «концы» и улицы. «Каждая улица, — писал он, — имела своего старосту, который, яко полицмейстер, должен был наблюдать добрый порядок, прекращать малые споры, ловить преступников и отдавать главному старосте гонца своего, а он доносил о том магистрату»⁵⁰. Новгородская земля делилась на пятины. Приведя их характеристику, Миллер восклицает: «По сей обширности Новгородского уезда, до которого еще принадлежали и другие города, кои не включены во оные пятины, явствует власть новгородцев и важность завоевания, которое тогда предпринял Великий князь Иван Васильевич и щастливо привел в окончание». Миллер высоко оценил факт присоединения Новгорода к Москве Иваном III и лишения его «вольности», которая давала повод для мятежей и восстаний и способствовала ослаблению государства. Иван III, в его оценке, «весьма умный и храбрый государь, который не только свергнул «утесняющее толь многие лета Россию татарское иго», но и присоединением «малых княжений к своей державе положил основание к следующей высокой власти и обширности российского государства»⁵¹. «Так в XVIII в., — писал на этот счет Соловьев, — твердилось мнение, что Иоанн III есть творец величия России, мнение, перешедшее, как известно, и в XIX век»⁵². Покорив Новгород, Иван III вывез в Москву и «великий вечной колокол», который «употреблен после на обыкновенный церковный благовест и повешен в башне перед Кремлем», — заключал этот сюжет Миллер.

⁴⁹ Там же С. 129.

⁵⁰ Там же. С. 130.

⁵¹ Там же С. 114.

⁵² Соловьев С. М. Герард Фридрих Мюллер. С. 124.

В признании сильной централизованной власти, ее значения, надо думать, сыграли роль не только уроки феодальной раздробленности, но и общая просветительская установка на сильную просвещенную монархию, приверженцами которой были в силу исторических условий прежде всего немецкие просветители. Тем не менее идея республиканского Новгорода и исконной, «сосущественной» русскому народу вольности, развитая в этой работе Миллером, оказала огромное влияние на русскую историографию. Он открыл в русском средневековье Новгород также для русской литературы и общественной мысли. Его идеи нашли свое отражение в творчестве Я. Княжнина, Н. И. Новикова, М. Н. Муравьева, А. Н. Радищева⁵³.

А. Н. Радищев хорошо знал это (равно как и другие) сочинение Миллера, опубликованное на русском языке в «Ежемесячных сочинениях» 1761 г. Сохранились его выписки с указанием цитируемых страниц, позволяющие проследить ход мысли писателя и направление его исследовательского поиска. Под 864 г. он записывает: «Рюрик, усмирив взбунтовавшихся новгородцев... вступил в неограниченное правление»; изучение комментария ученого к договору новгородцев с тверским князем Ярославом, рождает такую запись: «С Ярославом Ярославичем, великим князем новгородским, они сделали по войне письменное примирение, из коего видно, сколь мало они великого князя почитали». «Веча или народное собрание, — читаем далее, — на кое созывали особливим колоколом, называемым вечным, и на оных сборищах основалась наипаче вольность народа», «...об отнятии вольности, снятии колокола Иваном Васильевичем» и т. д.⁵⁴ Эти выписки А. Н. Радищев использовал затем в «Путешествии из Петербурга в Москву» в главе «Новгород». По этой статье Миллера, как о том свидетельствуют выписки, формировались и его представления о русской армии, об опричнине Ивана Грозного.

Характеристика опричнины, данная Миллером в этой статье, не зря привлекла внимание Радищева. Это еще

⁵³ Проблемы историзма в русской литературе Конец XVIII — начало XIX в Л., 1981. С 38, 41, 178—179

⁵⁴ Радищев А. Н. Избранные сочинения. М.; Л., 1959 С. 643, 645—646, 822.

одна попытка дать беспристрастную, объективную, насколько позволяли имеющиеся в распоряжении ученого средства, оценку сложного и противоречивого явления. Большинство иностранных авторов (Одерборн, Гваньини и другие немецкие и польские историки) обвиняли царя в тирании, де Ту, а главное, С. Трейер, написавший в 1711 г. «Апологию Ивана Васильевича»⁵⁵, пытались оправдать его. Миллер считает, что создание опричных земель и «особой царской гвардии», за которую можно «почесть» опричное войско, имело под собой основания. «Кажется, что государь хотел тем себя облегчить от тяжести правления, и жизнь свою привести в безопасность, что не может худо истолковано быть». Однако «своеволие» опричников, доносы, нередко ложные, «дабы можно было им делить по себе имения осужденных», приняли опасный оборот. «Невозможно все одобрить,— пишет Миллер,— что тогда делалось». Трейер, оправдывая царя и «полагая всю вину на частые народные смятения, по которым царь принужден был поступать толь строго», не приводит в подтверждение своей версии «достоверных доказательств». Не все верно и у писателей — «явных врагов царя», которые многое выдумали и преувеличили. Однако, заявляет он, и сами «российские историки довольно еще приводят таких дел, коих достойно вечному предать забвению». К таким делам он относит и разорение Великого Новгорода⁵⁶.

Рассуждая о количестве казненных, Миллер приводит известия иностранных писателей, называвших разные цифры: 3 тыс., 25 тыс. Русские летописи это число еще более увеличивают, замечает он, говоря о том, что каждый день в течение пяти недель, пока шел суд, погибало до 1 тыс., а то и до 1,5 тыс. «Однако здесь надлежит примечать, что по всему виду сии известия сочинены были от таких, кои в общем разорении участие имели. Кто хочет о деле строго рассуждать, тот может о всем сомневаться; потому что упоминается обстоятельство, которому быть невозможно»⁵⁷.

⁵⁵ См Щербина В Готлиб Самуил Трейер и его сочинения по истории Московского государства // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца Киев, 1895 Кн 9 С. 148—164

⁵⁶ Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие 1761. Сентябрь С 214—215.

⁵⁷ Там же С 218—219.

Обстоятельно рассмотрено Миллером участие Новгорода в событиях «смутного» времени, доведенных до Столбовского договора 1617 г. Впервые по архивным документам он рассказал в статье о деятельности «стольника князя Дмитрия Михайловича Пожарского», одного из тех, кто оказывал в то время услугу «своею ревностью и храбростию за утеснение отечества», собрав в Нижнем Новгороде «нарочито сильное войско»⁵⁸.

В числе «достопамятных» событий в Новгороде Миллер называет «введение чеканных денег», упомянутое в Новгородской летописи при описании правления великого князя Василия Дмитриевича. Это известие он сопровождает кратким очерком истории денежного обращения, который позволяет зачислить его в ряд первых «меховистов» в России. «До одного времени, — пишет Миллер, — как в Новгороде, так и во всей России, обыкновенно устанавливали цену по **куным козам**, и по частицам оных, кои назывались **мортки**. Как куниц стало мало, то начали употреблять **лобки белочки** вместо денег». С начала XV в. в Новгороде ходили иностранные деньги, польские гроши и немецкие шиллинги, которыми пользовались для торговли с ганзейскими городами. Их называли ортугами. Первые металлические деньги, по его мнению, начали чеканить Москва и Тверь еще «под татарским правлением», и на этих деньгах «была сперва одна татарская, потом на одной стороне татарская, на другой российская, и наконец одна токмо российская надпись». Название «деньги» он производил от татарского слова «танга» — знак. Затем появилась копейка, получившая свое название от изображенного на ней «св. Георгия с копьем». Название «деньги» осталось отчасти общим для всякого рода монет, отчасти собственным для составляющих половину копейки. Миллер отметил и тот факт, что новгородцы, «дабы не казалось, что они подвержены татарам, не употребляли московских и татарских денег в торгах». С 1420 г. Новгород начал печатать свои деньги, называвшиеся «новгородки». Они были «ценою вдвое против московских и тверских», чем доказывается, по его мнению, «богатство Новгорода»⁵⁹.

⁵⁸ Там же. С 230—234

⁵⁹ Там же. Август. С. 99—100.

В статье Миллера нашли отражение истории новгородских владык XVII в. Впервые на страницах своего «Собрания» он привел жизнеописание патриарха Никона и рассказал о церковном расколе XVII в. В основу его было положено сочиненное «вскоре после кончины» патриарха известие о его жизни, составленное «патриаршим поддьяком», секретарем Никона Иваном Корнильевичем Шушериным. Публикация Миллера более чем на двадцать лет опередила появление самого сочинения, увидевшего свет в Петербурге в 1784 г. Миллер, следуя за своим источником, в котором о Никоне говорилось с большой похвалой, выдвигает на передний план такие черты родившегося «от простых родителей» патриарха, как правосудие, щедрость, покровительство бедным. К числу добрых его дел он относит строительство в Новгороде четырех новых богаделен, «где старые и немощные люди, сироты и вдовы обрели себе пропитание». Никон посещал невольников в темницах и освобождал невинных. К числу заслуг патриарха Миллер относит также печатание Библии, заменившей Острожское издание 1581 г., которое стало уже таким редким, «что почти и за деньги достать было невозможно». Миллер полагал, что Никон был составителем «нарочито полной российской летописи», собранной из Нестора и других летописцев и доведенной до правления Алексея Михайловича. Под именем Воскресенского летописца она хранилась, по словам Миллера, в императорской библиотеке. Никон ввел греческое церковное пение, «из многих голосов составляющих концерт, вместо того что прежде в России пели одним токмо голосом»⁶⁰.

В общей оценке деятельности Никона Миллером не могло не сказаться шедшее в ногу со временем представление о естественности и необходимости подчинения церкви государству и контроля над ней с его стороны. Сказав о том, что некоторые почитают Никона за святого, а раскольники называют его антихристом, Миллер заявляет: «Разумной имеет посредственное мнение. По справедливости должно признавать добрые качества, которые из многих поступков сего патриарха проявлялись; но не можно себе представить, чтобы истинная

⁶⁰ Там же. Октябрь. С. 296.

святость могла быть сопряжена с гордостью, послушанием и упорными поступками против своего государя»⁶¹.

Миллер первым сообщил и печатные биографические известия о Феофане Прокоповиче, которыми он закончил свое повествование о Новгороде. Эта краткая биография Прокоповича осталась неизвестной позднейшим биографам выдающегося сподвижника Петра I. И. Чистович считал, например, что первым биографическим известием о нем был краткий очерк, составленный по предположению Чистова Т. З. Байером и опубликованный во Франкфурте-на-Майне и Лейпциге в 1776 г. И. Б. Шерером⁶². Однако, как видим, Западная Европа узнала о жизни и трудах Прокоповича пятнадцатью годами ранее.

Очерк Миллера о Прокоповиче, имевшем тесные связи с Академией наук, проникнут глубоким уважением к его памяти. Автор его опирается не только на личные впечатления, но и на труды ученого, а также на «большое количество известий» о нем, наличие которых и дало ему повод развернуть краткий рассказ в биографический очерк, «описать житие его несколько обстоятельнее».

В отличие от «Шереровой биографии», как называл Чистович очерк Байера, Миллер сообщил точные даты рождения и смерти Прокоповича (9 июня 1681 г. и 8 сентября 1736 г.), рассказал о его происхождении, обучении в Италии, в Риме, где он хорошо изучил итальянский язык и приобрел «доброе знание в словесных и прочих науках, а особливо в философии и богословии». Будучи профессором и префектом Киевской Академии, Феофан в 1706 г. приветствовал Петра I торжественной речью в церкви св. Софии. Своей речью о полтавской победе и другими поступками он снискал милость государя, который «любил слушать его разговоры, а наипаче его проповеди»⁶³.

Кроме речей Миллер называет другие труды Прокоповича и указывает время выхода отдельных сочинений. Среди них находим «Духовный регламент», «Правду во-

⁶¹ Там же. С. 309

⁶² См.: Чистович И. Феофан Прокопович и его время // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности имп. Академии наук — СПб, 1864. Т. 4 С VII.

⁶³—Сочинения и переводы . Октябрь С 316

ли монаршей», надгробную речь о Петре и др. Миллер отмечает также, что Прокопович был автором составленного в 1718 г. ответа на «предложение Сорбонны о соединении России с римской церковью», сделанное Петру I во время его пребывания в Париже. Из него, писал Миллер, явствует как «великое знание в богословии, так и глубокий разум». Прокопович был автором «пространного указа для монахов», который Петр хотел издать, а также еще многих других сочинений, речей, проповедей и стихов, называть которые Миллер не стал⁶⁴.

Отмечая заслуги Прокоповича перед русским просвещением, Миллер привел рассказ о том, что Прокопович «на подворье своем, как здесь в Санкт-Петербурге, так и в Москве, завсегда содержал 60 отроков, коих он нарочно определенными к тому учителями обучал языкам, наукам и художествам, такожде он оставил по себе превосходную библиотеку, которая досталась... семинарии Антониева монастыря в Новгороде»⁶⁵. Миллер считал, что Прокопович умер «от каменной болезни».

В условиях нараставшего в России крестьянского сопротивления крепостному гнету Миллер не мог не проявить интереса к социальным конфликтам, которыми изобилует русская история. Он первым из русских историков обратился к истории классовой борьбы в России. Он полагал, например, что «внутреннее несогласие новгородцев», когда «знатнейшие жители новгородские чинили... простым мещанам великие насильства», было главной причиной, которая заставила их признать «самодержавство великого князя»⁶⁶. То же происходило и в Пскове, где он отмечает «великое... несогласие между жителями», когда «знатные утесняли простых граждан, отчего частые происходили мятежи в народе»⁶⁷.

Действия Ивана Грозного в отношении Новгорода также имели основанием «совершенное искоренение семени бунта, которое уже толь много произвело худых следствий»⁶⁸. По подлинным документам (царским указам и отпискам князя И. Хованского, усмирявшего

⁶⁴ Там же С. 319.

⁶⁵ Там же. С. 320.

⁶⁶ Там же Август. С. 122—123.

⁶⁷ Там же. С. 148.

⁶⁸ Там же Сентябрь. С. 217.

Псков), с использованием рассказа А. Олеария описано Миллером восстание 1650 г. в Новгороде и Пскове ⁶⁹.

В «Опыте» мы находим также первый рассказ о восстании Хлопко, принявшем столь угрожающие для правительства размеры. От этой «чрезмерно великой партии разбойников», — писал Миллер, — «по всем дорогам так сделалось опасно, что никто не отважился в дорогу отправляться». Восставшие, руководимые «отважным и хитрым атаманом» Хлопко, так сильно сопротивлялись, что хотя их и хотели щадить и взять живых, «однако ж того сделать было невозможно» ⁷⁰. Окольный Иван Федорович Басманов погиб в первой же с ними «сшибке». Восставших удалось победить только тогда, когда против них были сделаны, наконец, «такие распоряжения, как будто бы воевать с прямым неприятелем, которого должны победить порядочным образом». И хотя Миллер прямо не связывал восстание с разразившимся накануне голодом в Москве и не объявлял главных его виновников, его сомнения относительно мороза, побившего хлеба в середине августа, о котором уже шла речь, его заявления о том, что «в самой Москве были еще великие амбары с запасом», но «имевшие оной богатые люди не хотели избыть своего имущества», весьма показательны.

Миллер несомненно видел причину восстаний и мятежей в злоупотреблениях господствующего класса, в самом факте существования крепостного права. Именно со страниц его «Собрания» прозвучал первый публичный протест против крепостничества в России.

В 9-м томе «Собрания» он опубликовал без указания имени автора статью «Одного лифляндского патриота описание крепостничества, как оно устроено над крестьянами в Лифляндии» ⁷¹. Это был отрывок из сочинения лифляндского пастора Иоганна Георга Ейзена, одного из первых борцов против крепостничества в России, как называет его Э. Доннерт ⁷². Главной идеей этого сочинения было обличение произвола немецко-бал-

⁶⁹ Там же Октябрь С 297—303

⁷⁰ Там же Август С 153—154

⁷¹ *Eines Liffländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Lifland über den Bauern eingeführet ist*// *Sammlung Russischer Geschichte* 1764. Bd 9. S. 491—527.

⁷² См: *Donnert E Johann Georg Eisen (1717—1779). Ein Vorkämpfer der Bauernbefreiung in Russland.*

тийских помещиков над лифляндскими и эстонскими крестьянами и требование их освобождения с предоставлением им права собственности на землю. Миллер не просто опубликовал отрывок, он его научно обработал, снабдил примечаниями и ссылками на литературу и источники, сделал ряд существенных дополнений. Это обстоятельство позднее отметил сам Ейзен, выступивший с публичным заявлением о том, что именно он является автором «Описания», но что целый ряд положений в статье принадлежит не ему. В 1767 г. в своих автобиографических записках Ейзен писал, что сделался известным Екатерине II «благодаря сочинению, которое профессор Миллер без моего разрешения, совершенно изменив его, поместил в 9-м томе своего «Собрания». Я признаю в этом описании за свою работу почти только то единственное, что касается изображения ущемленного права крепостного как человека и его, исходящего из этого, внешнего и внутреннего состояния, вместе с некоторыми там и сям приведенными данными об этом до основания испорченном человеке и его жалком хозяйстве. Миллер же, по его словам, ввел в это описание «примеры из истории» и «цитаты различных авторов»⁷³. Кроме того, в 1777 г. в предисловии к первому номеру своего журнала «Филантроп», который Ейзен начал издавать в Митау, он, возвращаясь к этой теме, писал, что последний параграф этой статьи (а это 10 из 36 страниц) написан не им, а Миллером⁷⁴.

Чтобы уяснить степень редакторской правки материалов Ейзена Миллером и его собственную позицию в крестьянском вопросе, следует коротко остановиться на содержании статьи. В ней в центре впечатляющего описания печальных последствий крепостничества в Лифляндии и Эстляндии изображен крестьянин, которому принадлежат все симпатии и автора, и редактора. Положение его совершенно бесправное: в любой момент помещик может переселить его на другое место, вообще лишить его земли, перевести в поденщики, продать, подвергнуть телесным наказаниям и пр. Крестьянин не имеет даже права жаловаться на помещика, поскольку целиком, «со всеми своими способностями и стремлениями, со всем своим имуществом принадлежит господину».

⁷³ Ibid. S. 65.

⁷⁴ Philanthroph (Mitau). 1777. 1. Stück. Vorrede.

У последнего «нет только права на жизнь и смерть своего крестьянина»⁷⁵. По 19 пунктам прослеживается в статье разлагающее влияние крепостничества. Оно оказывает, во-первых, отрицательное воздействие на психологию и мораль крестьянина, делает его забитым, беспечным, ленивым, лишает его всякого интереса к работе. Дети крестьян лишены детства и юности, их обучение есть не что иное, как «дрессировка лошади в манеже» или собаки, которую обучают разным «искусствам»⁷⁶. Насилие над телом, духом и характером крестьянина порождает «недовольство крестьянина своим господином, которое почти всюду заметно и которое уже невозможно устранить хорошим обращением»⁷⁷.

Крепостное право оказывает отрицательное воздействие на экономику страны, прежде всего на сельское хозяйство, все отрасли которого (полеводство, скотоводство, коневодство, пчеловодство и др.) пришли в совершенный упадок. Оно препятствует развитию городов, ремесла, искусств и наук, формированию буржуазии: «ярмо крепостного редко делает его хорошим мастером», оно «мешает крестьянину превращаться в буржуа»⁷⁸.

Редакторская правка этой части статьи Миллером свидетельствует о его стремлении самому разобраться в существе изложенных Ейзенем вопросов, систематизировать его материал и придать статье научный характер⁷⁹. Показательно при этом, что все ссылки на литературу, которые вводит Миллер, подкрепляют суждения Ейзена, а отнюдь не отрицают их или противоречат им. Так, характеристика положения крепостных крестьян усилена Миллером ссылками на «Хронику Ливонской провинции» Б. Руссова и «Лифляндскую историю» Х. Кельха (1695). Последний, к примеру, писал о введении польским королем Стефаном телесных наказаний для лифляндских крестьян за различные проступки, и обращение

⁷⁵ Sammlung Russischer Geschichte Bd 9. S 495.

⁷⁶ Ibid S. 501.

⁷⁷ Ibid. S. 505.

⁷⁸ Ibid. S 515—516.

⁷⁹ Необходимость в этом, очевидно, имела место, так как А. Л. Шлецер, говоря о «прекрасных идеях», вышедших из «светлой головы» Ейзена, писал «Жаль только, что этот человек ничего не читал, не имел никакой системы, прятал все из себя отрывочными нитями.» (Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. С 82)

к «Лифляндской истории» было призвано показать давность их существования. Рассказ Ейзена о тяжелой барщине Миллер подтверждает ссылкой на книгу о лифляндском сельском хозяйстве «Архиата фон Фишера», в которой говорится о том, что крестьяне за неимением другого времени вынуждены молотить свой хлеб по ночам. Прекрасно знает Миллер «Полицейские правила для Лифляндии» («Lifländische Landes-Ordnungen»), юридически оформившие крепостное право. Этими правилами он подтверждает рассказ Ейзена о принадлежности господину всего имущества крестьянина, зерна, скота, домашних припасов и пр. На них он ссылается, когда речь идет о строгих предписаниях против побегов крестьян. Картина положения лифляндского крестьянина, нарисованная в статье, была настолько удручающей, что вызвала соответствующее восприятие ее западноевропейским читателем. В рецензии на 9-й том «Собрания», помещенной в журнале Фридриха Николаи «Allgemeine Deutsche Bibliothek», говорилось следующее: «Человечество содрогается от ужаса, читая это описание: оно написано чисто исторически, без всяких ораторских ухищрений, с холодной кровью, но тем более глубокое впечатление производит оно на думающего читателя... Даже рабы-негры в сравнении с крестьянами-эстами могут считаться счастливыми людьми»⁸⁰.

Непримиримое отношение Ейзена к крепостничеству и его предложения о постепенном уничтожении крепостнических отношений оказали сильное влияние на Миллера, на формирование его собственной позиции в крестьянском вопросе. Представляя читателям эту статью, он писал: «Мы не могли отказать этому сочинению в месте в нашем издании из-за содержащихся в нем хороших положений... Кто этот патриот, не имеет значения, главное, чтобы его предложения и желания нашли отклик...»

Последний раздел статьи представляет собой изложение собственной позиции редактора, которая вытекала, конечно, из ейзеновской программы. Исходя из теории естественного права, Миллер считал личную свободу и обладание собственностью неотъемлемым правом

⁸⁰ Allgemeine Deutsche Bibliothek Berlin; Stättin, 1768. Bd. 8. S 169

человека. «Стремление к собственности естественно для него»⁸¹. Поэтому упразднение крепостничества, этой совершенно изжившей себя общественной системы, предоставление крестьянам земли — в интересах и отдельного человека, и всего государства. Он обращается к властям, прежде всего к Екатерине II, с призывом не медлить с этим и не бояться этого. Пример других государств показывает, что отмена крепостничества не влечет за собой падения абсолютной монархии⁸². Миллер предлагает начать ее с устранения барщины и введения денежного оброка, ограничения законодательным путем «строгости», т. е. злоупотреблений отдельных помещиков. Все это должно сопровождаться переводом крестьян на арендные отношения. Необходимо предоставить им столько земли, сколько каждый бы смог обработать, в наследственное пользование, а помещика лишить права сгонять крестьянина с земли или переселять в другое место⁸³.

В этой же части статьи Миллер попытался также несколько сгладить тяжелое впечатление от ее первого раздела и показать, что такое положение дел в России характерно лишь для Лифляндии. Положение лифляндского крестьянина, обремененного тяжелой барщиной, он сравнивает здесь с положением оброчных крестьян России. Относительная свобода, которой они располагают, позволяет им заниматься в городах промыслами и торговлей, улучшать на заработанные деньги свое домашнее хозяйство. Это выгодно и помещику, и государству, ибо приводит к увеличению оброка и оживлению товарного обмена и денежного обращения. «Деньги, — пишет Миллер, — которые обычно идут из провинций в города, теперь частью через подать, частью через посредство затрат на хозяйство снова возвращаются в провинцию, точно так же, как кровь, совершая свое вращение в человеческом теле, оживляет все его члены»⁸⁴.

Для публикации статьи Миллер умело воспользовался ситуацией, сложившейся после переворота 1762 г. Приход к власти Екатерины II оживил надежды передовых людей на претворение в жизнь некоторых идей

⁸¹ Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 9 S. 505.

⁸² Ibid. S. 517.

⁸³ Ibid. S. 524.

⁸⁴ Ibid. S. 521.

Ейзена, привлечших внимание двора, в частности фаворита Г. Орлова⁸⁵. Однако публикация Миллера вызвала недовольство Екатерины II, которое она выразила позднее в своем распоряжении руководителям Уложенной комиссии нейтрализовать действия сторонников уничтожения крепостного права. «Нету опаснее для сочинения сей большой работы, — писала она, — мнений полученных людей, из числа которых не выключаются проф. Миллер, проф. Штруб и гдн. Клингштедт, ибо сии люди весьма ошибаются во всех своих о нации и ее положении рассуждениях... действительно лучше иметь дело с незнающими, но умными людьми, нежели с такими, кои имеют косые предрассуждения, вовсе противные моим принципам и умоначертанию нации; посему прошу быть примечательны, дабы их предубеждения не произвели импресии противной моим правилам, о чем я стараться буду всячески... не допускать. Они же теперь, — продолжала она, — упражняются всякими сочинениями, кои истинно наполнены кривотолками, хотят себе делать имя у слепых полуученых и полуумных»⁸⁶.

Такое отношение Екатерины II к Миллеру может быть объяснено той позицией его в крестьянском вопросе, той солидарностью с идеями Ейзена, которую он обнаружил в «*Sammlung Russischer Geschichte*». Эти идеи не отвечали действительным намерениям императрицы в отношении крепостного права.

Публикация статьи о крепостничестве в Лифляндии может быть отнесена к заслугам Миллера. Благодаря ему появился первый публичный протест против крепостничества в России. Именно эта статья, по мнению Э. Доннерта, «привела в движение все петербургское общество и дала толчок той дискуссии о крепостничестве в России, которая продолжалась по существу до 1861 г.»⁸⁷. Вывод о необходимости уничтожения крепостного права, содержащийся в ней, как считает Х. Грас-

⁸⁵ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера .. С. 82

⁸⁶ Флоровский А. В. Академия наук и законодательная комиссия 1767—1774 гг. // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. Прага, 1924. Т. 1. Вып. 2 С 108

⁸⁷ Donnerert E. Johann Georg Eisen. S. 64.

гоф, «частично предвосхитил уже радищевский призыв 90-х годов»⁸⁸.

Характеристика только части материалов и статей, помещенных Миллером в академическом немецкоязычном журнале, свидетельствует о разнообразии тематики, высоком профессиональном уровне и прогрессивных тенденциях, которые были ему присущи. Эти качества обеспечили журналу, выходившему в России, широкую известность за ее пределами.

⁸⁸ Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland... S. 220.

6. Роль журнала в развитии немецко-русских научных связей XVIII в.

Академический журнал, как и другие издания Петербургской Академии наук, поступал для продажи в книжные лавки крупных городов, прежде всего ярмарочных центров, Лейпцига и Франкфурта-на-Майне, откуда распространялся во все части Европы¹. Сам Миллер многое сделал для налаживания книжной торговли Академии наук за границей во время своей поездки в Англию, Голландию и Германию в 1730—1731 гг. Среди главных заданий его годичной командировки было приведение в порядок расчетов с книгопродавцами, упорядочение продажи изданий Академии наук, определение комиссионера по продаже книг в Англии, информация об успехах Академии².

Журнал Миллера, как и другие издания Академии наук, посылался также в крупные библиотеки немецких научных центров. Очевидно, Шлецер имел в виду уже установившийся порядок, когда в 1765 г. обращался с предложением в Академию наук прислать в качестве подарка Королевской публичной библиотеке Геттингена лучшие ее издания. В его списке находим «Атлас Российский», «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, «Оренбургскую топографию» П. И. Рычкова, «Грамматику, летописец и стихи» М. В. Ломоносова, «Историю Сибири» Миллера и комплекты обоих миллеровских журналов³.

¹ Grau C, Hoffmann P. Zur Verbreitung der Petersburger Akademiepublikationen in Deutschland im 18. Jahrhundert. S. 123.

² Копелевич Ю. X Из истории международных связей Петербургской Академии наук в XVIII. С 157—159.

³ August Ludwig Schlözer und Russland. Berlin, 1961. S. 85—86.

В Лейпциге посредницей в распространении публикаций Петербургской Академии наук в 30-е гг. XVIII в. была фирма Якоба Шустера⁴, в конце 50-х — начале 60-х гг. очередные тома издания, судя по объявлению в «Лейпцигских ученых ведомостях», «свободно продавались во всех книжных лавках Ланка»⁵. Спрос на издание, однако, опережал предложение. Не случайно рецензент «Собрания» в «Геттингенских ученых ведомостях» отмечал это обстоятельство. «Усердие, с которым господин профессор Миллер продолжает этот труд, — говорится в рецензии на седьмой том, — заслуживает благодарности всех любителей истории, однако желательно, чтобы больше было возможности познакомиться с ним, ибо некоторые в других местах жалуются, что не могут его достать. У нас же эта жалоба не может иметь места, так как он имеется во многих библиотеках»⁶.

Продажа изданий Петербургской Академии наук в Германии осложнялась тем обстоятельством, что фирмы-посредницы, преследуя личные выгоды, завышали цены на книжную продукцию из России, пользующуюся большим спросом. Ученые в Петербурге не раз били по этому поводу тревогу. В 1745 г. они предлагали руководству Академии упорядочить отношения с зарубежными книгопродавцами, которые «для своей корысти» накладывают на книги такую большую цену, что покупатели отказываются их брать. Предлагалось посылать им книг не больше, чем они требуют, посылать обязательно на их счет, чтобы «отвратить... утайки», снизить цены и ускорить реализацию изданий⁷. Но и в 1766 г. А. Л. Шлецер жаловался в письме к Миллеру, что «за одну часть» его «Собрания» в Германии запрашивают «2 рейхсталера 16 грошей», поэтому «для любителя почти невозможно приобрести все «Собрание» целиком»⁸.

⁴ Именно он предлагал читателям в августе 1734 г. специальным объявлением три первых выпуска «Собрания» (см. Tetzner J. Verkauf russischer Bücher in Leipzig am Anfang des 18. Jahrhunderts//Zeitschrift für Slawistik. 1957. Bd. 1. H. 4. S. 603 — 605).

⁵ Neue Zeitungen von gelehrten Sachen Leipzig, 1761. S. 813.

⁶ Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen. 1763. S. 130

⁷ Материалы для истории Академии наук. Т. 7. С. 727—728.

⁸ Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера. С. 341—342

Конкурирующие фирмы в таких условиях попытались обойти в 30-е гг. фирму Я. Шустера. Нюрнбергский издатель И. А. Шмидт переиздал в 1735 г. работу члена Петербургской Академии наук, известного механика и оптика И. Г. Лейтмана о нарезном оружии («*Nachricht von gezogenen Buchsen und etliche Anmerkungen von Schiessen*»), увидевшую свет в Петербурге на русском и немецком языках. Но это вызвало недовольство в Петербурге, президент Академии наук И. А. Корф потребовал от курфюрста конфискации книги и запрещения в дальнейшем переизданий трудов петербургских ученых. В результате последовал указ 22 апреля 1735 г. совету г. Лейпцига, а затем и свободного имперского города Франкфурта-на-Майне, запретивший переиздание трудов членов Петербургской Академии наук. Нарушение указа влекло за собой штраф в 50 и более рейнских гульденов. На последний указ обратил внимание Крамер, который довел его до сведения академиков, поместив его в шестом выпуске 1-го тома «Собрания» вместе с предписанием курфюрста магистру Нюрнберга об изъятии издания Шмидта⁹.

Как следствие этого в Германии и других странах получили широкое распространение переводы немецкоязычных изданий Петербургской Академии наук на французский и английский языки. По словам К. Грау и П. Гофмана, со статьей Миллера «Известие о морских плаваниях» в Германии было легче познакомиться не в оригинале, а по французскому переводу, осуществленному в Амстердаме в 1766 г. На него ссылаются позднейшие библиографические пособия разного рода¹⁰, именно это издание имел в своей библиотеке Вольтер¹¹. В английском переводе изучал этот труд Миллера в 70-х гг. XVIII в. швейцарский географ С. Энгель, сетовавший на трудности получения петербургских публикаций¹². Во французском переводе распространился и дру-

⁹ Sammlung Russischer Geschichte. Bd 1 S. 516—518.

¹⁰ Grau C, Hoffmann P. Op cit S. 126.

¹¹ Алексеев М. П. Вольтер и русская культура XVIII в. // Вольтер. Статьи и материалы Л., 1947. С 37—38.

¹² Grau C, Hoffmann P. Op. cit. S. 127.

гой труд Миллера — его история Новгорода¹³. Перевод был осуществлен с русского издания в «Ежемесячных сочинениях»¹⁴.

Запрет на переиздание трудов Петербургской Академии наук приходилось неоднократно повторять, поскольку он постоянно нарушался. Выходившие нелегально перепечатки некоторых изданий чаще всего продавались во Франкфурте-на-Майне, где не было комиссионера, который следил бы за соблюдением указа, и где поэтому строгий указ не соблюдался так строго, как в Лейпциге¹⁵.

Из всего сказанного видно, каким большим спросом пользовались издания Петербургской Академии за границей. Едва ли не первое место среди них занимало миллеровское «Собрание». Живейший интерес к нему научной общественности Западной Европы отразили и многочисленные переиздания на разных языках опубликованных в нем работ Миллера, и переиздание всего «Собрания» в Оффенбахе-на-Майне в 1777—1779 гг. в нарушение указанного запрета, и пристальное внимание к нему немецкой научной периодики.

«Собрание» было постоянно в поле зрения научной немецкой критики. У. Леман писал, что библиография хвалебных рецензий на труды Миллера, на частые переиздания старых и издания новых, как и на переводы их на различные языки, заполнила бы многие страницы¹⁶. Некоторые из публиковавших рецензии немецких научных изданий нам удалось обнаружить в хранилищах Москвы и Ленинграда. Оказалось, что большое внимание «Собранию» оказывали «Ученые ведомости» Лейпцига, крупного культурного и книжного центра Западной Европы. Лейпцигские критические журналы были

¹³ См. Essai abrege de l'Histoire de Novgorod Copenhagen, 1771. По словам Пекарского, этот труд Миллера был издан неким Лизакевичем, «который счел более удобным умолчать о том, что он был только переводчик, и выдать свой перевод за собственное произведение» (История Академии наук Т 1 С 413)

¹⁴ Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, herausgegeben von Hartw. Ludw. Christian Bacmeister. St Petersburg, Riga; Leipzig, 1772. Bd. I. S 455

¹⁵ Grau C, Hoffmann P. Op cit S. 125—126.

¹⁶ Grasshoff H, Lauch A, Lehmann U. Humanistische Traditionen der russischen Aufklärung. S. 195.

источником, из которого ученые разных стран черпали свои ранние знания о многочисленных публикациях в различных регионах Европы, через них они узнавали о нужных им публикациях, а затем находили их¹⁷.

В лейпцигских «Ученых ведомостях» уже в ноябре 1732 г. было перепечатано «Предложение» Миллера с программой предстоящего издания¹⁸, а в номере от 23 ноября 1733 г. они в числе первых¹⁹ откликнулись на выход академического журнала, оповестив научный мир о появлении первых трех его частей. В рецензии давалась краткая характеристика их содержания и выражалась надежда на то, что благодаря публикациям «источников, в частности извлечения из древней летописи, материалов о жизни Александра Невского и др., и древняя, и новая²⁰ русская история могут быть основательно разработаны». Отмечалась при этом большая значимость плана калмыцкой истории, обстоятельность всех его частей и глав, приветствовалось намерение автора разобраться с тангутским языком, «научным языком калмыков и мунгалов». Говорилось в рецензии и о перспективах издания в связи с предстоящим отъездом Миллера в сибирскую экспедицию²¹.

«Ученые ведомости» Лейпцига вновь обратились к журналу Миллера в 1761 г., отметив обстоятельной рецензией появление 5-го тома. Внимание рецензента привлек «Опыт новейшей истории России» Миллера, который должен был стать, по мысли ученого, как бы продолжением труда В. Н. Татищева. Поэтому рецензент вслед за ним отметил заслуги последнего, в течение три-

¹⁷ Mühlpfordt G. Petersburg und Leipzig — zwei engverbundene Zentrum der Aufklärung S. 115—136

¹⁸ Оно было помещено также в 26-м томе журнала «Немецкая библиотека, или литературная история Германии в северных странах», который выходил на латинском языке и уделял событиям в Петербургской Академии наук пристальное внимание (см. Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук Л., 1977. С. 183)

¹⁹ О рецензии в «Нижнесаксонских известиях» см. также: Raab H. Anfänge der slawistischen Studien in deutschen Ostseeraum unter besonderen Berücksichtigung von Meklenburg und Vorpommern S. 375.

²⁰ В данном случае речь шла о помещенных в первом выпуске описании церемонии приема китайских послов при русском дворе в 1731—1732 гг и известии о коронации 1730 г

²¹ Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. 1733. S. 833—835.

дцати лет работавшего над изучением русской истории. Обратил он внимание на основательность источниковой базы «Опыта» и «Краткого известия о начале Новгорода», воспроизведя при этом все те группы источников, которые были использованы их автором: летописи, хронографы, степенные книги, летописцы начала XVII в., разрядные и родословные книги, архивные «письма», свидетельства иностранцев. Рецензент указал также на добросовестность автора и вообще добротность его работ, основанных на критическом подходе к источникам, и привел примеры того, как он, сопоставляя и анализируя их данные, исправил показания некоторых иностранных писателей. Удостоился похвалы и «хороший реестр», венчавший книгу и облегчавший пользование ею. «Можно сказать, — заключал рецензент, — что господин автор заслуживает большой благодарности как своих сограждан, так и иностранцев за то старание, с которым он поднимает русскую историю почти на такую же ступень ясности и достоверности, на которой находится история других европейских стран». При этом высказывалось пожелание опубликовать в «Собрании» результаты исследовательской работы Миллера в области сибирской истории. «Было бы хорошо, — заявлял рецензент, — чтобы автор не только продолжал далее свое «Собрание», но чтобы в отрывках или каким-то другим способом сделал известными среди нас результаты всех своих исследований»²². Ответом на эту и подобные просьбы и явилась публикация в последующих томах «Сибирской истории» и целого ряда статей на сибирскую тему.

Пристальное внимание лейпцигского журнала к научной жизни России обнаруживается и в 70-е гг. В рецензии на перевод Якоба Родде книги П. И. Рычкова «Опыт Казанской истории» рецензент вновь вспомнил о «Собрании» Миллера и помещенных в нем статьях редактора. Рецензент прямо отмечал, что они вместе с трудом С. П. Крашенинникова, «Оренбургской топографией» Рычкова и другими работами, опубликованными в Петербурге, воссоздают «верный облик России», способствуют тому, что «история Великой Российской империи... постепенно вырисовывается»²³.

²² Ibid 1761 S. 811—813.

²³ Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. S. 23.

Огромное внимание «Собранию» Миллера уделяли научные издания Геттингена, ставшего с середины XVIII в. центром немецкого Просвещения и крупным центром европейской исторической науки. Здесь в середине XVIII в. создается институт исторических наук во главе с Иоганном Кристофом Гаттерером, который организует научные исторические журналы: «Всеобщую историческую библиотеку» («Allgemeine historische Bibliothek») и «Геттингенские ученые ведомости» («Göttingische gelehrte Anzeigen»). Последний журнал по продолжительности издания и богатству материала принадлежит к выдающимся явлениям исторической науки Германии. Это был один из самых авторитетных критических органов Западной Европы, который «мог обосновать и утвердить научную славу любого труда, но мог и уничтожить ее»²⁴. Журнал уделял огромное внимание научным делам в славянском мире, по нему формировалось мнение «о научном прогрессе и состоянии культуры в славянских странах»²⁵.

Широкие связи с геттингенским историческим центром имела Россия. В Геттингенском университете учились дети знатных дворян, чиновничества и буржуазии, начиная с 1772 г. в нем читался курс по истории северных стран, в том числе России, Польши, Швеции, Дании, Пруссии. Исполнителями его были Шлецер и Винтерзем. Представители науки и образования России входили с конца 70-х гг. в состав научного общества Геттингена в качестве иностранных членов и корреспондентов (Паллас, Аш, Эпинус, Бецкий и др.). В высшей степени благожелательном для России духе были написаны статьи на русскую тему в «Геттингенских ученых ведомостях». В этом плане научный диапазон их интересов относительно России был чрезвычайно широк. Путешествия, исследовательские экспедиции в самой России, статистика, география, древняя и новая история, научный и культурный прогресс страны — все это находит отражение на его страницах²⁶.

²⁴ Jirat Vojtech. Slawisches in den göttingischen gelehrten Anzeigen 1739—1790. Ein Beitrag zum Problem «Herders Vorgänger» // Xenia Pragensia Pragae, 1929 S. 122

²⁵ Ibid S. 123.

²⁶ Ibid. S. 133.

У начала формирования этой традиции пристального и доброжелательного интереса к российской науке стоит академический журнал Миллера. Начиная с 1759 г. «Геттингенские ученые ведомости» регулярно публикуют пространные рецензии на каждый новый том «Собрания». В них обстоятельно передается содержание всех статей тома, говорится об истории их создания, об истории появления отдельных материалов, в адрес которых высказывается много хвалебных слов.

В первой своей статье в связи с выходом в 1758 г. заключительных частей 2-го тома «Собрания» геттингенский рецензент напомнил своим читателям историю создания журнала, первые выпуски которого увидели свет в 1732 г. Обратившись к опубликованной в 5-й и 6-й частях второго тома «Истории земель, при реке Амуре лежащих» Миллера, он расценил ее как продолжение ученым темы о русско-китайских отношениях, начатой в 30-е гг. публикацией извлечений из труда Н. Витсена. При этом было подчеркнуто, что за время пребывания в Сибири автор нашел «много надежных известий» в сибирских архивах, которые были положены в основание этой истории. (Сочинение Миллера о реке Амуре было переведено на французский язык и издано в Амстердаме в 1766 г. вместе с его «Извещением о морских плаваньях»²⁷.)

Передавая коротко содержание работы Миллера, рецензент заключал свою статью следующими словами: «Никто еще не уделял истории России и многих российскому скипетру подвластных народов столько прилежного внимания, никто не использовал еще в таком количестве необходимых для этого вспомогательных средств и не обнаружил столько проницательности и понимания, как г. проф. Миллер, от которого мы и другие иностранцы в отношении этой истории ожидаем многого». Здесь также было выражено пожелание увидеть в следующих томах журнала «редкое и основательное» сочинение 1749 г. «О происхождении народа и имени Российского» и извлечения из сибирской истории²⁸.

²⁷ Voyages et Decouvertes Faites par les Russes le long des côtes, de la mer Glaciale du ur l'Océan Oriental, tant vers le Japon que vers l'Amerique. On ya joint l'Histoire de Fleuve Amur ouvrages traduits de l'Allemand de Mr. G. P. Muller. Par C. G. F Dumas. Amsterdam, 1766 Tome 2. 207 p.

²⁸ Göttingische gelehrte Anzeigen. 1759. S. 86—88.

Много лестных слов было высказано критикой в адрес «Известия о морских плаваниях и открытиях русских в Ледовитом и Тихом океанах», опубликованного Миллером в 3-м томе «Собрания». Геттингенский рецензент обратил внимание своих читателей на заслуги ученого по отысканию сведений о первых русских мореплавателях и землепроходцах, пытавшихся «открыть» Северный Ледовитый океан. Имя Семена Дежнева, история открытия Камчатки, деятельность русских геодезистов становятся известными в Западной Европе. «Соединяется ли Азия на северо-востоке с Америкой или разделена с нею проливом? Точно ответить на этот вопрос до 1736 года было невозможно, так как хотя на картах рисовали Анианский пролив между этими двумя частями земного шара, но никто не знал точно, кто и когда его открыл? Между тем действительно уже в середине XVII в. из Якутска... было осуществлено плавание, о котором однако совсем забыли, и оно еще долго осталось бы неизвестным, если бы г. проф. Миллер в 1736 г. ...не нашел в городском архиве Якутска письменный документ об этом плавании... Все известия, которые он здесь приводит, согласны в одном, что Азия и Америка на самом деле отделены друг от друга проливом, правда, очень узким, и через него можно попасть из одной части света в другую», — говорилось в рецензии.

Передавая обстоятельно содержание труда Миллера, рецензент отметил особо некоторые важные, с его точки зрения, замечания автора, в частности о сходстве американского и сибирских народов в образе жизни, пище, одежде, нравах, религиозных верованиях. Оно дало ему основание предположить, что народы эти в древности имели общение, так как очевидно, что северо-восточный мыс Азии «сходил» с Америкой, а затем был «отделен от нее землетрясением или наводнением». Эта версия была поддержана рецензентом²⁹.

Большой интерес у зарубежных читателей вызвали работы Миллера по истории Сибири. Геттингенский рецензент подчеркнул, к примеру, что они заслуживают быть отмеченными, поскольку содержат совершенно неизвестные западноевропейскому научному миру материалы. Каждая из 10 глав «Истории Сибири», опублико-

²⁹ Ibid., S. 1136.

ванных в «Собрании», была тщательно рассмотрена и высоко оценена им. Содержание каждой главы было коротко передано в рецензиях ³⁰.

Высокой оценки удостоилось известие Миллера о сибирских торгах. «Г. проф. Миллер, — констатировал рецензент, — называет в нем лучшие торговые центры в Сибири и описывает торговые пути в ней, он приводит описание всех сибирских городов и мест, которые известны своей торговлей; показывает он и товары, которые везут в Сибирь из России... и сибирские — китайские, калмыцкие, бухарские... Мы не можем, к сожалению, сделать здесь извлечение из этих прекрасных известий, скажем только, что на их основе даже естественная история животных может быть заметно улучшена и обогащена» ³¹.

Особо были отмечены труды Миллера по русской истории. «Все любители истории благодарны г. проф. Миллеру, — писал рецензент, — за то, что он выдал... начало столь основательного и прекрасного «Опыта новейшей истории России», который охватывает события от правления царя Бориса Федоровича Годунова и внутренних беспокойств до счастливого воцарения на русском троне царя Михаила Федоровича». В рецензии подчеркивалась преемственность труда Миллера по отношению к «Истории Российской» В. Н. Татищева, публикация которой была, по мнению рецензента, присоединившегося к мнению Миллера, так желательна. Воспроизведены были характеристики видов источников по русской истории этого периода и разъяснена ошибка с Феодосием. Новизна материала, обстоятельность и достоверность были признаны рецензентом в отношении истории Новгорода, работы, названной «замечательной» ³². К украшениям «Собрания» была отнесена статья «О городе Ниеншанце» — предшественнике Петербурга — и его роли во внешней политике России ³³.

Через призму восприятия «Собрания» немецкой критикой наглядно предстает перед современным исследователем огромная научная работа Миллера, проводив-

³⁰ Ibid 1762 S. 346—349, 474—477, 645—646, 700—703; 1763. S 916—919, 1764 S. 214

³¹ Ibid 1759 S 1375

³² Ibid 1761 S. 323—327.

³³ Ibid S. 327.

шего редакторскую обработку публикуемых материалов. В рецензиях постоянно подчеркивалась плодотворность усилий издателя по разысканию сведений об авторах, истории создания их сочинений; из этих сведений создавалось представление о возможностях наблюдения и верного отражения описываемых событий, земель, народов. Особо отмечалась лингвистическая работа Миллера с рукописями: правка неверно выписанных имен, географических названий, дат, исторических и этнографических терминов и пр. Высоко ценились отступления, экскурсии в историю тех или иных мест, народов, в которых Миллер широко использовал литературу и другие источники, в том числе показания сведущих людей, документальный материал. Обычно такие отступления помещались в текст в виде примечаний; Миллер, как уже отмечалось, был весьма щепетилен в отношении авторов публикуемых работ, всегда четко разграничивая свои собственные и авторские выводы и суждения.

Во всех рецензиях на землеописания подчеркивалась ценность примечаний редактора, которые «заметно улучшили многое в сочинении», «значительно увеличили ценность новой публикации» и т. д. Так, в рецензии на 7-й том «Собрания» отмечалось, что редактор «не только извлек интересные известия из дневника Соймонова, но и исправил их, дополнил другими разными материалами, в частности письменными грамотами Петра Великого... Не упустил он возможности исправить некоторые ошибки, имевшие место в литературе в отношении описываемых здесь достопримечательностей, таким образом, эти известия имеют разностороннюю пользу. Любопытный читатель найдет в них многое для своего удовольствия... Но важнейший раздел в них тот, который рассказывает о торговле через Каспийское море, так как в нем г. проф. Миллер делает экскурс в древние времена и поясняет и исправляет известия различных писателей»³⁴.

Весьма импонировало критике то, что ученый, оперируя новым материалом, не упускал возможности исправить неверные суждения, ошибки и погрешности в сочинениях о России западно-европейских авторов, особенно наиболее популярных. Эта работа стала одной из побочных целей издательской деятельности петербургского

³⁴ Ibid. 1763. S. 295.

академика, о чем он сам заявил в специальной статье «Предложение как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве», опубликованной в «Ежемесячных сочинениях» 1757 г. Он предлагал читателям журнала подключиться к этой работе, «читать знатнейших чужестранных писателей, которые или сами в России бывали, и для того от прочих приводятся к свидетельству, или которые, будучи искуснее других и приложат лучшее суждение, всякие известия о Российском государстве собирали, между собой сносили и рассматривали, однако в некоторых погрешили». Следовало эти погрешности замечать, «неисправности поправлять, пополнять то, в чем явятся недостатки» и присылать свои примечания в Академию наук для опубликования. Миллер обещал осуществить их обнародование и на иностранных языках «для известия чужестранным ученым людям». В качестве примера таковых примечаний он поместил вслед за «Предложением» собственные «Поправки погрешностей, учиненных господином де Бюффоном в первой части Натуральной его истории, при объявлении о разных странах и местах Российского государства»³⁵.

Миллер справедливо полагал, что такие поправки «не могут быть противны» никому из авторов, «потому что намерение при том клонится к общей пользе, и сим откроется всем ученым в Европе людям свет в рассуждении Российского государства, которое чужестранным, хотя они многие годы в России обретались, и поныне по большей части не известно»³⁶.

Эта работа должна была служить как бы прелюдией к большой публикаторской работе Академии наук в области русской истории и географии. Окончательно решить задачу исправления неверных данных о России, как полагал ученый, можно было изданием сначала сокращенной, а затем и «пространной» истории и географии Российского государства, напечатанием летописи Нестора с продолжением, а также опубликованием «преизрядных сочинений покойного... Василия Никитича Татищева». Решению этой задачи, считал он, могли помочь и описания отдельных губерний и провинций, наподобие описания Оренбургской губернии «с преиз-

³⁵ Ежемесячные сочинения. 1757. Март С. 232—244.

³⁶ Там же. С. 230

рядными ландкартами», составленного «искусным и прилежным» советником П. И. Рычковым.

Сам издатель журнала стал признанным авторитетом в этой области, что отмечали как русские, так и иностранные современники. Литератор, один из замечательных общественных деятелей России XVIII в., для которого Миллер был своего рода крестным отцом, поскольку экзаменовал его при поступлении в академический университет в мае 1750 г.³⁷, Григорий Полетика писал в одном из своих писем, приветствуя назначение Миллера директором Архива Коллегии иностранных дел в Москве в 1766 г.: «Это истинно Ваша должность, которую Вы можете выполнить с честью. Вы счастливы от этого, и Россия будет счастлива тоже: Вы тем, что будете в состоянии еще более услужить республике Литературы; Россия тем, что благодаря Вашим заботам будет ограждена от выдуманных сказок и ложных сообщений иностранцев и будет представлена в своем истинном свете»³⁸.

Это же обстоятельство тонко подметил Шлецер. В рецензии на 9-й том «Собрания», помещенной в «Allgemeine Deutsche Bibliothek» Фридриха Николаи, он, будучи в это время уже профессором Геттингенского университета, писал, побуждая Миллера к продолжению издания: «Неужели г. коллежский советник Миллер совершенно прекратил свой бесценный труд, единственный и первый источник, из которого мы, иностранцы, черпаем правильное представление о могучей Российской империи? Это невозможно! Запас подобных известий у г. Миллера, как я о том точно знаю, почти неисчерпаем. Наша и всех иностранцев возможность в отношении знания о России ничтожна. К каждой ярмарке мы публикуем еще целую гору сочинений, полных неправды об этой стране. Этим недовольны в Петербурге, но как мы можем иначе, если из самой России нам не будет поставляться ничего лучшего? Поэтому патристические соображения господина коллежского советника Миллера должны побудить его использовать тот покой, которым он теперь наслаждается в Москве, для создания еще пары дюжин таких томов... Любые, даже нескладно и не

³⁷ Материалы для истории Академии наук Т. 10 С. 435.

³⁸ Цит. по Флоровский А. В. Указ. соч. С. 123.

по-немецки рассказанные, но надежные известия, мы воспримем как драгоценные подарки, а их собирателю и издателю воздвигнем на руинах Страленберга, Перри и Вебера благодарственный алтарь»³⁹.

Критика, как видим, по достоинству оценила опубликованные в «Собрании» землеописания. И в отношении отдельных публикаций ею было высказано много лестных слов. «Извлечение из дневника Соймонова» было расценено ею «как плод славных усилий Петра Великого по сбору сведений о Каспийском море и землях по его берегам для обеспечения безопасности границ Российской империи и развития торговли с восточными странами». Рецензент подчеркнул при этом мысль редактора о том, что эти известия «необходимо рассматривать как важную часть жизни и дел этого великого монарха, ибо они описывают попытки, предпринятые им для овладения восточным берегом Каспийского моря и для включения в состав империи знаменитого песошного золота реки Аму-Дарьи. Они интересны также описанием похода монарха в персидские провинции, лежащие на побережье Каспийского моря». «Многое, что ранее было сокрыто, — замечал рецензент, — разъясняется в этих записках, притом сообщается много интересного и о лежащих у Каспийского моря персидских землях и особенно нефтяных источниках в районе Баку»⁴⁰.

«Что касается природы Украины, — восклицал по поводу сочинения Юнкера Шлецер, — то это одна из лучших и счастливейших стран на земном шаре... Удивительно, что в этой стране растет виноград⁴¹, это для нас, немцев, так неожиданно. Кто бы мог подумать о винограде в холодной России!»⁴². Вызывает удивление рецензента и украинская фауна, в частности наличие в украинских степях сайгаков и других редких животных. Шлецера как историка привлекает также рас-

³⁹ Allgemeine Deutsche Bibliothek. 1768 Bd. 8. S. 157—158

⁴⁰ Göttingische gelehrte Anzeigen. 1763. S. 295.

⁴¹ Это обстоятельство Шлецер подметил, очевидно, в пику статье Л де Жокура «Россия» в 14-м томе Энциклопедии Дидро (1765), где климат России характеризовался как «холодный» и говорилось о том, что в ней большую часть года царят снега и льды, урожай плохие, «виноград там не растет, но много льна» (История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера С 179).

⁴² Allgemeine Deutsche Bibliothek. Bd. 8 S. 161—162, 164.

сказ Юнкера о кладах древних греческих и римских монет на украинской земле.

В 1777—1779 гг. в Оффенбахе-на-Майне в издательстве Ульриха Вейса было осуществлено переиздание академического журнала⁴³. По мнению К. Грау, к переизданию имел отношение Иоганн Христиан Мерк, немецкий поэт, друг И. Г. Гердера, интересовавшийся Россией и посетивший ее в 1773 г., автор смелой антикрепостнической работы⁴⁴.

Не случайно именно антикрепостнической статьей, помещенной ранее в 9-м томе журнала, открывался теперь первый том сокращенного «Собрания». В новую публикацию, составленную из пяти томов, вошли лучшие, с точки зрения составителя, статьи первого издания. Из источников по истории России в ней были представлены повторно «Повесть временных лет», естественнонаучное описание Украины Юнкера, извлечение из дневника Соймонова и известия о Лифляндии. Русская история нашла свое отражение в трех работах Миллера: «Жизнь Александра Невского», «Опыт новейшей истории...» и «Краткое известие о начале Новгорода». Из работ Миллера на сибирскую тему удостоились переиздания все 10 глав «Истории Сибири», статья «О странах, при реке Амуре лежащих» и «Известие о морских плаваниях россиян...».

Открывая новое издание «Собрания» Миллера, Мерк выражал надежду на полное одобрение его читателем: «Каждый историк или даже просто любознательный читатель найдет в содержащихся в нем материалах столько полезного для себя, что быстро поймет, почему на протяжении последних двадцати лет, которые прошли со времени появления этих прекрасных материалов, собрание г. коллежского советника в Москве, посвященное многочисленным народам, завоевало у всех иностранцев, занимающихся историей и географией, такую огромную заслуженную славу»⁴⁵.

⁴³ Sammlung Russischer Geschichte des Herrn Collegienraths Müllers in Moscau In einer mehr natürlichen Ordnung vorgetragen als in der ersten Herausgabe geschehen konnte Offenbach am Main, gedruckt und verlegt von Ulrich Weis, 1777—1779. Bd. 1—5.

⁴⁴ Grau C. Zur Ideologiegeschichte in Russland und zu den deutschrussische Beziehungen in der Sechziger/siebziger Jahren des 18 Jahrhunderts S 83—98

⁴⁵ Sammlung Russischer Geschichte. 1777. Bd. 1. S. III—IV

Мерк отмечал также, что он придерживался в своей работе принципа, положенного в основу издания сочинений самим Миллером, и не правил в «Собрании» даже устаревший местами стиль. «Править и приукрашивать источники, — замечал он, — означает у историка то же, что у художника украсить голову Цицерона алонгским париком»⁴⁶.

Переиздание «Собрания», осуществленное в условиях, когда действовал строжайший запрет на переиздание в Германии трудов петербургских академиков, как нельзя лучше свидетельствует об огромной популярности петербургского журнала. А. Ф. Бюшинг, откликнувшийся на него рецензией в своих «Еженедельных известиях», прямо подчеркивал подпольный характер издания. «Очевидно, в экземпляре оригинала «Собрания», которым обладает издатель, — шутливо писал Бюшинг, — отсутствуют помещенные в конце первого тома указы римского императора Карла VI и короля и курфюрста Фридриха Августа от 1735 г., запрещающие переиздание книг Петербургской Академии наук». Бюшинг обратил внимание и на то обстоятельство, что издатель не был профессиональным историком. Он не исправил ошибки Миллера с Феодосием, хотя «теперь уже известно всему ученому миру, что автором древней русской летописи... был Нестор»⁴⁷. Бюшинг подметил также недостаточное знание издателем «русской темы». Миллер, бывший с 1775 г. статским советником, все еще фигурировал у Мерка как коллежский советник. Все же Бюшинг признавал, что издателю удалось извлечь из «Собрания» Миллера все самое важное. Новое издание продавалось по цене, в три раза дешевле прежней: три первых тома стоили 2 талера, все пять томов — 1 гульден, чем снимались приведенные выше жалобы Шлецера на дороговизну..

Известна также попытка продолжения столь удачного начинания Миллера, которую предприняли в 1816 г. ученые Дерптского университета Густав Эверс и Моритц Энгельгардт. Они издали в Петербурге, Лейпциге и

⁴⁶ Ibid S V—VI .

⁴⁷ Wöchentliche Nachrichten 1778. Bd. 6 S 307—308.

Берлине две части 10-го тома «Собрания»⁴⁸, заявив о своем намерении наследовать дело Г. Ф. Миллера и послужить совершенствованию знания России и ее истории. В них в переводе Эверса были опубликованы «Русская правда» (с издания Московской синодальной типографии 1799 г.), торговый договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с г. Ригой и купцами Готланда 1228 г., Судебник Ивана Грозного (с примечаниями В. Н. Татищева по второму изданию 1786 г., повторившему публикацию Миллера), два письма Г. В. Лейбница Петру I и другие источники. Из оригинальных статей можно отметить исследование Густава Энгельгардта «Известие о поселениях немцев и других иностранцев в Южной России».

Издание, осуществленное на средства составителей, не было, однако, продолжено. Вероятно, сказались сложности, связанные с огромным объемом работы по переводу на немецкий язык сложнейших русских источников.

Журнал Миллера широко использовался в научных целях во второй половине XVIII в. и немало способствовал тому, что занятия русской историей и географией стали обычными в это время в Германии. С конца 60-х гг. в ней выходят разнообразные труды, подтверждающие такой вывод. В 1765 г. Иоганн Саломон Землер, издатель немецкого перевода 29-й части «Всеобщей истории», труда, который был создан английскими учеными и посвящался главным образом истории России, обратил внимание на недостаточность источниковой базы этого труда. Во введении к нему он указал на необходимость использования «русской летописи», из которой «заслуженный профессор Миллер первым сообщил миру полное извлечение», дополненное известиями «византийских писателей». Землер привел характеристику содержания «знаменитого Миллерова «Собрания русской истории», которое не только расширяет представление об очень многих вещах, но дает возможность оценить «ученые усилия» автора и составить верное представление

⁴⁸ Sammlung Russischer Geschichte Des Zehnten Bandes Erstes Stück Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte Herausgegeben von Gustav Evers und Moritz von Engelgardt. Dörpat, 1816

о статьях по истории России, созданных английскими авторами ⁴⁹.

После выхода академического «Собрания» иной вид приобрел очерк о России в труде видного немецкого историка, статистика и географа Готфрида Ахенваль «Государственное устройство современных главных европейских государств и народов», пятое издание которого увидело свет в 1768 г. ⁵⁰ В нем появился добротный, верный в деталях исторический экскурс, заметно обогатилось географическое описание Российской империи, в котором уже часто упоминались имена Шобера, Гербера, Юнкера, Соймонова, «замечательные» труды Миллера по истории плаваний, о сибирской торговле и о торговле с Китаем. Ахенваль указал также на оставшиеся неизвестными русской и советской литературе статьи Миллера о русско-турецкой и русско-персидской торговле, опубликованные в 1760 г. в «Ганноверском полезном собрании» («Hannoversche nützliche Sammlungen»).

С изучения «Собрания» Миллера начинал свою деятельность на поприще русской истории А. Л. Шлецер. «Когда я обратился к русской истории,— писал он, — и стал искать известия, материалы и прочие данные о ней, я не нашел ничего, кроме 9 томов «Sammlung Russischer Geschichte»; это был почти единственный и бесценный труд, который я мог использовать и который действительно сослужил мне огромную службу...» ⁵¹ Шлецер утверждал также, что собирать материалы по русской истории он научился в Петербургской Академии наук в России, которая является, как он считал, «последней страной в Европе по заботам о культуре своей отечественной истории, но первой, которая обрабатывает эту историю с самого начала с помощью критики, системы и плана» ⁵².

⁴⁹ Übersetzung der allgemeinen Welthistorie, die in England durch eine Gesellschaft von Gelehrten ausgefertigt worden. 29 Theil Unter der Aufsicht und mit einer Vorrede herausgegeben von Johann Salomon Semler Halle, 1765.

⁵⁰ Staatverfassung der heutigen vornehmsten Europäischen Reiche und Völker im Grundrisse von Gottfried Achenwall. Funfte verbesserte Ausgabe Gottingen, 1768 S. 417—480

⁵¹ M. Johann Joseph Haigolds Beilagen zum Neuverändertes Russland. Erster Theil. Riga; Mitau, 1769. Vorrede.

⁵² Göttingische gelehrte Anzeigen. 1768. S. 703.

Позднее, в своей автобиографии, Шлецер признавался даже, что именно «Собрание» Миллера вдохновило его к занятиям русской историей. Благодаря ему он привез в Россию «высокое понятие о русских летописях», от которых на Западе ожидали «чрезвычайного расширения всей истории Севера». Шлецер первым указал на то, что ошибка Миллера с Феодосием вскоре стала всеобщей. «Напрасно в целом ряде своих трудов он старался потом убедить читателей, что Феодосия надо звать Нестором,— писал Шлецер. — Во всех исторических статьях, во всех синхронистических таблицах, во всех учебниках по истории писали: «Аббата Феодосия Хроника Киевская». Более того, Миллера даже критиковали за то, что он называет Феодосия Нестором⁵³. Отмечая заслуги Миллера в разработке истории древнего русского летописания, Шлецер полагал, что «знаменитый ученый» исправил в своей статье о Несторе несколько важных ошибок, допущенных Татищевым, и «обогастил известия последнего некоторыми дополнениями». Эту статью из «Ежемесячных сочинений» Шлецер перевел для себя в марте 1762 г. и пользовался ею впоследствии при написании «Опыта изучения русских летописей» и при работе над предисловием к «Барковскому Нестору»⁵⁴. Критикуя Миллера за ошибки в его публикации Кенигсбергской летописи, Шлецер глубоко сожалел о том, что с таким успехом начатая ученым в 30-е гг. разработка древней русской истории была прервана отъездом в Сибирь, по возвращении из которой у него появились другие интересы⁵⁵.

Шлецер воспринял утверждение Миллера о необходимости изучения истории России как многонационального государства, в котором внимания ученого достойны не только русские, но и другие многочисленные народы. «Они члены одного государственного организма и, следовательно, имеют равное право на место в российской истории». Полемизируя с Вольтером, отрицавшим право «диких», «неписьменных» народов на свою историю,

⁵³ Probe russischen Annalen von August Lüdwig Schlözer Bremen und Göttingen, 1768. S. 16—17.

⁵⁴ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера... С 62

⁵⁵ См. Probe russischen Annalen. S. 147; Schlözer A. L. Allgemeine nordische Geschichte. Halle, 1771. S. 224.

Шлецер продолжал: «Верно, что многие из них не имеют летописей: однако кто может серьезно утверждать, что «народы, которые сами не умеют писать, не заслуживают того, чтобы о них писали другие»? «Я не знаю, — замечал он в примечании, — где прочел я это положение — в Вольтеровой «Истории Петра Великого» или в монастырской летописи XII века. По крайней мере, оно в совершенстве отразило варварство средневековья»⁵⁶. Шлецер широко использовал материалы Миллера, разрабатывая свою языковую классификацию народов России и свою периодизацию русской истории⁵⁷. В «Опыте изучения русских летописей» им была полностью воспроизведена классификация русских письменных источников, данная в 1761 г. Миллером⁵⁸. Шлецер не устал подчеркивать в своих трудах «надежность», «достоверность» введенных в научный оборот материалов Миллера. Критикуя книгу И. Г. Цопфа «Новейшая география всех четырех частей света»⁵⁹, в которой широко использовались известия о России Миллера и Бюшинга, но не менее широко — Перри и Страленберга, он писал о ней как о «редком смешении правды и лжи»⁶⁰.

С конца 60-х — начала 70-х гг. XVIII в. в Германии начинается активное обсуждение вопроса о древней прародине славян, чему в немалой степени способствовала публикация Кенигсбергской летописи в «Собрании». Вслед за Шлецером, выводившим древних славян из восточной части Германии (от истока Эльбы до Вейхзеля и Адриатического моря), к начавшейся дискуссии подключился профессор университета Галле Иоганн Тунман. Первый его труд, в котором он широко оперировал петербургским «Собранием», «Исследование о древней истории некоторых северных народов», был представлен читателям А. Ф. Бюшингом. Последний высоко ценил в Тунмане, слишком рано ушедшем из жизни, «точное знание источников древней истории разных европейских народов, остроумие и объективность, стремление к истине, большие и редкие знания языков», в том числе и

⁵⁶ Probe russischen Annalen. S. 97.

⁵⁷ Allgemeine nordische Geschichte S. 303—306.

⁵⁸ Probe russischen Annalen. S. 162.

⁵⁹ Zopf I. H. Neueste Geographie nach allen vier Theilen der Welt. Leipzig, 1763 Zweiter Theil. S. 211—251

⁶⁰ Probe russischen Annalen. S. 156.

русского⁶¹. В острой полемике со Шлецером Тунман убедительно развивал свою точку зрения, в соответствии с которой первоначальным местом обитания славян и венедов считал территорию юго-западной России, Литвы и большей части Польши и Пруссии. Тунман считал, что публикация Миллера, несмотря на отдельные ошибки, в целом верно воспроизвела Кенигсбергскую летопись, и отдавал ей предпочтение перед изданием 1767 г., которое вслед за Шлецером признавал непригодным для исследования из-за неразумной смелости правщиков⁶².

В начале 70-х гг. в дискуссию вступил И. К. Гаттерер, по инициативе которого в журнале Института исторических наук Геттингена в 1768 г. была опубликована в латинском варианте речь-диссертация Миллера «Происхождение народа и имени Российского»⁶³. Она была прислана из Петербурга Шлецером в ответ на просьбу Гаттерера об извлечениях из нее. Публикация снимала многочисленные упреки в адрес русского правительства, которые, как говорилось в сопроводительном письме Шлецера, раздавались в «целом ряде немецких, французских и английских книг», в наложении запрета на изучение древней русской истории⁶⁴.

«Неужели у Вас там, — писал из Петербурга Шлецер, — действительно верят в то... что мы здесь настолько варвары, чтобы из нашей древней истории делать имперскую тайну и рассматривать филологические разыскания о происхождении нашей нации как государственное преступление?» Подчеркнув тот факт, что Гаттереру послана точная копия работы Миллера, Шлецер восклицал: «Достаточно уже это сочинение пользовалось всеми преимуществами, которые обычно имеют гонимые сочинения. Пришло время, чтобы мир его прочел и будущие историки были гарантированы от подозрения, как будто они черпают из тайного источника. Велите ее, наконец, напечатать! Осушите этим слезы, которые публика уже 18 лет льет об этой потере: и покажите миру, что в

⁶¹ Thunmann Johann. Untersuchungen über die alte Geschichte einiger nordischen Völker. Berlin, 1772. S. III—IV.

⁶² Thunmann Johann. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Leipzig, 1774. Erster Theil. S. 404—405.

⁶³ Allgemeine Historische Bibliothek 1768. Bd 5. S. 280—340.

⁶⁴ Ibid. S. 281

век Екатерины II в Петербурге царит такая же свобода мысли и письма, как в Берлине, Геттингене и Лондоне»⁶⁵.

Шлецер справедливо полагал при этом, что тема, развитая в речи-диссертации, не должна была стать предметом торжественной речи для двора, хотя до этого свободно обсуждалась в работе Байера в Академических «Комментариях». Он первым связал судьбу диссертации Миллера с политической ситуацией, с тем, что вывод о скандинавском происхождении Рюрика лил тогда воду на мельницу реваншистских настроений в Швеции, жаждавшей реванша за два крупных поражения в XVIII столетии от России. Выразителем шовинистических настроений Шлецер считал шведского историка Олафа Далина⁶⁶, провозгласившего в 1747 г. тезис о том, что «если Россия получила своих первых правителей из Швеции, значит она была тогда ее придатком, находилась и позднее под властью упсальских князей и лишь случайным образом вышла-таки из-под их господства»⁶⁷.

Гаттерера, который изучал русские летописи при помощи одного из видных русских филологов Дмитрия Семенова⁶⁸, уже не удовлетворила миллеровская публикация летописи, хотя в отношении всего «Собрания» в целом он поддерживал лестные оценки немецкой критики. В переводе Д. Семенова он сам издал отрывки из Кенигсбергской летописи в качестве приложения к главе о происхождении и миграциях славян своего знаменитого труда «Введение в синхронную всеобщую историю»⁶⁹. Гаттерер первым поселил древних славян в «Сарматии», по всему северному побережью Черного и Азовского морей.

Собрание Миллера стало одним из основных источников трудов по русской истории Христофа Шмидта-Фисельдека. Получивший образование в Геттингенском университете, бывший воспитатель детей фельдмаршала Б. К. Миниха, с семьей которого он жил

⁶⁵ Ibid S 280—281.

⁶⁶ См.: Олафа Далина История шведского государства. СПб, 1805 Ч. I. Кн. I. С 137, 449—450.

⁶⁷ Allgemeine Historische Bibliothek. 1768. Bd. 5. S. 282

⁶⁸ Berkow P. N. Deutsch-russische kulturelle Beziehungen im 18. Jahrhundert // Wissenschaftliche Annalen. 1957. № 10. S. 698.

в Вологде, Шмидт-Фисельдек получил затем докторскую степень в Геттингене, был профессором в Гельмштедте (Брауншвейг). В 1773—1774 гг. он опубликовал в известном рижском издательстве Иоганна Фридриха Гарткноха двухтомный труд «Опыт нового введения в русскую историю»⁷⁰. Это был, очевидно, первый за рубежом полный и систематизированный труд по истории России, охвативший события с IX в. до кончины Петра I. Продолжением его стали «Материалы к российской истории о смерти Петра Великого» в двух томах, доведенные до начала царствования Елизаветы Петровны⁷¹.

Шмидт-Фисельдек широко использовал труды русских ученых И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, М. В. Ломоносова, П. И. Рычкова, П. С. Палласа, Э. Лаксмана и др., но главными источниками для него были публикации Миллера, Шлецера и Бюшинга. В предисловии к «Опыту нового введения в русскую историю» он, признавая заслуги петербургского журнала, утверждал даже, что «о России стало возможно интенсивно писать лишь с 1762 г., когда стали известны лучшие материалы нескольких томов «Sammlung Russischer Geschichte», этого в высшей степени ценнейшего, незаменимого для русской истории издания»⁷². Воздействие «Собрания» обнаруживается в самых разных частях его труда: при характеристике великих князей «Рюрикова дома», при написании очерка «Россия под гнетом», при оценке деяний Ивана III, Ивана IV, Бориса Годунова. Он предпочел историю Лжедмитрия, созданную Миллером, всем другим сочинениям о самозванце, поскольку она представлялась ему «самой надежной». Вслед за Миллером он изобразил Лжедмитрия как ставленника Рима и Польши, для которых он хотел ввести «римско-католическую веру и передать полякам обширные провинции»⁷³. Весьма показательна и общая оценка Петер-

⁶⁹ Gatterer I. Ch. Einleitung in die synchronistische Universalhistorie Göttingen, 1771 S. 979—1000.

⁷⁰ D Christoph Schmidt, genannt Phiseldék Versuch einer neuen Einleitung in die russische Geschichte. Nach bewährten Schriftstellern Riga, 1773—1774. Bd. 1—2.

⁷¹ Materialien zu der russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen. Riga, 1777—1784. Bd. 1—2.

⁷² D Christoph Schmidt, genannt Phiseldék Versuch einer neuen Einleitung in die russische Geschichte. Bd. 1. S. IV.

⁷³ Ibid. S. 270—277.

бургской Академии наук, создание которой Шмидт-Финсельдек относил к заслугам Петра I и о которой писал, что она «может оспаривать ранг одной из самых знаменитых Академий Европы»⁷⁴.

Высоко ценил академический исторический журнал Л. Эйлер. В одном из своих писем к Миллеру из Берлина в 1760 г он сообщал: «Получил я Ваше «*Sammlung Russischer Geschichte*», которое прочел с большим удовольствием, особенно меня порадовали надежные известия о камчатской экспедиции, после того как о ней было распространено так много неправды...» Позднее, в 1765 г., он просил Миллера прислать ему в Берлин вместе с несколькими томами «Комментариев» все изданное им по истории России и Сибири⁷⁵. Сын Л. Эйлера, Иоганн, автор некролога о Миллере, отмечал в 1787 г., что «Миллер был первым, кто указал настоящие источники русской истории. Издавая их в «Собрании Российской истории» и «Ежемесячных сочинениях», он заслужил признательность не только иностранных, но и местных историков»⁷⁶.

Великий немецкий демократ И. Г. Гердер называл «Собрание» Миллера вместе с трудами Шлецера «теми записными книгами», которые он изучал, «чтобы найти данные о действительной культуре народа, особенно России»⁷⁷. Труды Миллера, Шлецера, Бюшинга, Бакмейстера и других знатоков России были в библиотеке Гердера, литературу для которой поставлял хорошо известный ему рижский издатель И. Ф. Гарткнох⁷⁸. Уже в «Дневнике моего путешествия в 1769 г.» Гердер мечтал о плане реформ для России, которая представлялась ему благодатной почвой для развития и воплощения его философских и педагогических идей⁷⁹. Вместе с другими

⁷⁴ Ibid Bd 2 S 344

⁷⁵ Леонард Эйлер Переписка Аннотированный указатель Л, 1967 С 159, 211

⁷⁶ Андреев А. И Труды Г. Ф. Миллера о Сибири С 119

⁷⁷ Gerder I G Sämtliche Werke Berlin, 1878 Bd 4 S 501—502

⁷⁸ Ziegenggeist G, Grasshoff H, Lehmann U Herder und die slawische Völker: Rezeption und Wirkungspotenz // Iohann Gottfried Herder. Berlin, 1978. S 3—11.

⁷⁹ См: Жирмунская Н. А Историко-Философская концепция И. Г. Гердера и историзм Просвещения // Проблема историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в С 93—94

славянскими странами она должна была обновить выродившуюся современную цивилизацию, влить новые силы и стимулы в мировую историю. В своем проекте «О подлинной культуре народа и особенно России» Гердер писал, что Украина должна была стать «новой Грецией»: «Прекрасное небо этого народа, его веселый нрав, его музыкальная культура, его плодородная земля и пр. проснутся однажды: из таких небольших, прежде диких народов, какими были когда-то и греки, возникнет цивилизованная нация»⁸⁰.

Под влиянием трудов «русского Просвещения», как отмечал У. Леман, формировались антиабсолютистские и демократические воззрения Гердера⁸¹. «Русские материалы» способствовали развитию идеи национального и исторического своеобразия культуры отдельных народов, идеи органического, прогрессивного развития человеческого общества и в конечном счете идеи единства исторического процесса.

Следствием издательской деятельности Миллера, по мысли Лемана, стало то, что «недостаточное знание исторического развития русского народа и государства стало рассматриваться прогрессивными просветительскими кругами немецкого бюргерства как пробел в образовании. Миллер успешно боролся с ним тем, что изображал русскую историю в совокупности с историческим развитием большинства соседних с Россией народов. Тем самым он был в состоянии уяснить связи, которые отсутствовали в предшествовавших исследованиях»⁸². На основе трудов Миллера формировались представления о России Шиллера. Работая над «Деметриусом», он черпал свои представления о нем «из первых рук»⁸³.

Первая попытка обобщения биографических данных об ученом предпринята членом Берлинской Академии наук Иоганном Бернулли, совершившим в 1777—1778 гг. поездку по России. Его «Путешествие»⁸⁴ принадлежит

⁸⁰ Ziegengeist G., Grasshoff, Lehmann U. Op cit. S 7

⁸¹ Grasshoff H., Lauch A, Lehmann U Op. cit. S 206

⁸² Ibid S. 195.

⁸³ Ibid S 210—214.

⁸⁴ Iohann Bernullis Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Kurland, Russland und Polen in den Jahren 1777 und 1778. Leipzig, 1780. Bd. 4—5.

к интереснейшим памятникам истории немецко-русских научных связей XVIII в.⁸⁵ Описание Санкт-Петербурга, сделанное Миллером в географическом словаре Ф. Полунина, он называет самым лучшим из всех имеющихся описаний, а все «Собрание» Миллера — «бесценным трудом»⁸⁶.

Слава знаменитого академического журнала из Петербурга перешагнула в 70-е гг. XVIII в. границы Германии. Материалы его послужили источником для трудов о России финских, английских, французских авторов. Можно назвать университетский курс по русской истории финского историка Х. Г. Портана, прочитанный в 1776—1778 гг. в университете Або, изданный в 1982 г. Институтом Истории СССР АН СССР⁸⁷. Портан отлично знает труды немецких историков, уже упомянутых выше Тунмана, Шлецера, Бюшинга, Шмидта-Фисельдека, но не менее хорошо знает он первоисточники, труды русских ученых, в первую очередь «Собрание Российской истории». Он повторяет вслед за Шлецером классификацию русских письменных источников, приведенную Миллером в «Собрании», отсюда же заимствует пространный рассказ об Александре Невском, о патриархе Никоне, о начале новой русской истории. В рецензии «Геттингенских ученых ведомостей» прозвучала в курсе Портана характеристика «Ежемесячных сочинений» Миллера как содержащих многочисленные материалы, «проливающие свет на русскую историю»⁸⁸.

Только сложившейся в нашей литературе традицией и неразработанностью проблемы можно объяснить некоторые явно предвзятые суждения автора вступительной статьи и комментариев к курсу Портана Г. А. Некрасова. Он считает, к примеру, что Портан «не разделял мнений Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера, стоявших на пози-

⁸⁵ Ramspott U. Johann Bernoullis «Reisen durch Brandenburg Ein Beitrag zur Erforschung der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen im 18. Jahrhundert // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1970. Bd 4. S. 439—454

⁸⁶ Johann Bernoullis Reisen .. Bd. 4. S. 15—16.

⁸⁷ Портан Х. Г. Основные черты русской истории Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII в./Пер. со шведского Е. А. Мельниковой Вступительная статья и общая редакция Г. А. Некрасова М., 1982. 124 с

⁸⁸ Там же С. 3.

циях западноевропейских ученых того времени, которые признавали одни народы «историческими», а другие — «неисторическими». Портан же, в отличие от них, призывал к изучению истории всех народов⁸⁹. В свете всего сказанного о Миллере вряд ли можно согласиться с таким утверждением. Вызывает возражение и замечание о том, что Портан, якобы используя труды Г. Ф. Миллера и А. Л. Шлецера, «не сделался ярым норманистом». Он не мог им сделаться уже потому, что Миллер в «Собрании», которое использовал Портан, и сам не был норманистом, тем более «ярым». К тому же неясно, что включает в себя понятие «ярый норманист»? Что касается Шлецера, то обвинения его в таком норманизме давно уже сняты в нашей литературе⁹⁰. Портан же, как и большинство западноевропейских авторов второй половины XVIII в., писавших о варягах, считал, что они были шведы, и отнюдь не одобрял позиции петербургских академиков, которые, как он писал, «стремились полностью отрицать даже то, что следует считать бесспорным»⁹¹. Ясно, что здесь был намек не только на М. В. Ломоносова, труды которого Портан упрекал в отсутствии «должной критики», но и на Миллера, отказавшегося от идеи скандинавского происхождения варягов.

Благодаря видному географу, историку и путешественнику Вильяму Коксу (1747—1828) имя и труды Миллера приобрели широкую известность в Англии. Его книга, явившаяся результатом поездки в Россию в 1778 г., включала в себя не только путевые впечатления путешественника, но и интересные исторические экскурсы и политические оценки России конца 70-х гг. XVIII в.⁹² Книга вышла в 1784 г. и за оставшиеся 16 лет столетия выдержала 6 изданий на английском языке, была переведена на немецкий, французский, голландский, швед-

⁸⁹ Там же С 14.

⁹⁰ См. Валк С. Н. Август Людвиг Шлецер и Василий Никитич Татищев//XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 190—199, Черепнин Л. В. А. Л. Шлецер и его место в развитии исторических наук // Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966. С. 183—219, Вебер Б. К. Указ. соч. С. 20.

⁹¹ Портан Х. Г. Указ. соч. С. 37.

⁹² Coxe W. Reise durch Polen, Russland, Schweden und Dänemark Mit historischen Nachrichten und politischen Bemerkungen begleitet. Aus dem englischen von I. Pezzi. Zürich, 1785. Bd. 1. Vorrede

ский и итальянский языки, печаталась в извлечениях и разного рода переделках. Популярность ее объяснялась передовыми взглядами автора и огромными достоинствами сочинения, которые «по обширности и разнообразию суждений о России, ее государственном строе, о расстановке ее общественных сил, ее науке и культуре, литературе и искусстве» «выделялось среди других сочинений этого рода, представляло собой незаурядное явление и сохраняло свое значение долгое время»⁹³. В этом отношении с книгой Кокса, на наш взгляд, могло соперничать лишь «Путешествие» И. Бернулли. Но у книги Кокса было преимущество перед последним — наличие обстоятельных экскурсов в историю России. Их появлению способствовала широкая источниковая база сочинения, отличное знание трудов русских ученых, писателей, знатоков России в Германии. Это обстоятельство было подмечено уже Бюшингом, который в своей рецензии на немецкое издание книги Кокса в 1785 г. писал: «Я не мог и подумать, когда брался за чтение, что книга так хороша. Автор ее выгодно отличается от своих соотечественников тем, что когда пишет о странах, по которым путешествовал, то берется за их книги, читает, анализирует их, поэтому ему есть что сказать»⁹⁴.

Одним из главных источников было для Кокса «Собрание» Миллера, которое он относил к «самым превосходным» его трудам. Кокс подчеркивал также в предисловии к книге, что многие известия о некоторых важных событиях русской истории были сообщены ему «знаменитым историком» в личных беседах. При посредничестве Миллера Кокс познакомился с лучшими писателями России того времени⁹⁵.

Кокс посетил дом Миллера в Москве и руководимый им архив в «Китай-городе» и оставил в своем труде описание того впечатления, которое произвели на него эти посещения. Личная коллекция рукописей и документов Миллера, относящихся к истории России, не имела, по словам Кокса, цены. «Все они, — рассказывал Кокс, — в величайшем порядке разложены по отдельным томам, и каждый том обозначен именем отдельной персоны: на-

⁹³ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) М., 1982 С 131—132

⁹⁴ Wöchentliche Nachrichten 1785 Bd 13 S 82—85

⁹⁵ Coxe W. Op cit. Vorrede

пример, Петр Великий, Екатерина I, Меншиков, Остерман и т. д. Я насчитал почти 400 фолиантов этих рукописей»⁹⁶. Кокс подчеркивал «чрезвычайную важность» академического журнала как «собрания учености и литературы о древностях, истории, географии и современной действительности России и некоторых соседних с нею стран» и привел полный перечень его материалов в приложении. Он отметил также ценность других работ Миллера, не вошедших в «Собрание», которые были написаны как на немецком, так и на русском языке и «осветили различные моменты русской истории»⁹⁷. Поразила его незаурядная память ученого. «Точное знание даже самых мелких деталей русских летописей», — писал он, — превосходит почти все вероятные пределы».

«Честной» и «проницательной» была названа Коксом позиция Миллера при изображении «смутного» времени. Обобщив имевшие место важные события «неспокойного» для России века, связав друг с другом все противоречивые известия разных писателей, Миллер, считал он, полностью встал на позицию русской стороны, что не мешало ему, однако, привести и свидетельства ее противников, причем столь полно, сколько только «можно было ожидать от историка, писавшего это в России»⁹⁸.

По миллеровским материалам были написаны Коксом также главы о Новгороде, о русских летописях, о торговле России с западными странами, с Персией, о запорожских казаках и др. За Миллером последовал он в своих рассказах о жизни Никона и Феофана Прокоповича. Что касается последнего сюжета, то Кокс заявил о своем полном доверии Миллеру и подверг сомнению некоторые известия французского историка Н. Г. Леклерка, в частности о согласии Прокоповича на введение протестантской религии в России и о влиянии его в этом плане на Петра I, которому только смерть мешала осуществить задуманное⁹⁹.

Книга Кокса, получившая широкое распространение и признание во всем мире, была известна и в России, хотя русские переводы из нее появились лишь в начале

⁹⁶ Ibid Bd 1 S. 203.

⁹⁷ Ibid S. 202.

⁹⁸ Ibid S. 288.

⁹⁹ Ibid Bd. 2. S. 132.

XX в.¹⁰⁰ После революции во Франции, процесса над Радищевым она, проникнутая резко отрицательным отношением автора к крепостничеству, к феодальным порядкам в России, попала в число «строго запрещенных» книг¹⁰¹.

Не прошли мимо «Собрания» Миллера и французские авторы, писавшие во второй половине XVIII в. о России. К самым серьезным из них принадлежит П. Ш. Левек, автор известного труда «История России»¹⁰². Не без влияния русской историографии история России была включена в нем в контекст мировой истории, обнаружилось стремление автора показать Древнюю Русь как государство, развившееся самостоятельно, но несколько не отстававшее в своем развитии от европейских стран: «Взгляды всей Европы устремлены на Россию, ее варварство долгое время преувеличивали, тем более изумляются ее достижениям»¹⁰³.

В широком освещении Левеком новгородской темы, в признании им свободы Новгорода как явления закономерного, служившего основой его могущества, в идеализированном представлении его о роли веча, на котором господствовал простой люд и каждый гражданин имел право голоса, — в этих качествах исследования, отмеченных советским историком¹⁰⁴, мы видим явное влияние миллеровской концепции истории Великого Новгорода. Поэтому вряд ли правомерно выводить взгляды Радищева об общественном строе Новгорода, а вслед за ним и отношение к республиканской вольности декабристов «от французов»¹⁰⁵, а не от прогрессивной отечественной историографии XVIII в.

Академическое «Собрание» послужило образцом для подобных изданий, которые появились в конце 60-х —

¹⁰⁰ См.: По России и Польше в исходе XVIII в. // Русская старина. 1907. Кн. 10. Октябрь. С. 182—185, 194—202

¹⁰¹ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи. С. 132.

¹⁰² Шанский Д. Н. Некоторые вопросы истории России в трудах французских ученых II половины XVIII в. // Вестн. МГУ. 1981 № 6. История. С. 51—54

¹⁰³ Levesque P. Ch Histoire de Russie. Verdun, 1782. Т. 1. р. XXXIII

¹⁰⁴ См.: Шанский Д. Н. Указ. соч. С. 58—59

¹⁰⁵ Там же. С. 59.

начале 70-х гг. XVIII в. Первым взялся за продолжение дела Миллера А. Л. Шлецер. Еще в 1765 г., находясь в отпуске в Германии, в одном из рапортов в Академию наук он, обеспокоенный дальнейшей судьбой журнала, предлагал свою помощь в его продолжении. Он намеревался взять на себя сбор и пересылку материалов, касавшихся русской истории, которые можно было обнаружить в Германии¹⁰⁶. Позднес, в письме из Петербурга Миллеру, ставшему директором архива в Москве, он писал, что если журнал будет продолжен им, на что выражали надежду и «Геттингенские ученые ведомости»¹⁰⁷, то Шлецер возьмет на себя «не только корректуру и заботы о печатании», но и доставку в журнал различных статей¹⁰⁸.

Еще до отъезда из России Шлецер подготовил к печати первую часть сборника материалов, который увидел свет в издательстве И. Ф. Гарткноха в Риге в 1767 г. под названием «Вновь преобразенная Россия, или Жизнь Екатерины II, императрицы России»¹⁰⁹. Название символизировало преемственность по отношению к труду Ф. Х. Вебера «Преобразенная Россия», который вышел в 1721 г. и был на протяжении первой половины XVIII в. настольной книгой для всех, кто хотел познаться с преобразованиями Петра I. Шлецер издал свои материалы под псевдонимом И. И. Гайгольда, заимствованным им от фамильного имени деда с материнской стороны, который сразу был раскрыт научной общественностью Германии. В предисловии к ним он высоким слогом выразил свои надежды на просвещенный абсолютизм Екатерины II, на возможность путем благодетельных законов реформировать российское общество. Екатерина II рассматривалась им как достойная продолжательница дела Петра I, а публикация законодательных актов начала ее царствования должна была продемонстрировать действительное состояние Российской империи 60-х гг. «полно и по надежным источникам». В

¹⁰⁶ См.: August Ludwig Schlözer und Russland. S. 20.

¹⁰⁷ Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen. 1766. S. 424

¹⁰⁸ Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера. С. 341—342.

¹⁰⁹ Neuverändertes Russland oder Leben Katharina der Zweiten, Keiserin von Russland. Aus authentischen Nachrichten beschreiben. Riga, Mitau, 1767 Erster Theil.

издание были включены указы о реорганизации Сената и коллегий, об упразднении Тайной канцелярии, о создании Академии художеств в Петербурге, о созыве Уложенной комиссии. Здесь же в переводе Шлецера был опубликован Наказ комиссии Екатерины II.

Органическим продолжением сборника стали двухтомные «Приложения ко «Вновь преобразенной России», изданные под тем же псевдонимом в 1769—1770 гг.¹¹⁰ Оба издания рассматривались Шлецером как «цельное собрание материалов для будущего полного и достоверного государственного описания Российской империи». Помимо целого ряда законодательных актов и распоряжений (Духовного регламента 1721 г., указов Петра I о монастырях 1724 г. и др.), статистических материалов о торговле, данных о русской армии и флоте, о Малороссии, о почтовом деле в России, в «Приложениях» были опубликованы некоторые оригинальные статьи петербургских академиков — Я. Штелина, Ф. Г. Штрубе де Пирмонта, Г. Ф. Миллера. «Приложения» Шлецера представляют интерес для вольтероведов благодаря двум статьям, которые были посланы Вольтеру из России для его «Истории Российской империи в царствование Петра Великого», но которые им не были использованы, а переданы на хранение в публичную библиотеку Женевы. Первая из них под названием «История русской церкви и реформации при Петре Великом»¹¹¹, возможно, принадлежит перу Миллера, который был, как уже установлено С. М. Соловьевым, главным составителем подручных материалов, посылавшихся Вольтеру. С мнением Соловьева не расходится и вывод современных исследователей этой темы¹¹². Вторая безымянная статья, «Реформа судопроизводства Петра Великого»¹¹³, также извлеченная Шлецером из Женевской библиотеки, была опубликована им вместе со

¹¹⁰ M. Iohann Joseph Haigolds Beilagen zum Neuveränderten Russland. Riga; Mitau, 1769 Erster Theil; Riga, Leipzig, 1770. Zweiter Theil.

¹¹¹ Ibid Bd 1 S 2—70

¹¹² См. Кулябко Е. С., Соколова Н. Ф. Источники Вольтеровой «Истории Петра» // Французский ежегодник 1964 М., 1965. С 274—278

¹¹³ M. Iohann Joseph Haigolds Beilagen . Bd. 1. S. 378—394.

статьей Штрубе де Пирмонта «О происхождении и различных изменениях русских законов»¹¹⁴.

Ученые Германии приветствовали эти издания Шлецера как своеобразное продолжение «Собрания Российской истории» Миллера, подчеркивая надежность и достоверность публикуемого материала, который стал широко использоваться в научных исследованиях¹¹⁵. Утрата связей с Россией Шлецером привела к тому, что его сборники материалов и завершились упомянутыми четырьмя томами, хотя он рассчитывал продолжать их многие годы¹¹⁶.

Столь же недолговечной, хотя и заслуживающей всяческого одобрения, стала еще одна попытка своеобразного подражания «Собранию» Миллера, предпринятая Х. Шмидтом-Фисельдеком, профессором государственного права и истории из Брауншвейга. В 1772 г. он издал сборник статей и документов «К познанию государственного устройства России»¹¹⁷. «Российская империя, — писал он в предисловии, — со времен Петра Великого более, нежели какое-либо другое государство, является предметом всеобщего внимания. И все, что может каким-то образом служить к лучшему познанию этого обширного государства, представляет интерес для каждого любителя истории и статистики». Все материалы и статьи, опубликованные Шмидтом-Фисельдеком, были, по его собственному утверждению, получены им из России или написаны на основе русских источников. Кроме законодательной деятельности Екатерины II в отношении торговли, финансов, частного предпринимательства, новое собрание материалов предложило читателям статьи о Вольном экономическом обществе в Петербурге, о развитии горного дела в России, о русских монетах, о природных богатствах российских провинций. Особого упоминания заслуживают две статьи Шмидта-Фисельдека: «Известие, касающееся Академии наук и Академии искусств»¹¹⁸, которое можно рассматривать

¹¹⁴ Ibid S. 327—377.

¹¹⁵ Richter L. Op cit. S. 186—187.

¹¹⁶ August Ludwig Schlözer und Russland. S. 263.

¹¹⁷ Beiträge zur Kenntnis der Staatsverfassung von Russland. Herausgegeben von D. Christoph Schmidt, genannt Phiseldek. Riga, 1772. 216 S

¹¹⁸ Ibid S. 35—41.

как первую попытку дать краткое изложение истории Петербургской Академии наук, и «Дополнения к известию о ландкартах, касающихся Российской империи и соседних с нею стран, опубликованному в 6-м томе «Собрания Российской истории»¹¹⁹. В них подводились итоги картографических работ в отношении России, которые были развернуты в разных странах, прежде всего в Германии, за десять лет, прошедших со времени опубликования Миллеровой статьи.

Самым активным продолжателем дела Миллера по распространению за рубежом научного знания о России стал с конца 60-х гг. А. Ф. Бюшинг, о котором речь впереди.

Подводя итоги анализу содержания и восприятия за пределами России первого исторического журнала Петербургской Академии наук, можно сделать вывод о выдающейся роли, которую он сыграл в повышении авторитета русской науки и культуры в Западной Европе в XVIII в. Эта роль была обеспечена высоким для своего времени уровнем научных публикаций, содержащихся в журнале, новой постановкой задач исторической науки и ее назначения, огромным вниманием к первоисточникам и практическим осуществлением в статьях редактора критического метода их обработки и анализа. Широкое распространение и глубокое уважение, которыми пользовался журнал за пределами России, прежде всего в Германии, его влияние на развитие интереса к истории и географии России, видная роль в постановке ряда важных научных проблем ее историографии несомненны. Они свидетельствуют о том, насколько богатой была в XVIII в. картина немецко-русских научных и культурных связей. Труды Герарда Фридриха Миллера, петербургского академика, немца по происхождению, для которого Россия без преувеличения стала второй родиной, послужили развитию того взаимообмена и взаимообогащения, которое было характерно для национальных культур России и Германии. Этот вывод, сделанный Петером Гофманом в отношении трудов Миллера в области географии, вполне может быть распространен и на его исторические труды.

¹¹⁹ Ibid. S. 194—216.

Восприятие журнала Миллера в Западной Европе приоткрывает одну из славных страниц в истории Петербургской Академии наук, которая до сих пор оставалась в тени. Оно позволяет говорить о том, что И. Г. Гердер, имя которого как исследователя и почитателя России и славян лучше всего известно в советской литературе¹²⁰, означает отнюдь не начало, а продолжение и развитие симпатий прогрессивных немецких мыслителей к славянам, кульминационный пункт интенсивного и разнообразного влияния их духовной жизни на Германию в XVIII в.

¹²⁰ См: Гулыга А. В. Гердер. М., 1975; Он же. Немецкая классическая философия, М., 1986.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РУССКАЯ ТЕМА В ИСТОРИКО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ЖУРНАЛАХ
А. Ф. БЮШИНГА

1. Формирование научного интереса к России

Антон Фридрих Бюшинг родился 27 сентября 1724 г. в местечке Штаттхагене, недалеко от Ганновера, в семье адвоката¹. Отец Бюшинга, талантливый и образованный человек, вел, однако, столь беспорядочный образ жизни, что семья постоянно испытывала недостаток необходимых для жизни средств. Из-за бедности родителей Бюшинг не мог посещать регулярно даже общественную школу своего родного города, поэтому его начальное образование было весьма недостаточным². Однако усердие его в учебе было таково, что на юного Бюшинга обратил внимание и взял к себе штаттхагенский суперинтендант, а в будущем пастор церкви Св. Петра в Копенгагене и добрый покровитель молодого Бюшинга, энциклопедически образованный ученый-теолог Е. Д. Хаубер. «В течение нескольких лет,— писал позднее Бюшинг,— я вместе с двумя другими учениками получал от него знание греческого и других древних языков (Бюшинг готовил себя к карьере богослова, собираясь идти по стопам своего деда, ученого священника Штаттхагена), географии и истории, алгебры, геометрии, астрономии. Хаубер учил своих учеников трезво мыслить, образовывал не только ум, но и сердце». Помощь же отцу, частое, затягивавшееся за полночь переписы-

¹ См.: D. Anton Friedrich Büschings... eigene Lebensgeschichte. Halle 1789. S. 30.

² См.: Lemmerich K. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St. Petersburg. St. Petersburg; Leipzig, 1862. Bd. 2 S. 54.

вание служебных бумаг приучили Бюшинга к постоянному и упорному труду, научили ценить время³

Весной 1743 г. оскорбленный очередной грубой выходкой отца, обнаружившего увлечение 18-летнего юноши пиетизмом, идейным течением, представлявшим собой «специфический немецкий вариант обновления христианства», переносившего центр тяжести религии с обрядности на внутреннюю убежденность, знание текстов, на почве которого выросли многие деятели немецкого Просвещения⁴, Бюшинг оставил родительский дом. При помощи Хаубера, снабдившего его на дорогу деньгами и заручившегося поддержкой влиятельных особ в Ганновере, он отправился в Галле. Здесь, в признанном центре Просвещения Центральной Германии, центре школьного дела⁵, Бюшинг закончил свое образование. В 1743 г. он посещал одно из знаменитых заведений Августа Германа Франке, крупного реформатора немецкой педагогики⁶, латинскую школу сиротского дома, давшую путевку в жизнь многим видным представителям немецкого Просвещения и иностранцам, а в 1744 г. стал студентом университета.

Бюшинг учился страстно, просиживая ночи в личной библиотеке своего любимого учителя, доктора З. Я. Баумгартена, известного пропагандиста и интерпретатора философии, психологии и физики Христиана Вольфа, теолога, известного тем, что он «соединил господствовавший в Галле пиетизм с философией и наукой»⁷. Под руководством Баумгартена были написаны не только первые богословские труды Бюшинга, но и сформировался его интерес к истории. Бюшинг был активным помощником Баумгартена, положившего начало переводу на немецкий язык знаменитого, уже упоминавшегося выше труда английских авторов по всеобщей истории. При этом приходилось подрабатывать на жизнь

³ См.: Schlichtegroll F. Supplement — Band des Necrologs für die Jahre 1790, 91, 92 und 93, rückständige Biographien. Gotha, 1798 S. 62

⁴ Гулыга А. В. Немецкая классическая философия — С. 8

⁵ См.: Mühlpfordt G. Die deutsche Aufklärung und ihr Zentrum Halle-Leipzig S. 370—385.

⁶ См.: Ahrbeck Hans. Über die Erziehungs- und Unterrichtsreform A. H. Franks und ihre Grundlagen // 450 Jahre Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Halle, 1953 Bd. 2. S. 77—93.

⁷ Lemmerich K. Op. cit. Bd. 2. S. 55.

правкой корректуры в университетском издательстве, преподавательской работой. Сначала Бюшинг вел уроки христианского вероучения и чистописания в немецкой школе сиротского дома, а затем в латинской школе, где ранее учился сам, преподавал греческий и древнееврейский языки, а в последний год студенчества — математику и историю. Уже здесь проявились его блестящие педагогические способности, выработались педагогические воззрения, в которых были учтены недостатки как обширной программы Хаубера, так и оставлявшей подчас много темных пятен лаконичности Баумгартена.

Страстность, с которой Бюшинг предавался учебе, науке и преподаванию, вызвали одно время опасения, что его здоровье не выдержит столь напряженного труда, но молодость и воздержание свели на нет печальные последствия научных бдений. В 1747 г. молодой магистр богословия получил приглашение стать преподавателем Галльского университета. Однако недостаток материальных средств заставил его в 1748 г. принять более выгодное предложение датского тайного советника, графа Ф. Р. Линара — стать воспитателем его старшего сына и переехать в Кёстриц.

Это было обычное в XVIII в. поприще начинавших бедных буржуазных ученых, которого не избежали и такие великие мыслители и поэты, как Кант, Гердер, Фихте⁸. Для Бюшинга оно имело, однако, весьма важные последствия. Вместе с Линаром, отправившимся 6 декабря 1749 г. в Петербург улаживать в качестве посланника спорные из-за Шлезвиг-Голштейна дела между Данией, Швецией и Россией и взявшего с собой старшего сына, Бюшинг оказался в России.

Первое его пребывание в ней было недолгим — с января по август 1750 г., но русская столица произвела на него столь благоприятное впечатление, что позднее, как только представилась возможность, Бюшинг вновь отправился в Россию. Здесь он попробовал свои силы в чтении проповедей в некоторых лютеранских церквях, понравился слушателям, что решило затем вопрос о выборе нового священника церкви Св. Петра в его пользу. Здесь же созрела мысль о необходимости создания нового географического труда, был составлен его план,

⁸ См. Mühlpfordt B. Ein deutscher Russlandkenner des 18. Jahrhunderts S. 43

претворением которого в жизнь Бюшинг занялся по возвращении из России. В качестве первого опыта такой работы стало увидевшее свет в Гамбурге в 1752 г. «Краткое описание Шлезвига и Голштинии».

В этом же году Бюшинг с благодарностью оставил дом Линара, чтобы продолжить начатое дело, и отправился в Копенгаген. Там, в доме своего бывшего учителя, доктора Хаубера, он получил возможность заняться географией, используя его библиотеку и собрание ландкарт, пользуясь собраниями других покровителей наук, в том числе богатейшей библиотекой русского посла, бывшего президента Петербургской Академии наук, удаленного из России Бироном, Иоганна Альбрехта Корфа⁹, близкого друга Хаубера. Весьма показательно то, что объединяло Бюшинга с Корфом, которого он любил и уважал и о котором оставил интересные воспоминания в своем жизнеописании. Бюшинг писал, что еще во время обучения в университете Йены Корф обнаружил критическое отношение к религиозным догмам. «Совершенно ясно, — заявлял Бюшинг, — что и потом Корф не был христианином, что мне при том уважении, которое я к нему испытывал, было очень близко»¹⁰. Богатейшее собрание Корфа (его библиотека насчитывала 35 тыс. томов и была куплена Екатериной II за 50 тыс. рублей¹¹), человека, всесторонне начитанного, критически мыслящего, которого Бюшинг считал «единственным президентом Академии, обладавшим столь глубокими познаниями, каковые по праву требуются от президента Академии», было всесторонне использовано им при составлении «Землеописания». Он отмечал также, что получил от Корфа для своего труда многие архивные и прочие документы, которые тот собирал, в том числе «весь статистический материал по скандинавским странам»¹².

⁹ См.: Копелевич Ю. Х. И. А. Корф и международные связи Петербургской Академии наук // Из истории естествознания и техники Прибалтики. Рига, 1976 С 14—23

¹⁰ D Anton Friedrich Buschings... eigene Lebensgeschichte. S 201

¹¹ Страдынь Я П, Валескали П. И. И А Корф — президент Петербургской Академии наук (к 200-летию со дня смерти) // Из истории естествознания и техники Прибалтики. Рига, 1968. Т. 1. С 67—68.

¹² D Anton Friedrich Büschings... eigene Lebensgeschichte. S. 200,

В Копенгагене Бюшинг подготовил и начал издавать и свой первый ежемесячный журнал, «Известия о состоянии наук и искусств в датском королевстве», два тома которого увидели свет в 1754—1756 гг.

В 1754 г. Бюшинг вернулся в Германию. Он отправился в Галле, где были друзья и где можно было продолжить подготовку землеописания, но, получив приглашение ганноверского министра Мюнгаузена, покровительствовавшего ему в университетские годы, в августе 1754 г. прибыл в Геттинген и занял место экстраординарного профессора философии в университете с содержанием в 200 рейхсталеров. Здесь в 1755 г. состоялось его бракосочетание с известной поэтессой Христиной Дильтей, а в 1756 г. была защищена диссертация на соискание степени доктора богословия. Она посвящалась критике Библии, в которой Бюшинг зашел так далеко, что предложил отделить в ней «действительные божественные истины» от тех, которые явились «следствием дополнений и выводов отдельных людей и которые весьма проблематичны и мало значащи»¹³. Защита состоялась 7 августа, а в сентябре советник герцога по вопросам теологии и член ганноверской консистории Гёттен выступил с обвинением Бюшинга в том, что он «причислил важные положения христианства к неважным и недоказанным», а самого Бюшинга объявил еретиком. Следствием этого явился рескрипт Мюнгаузена от 14 января 1757 г., которым Бюшингу было запрещено что-либо печатать без особого разрешения ганноверского тайного совета и читать лекции на богословские темы. Не помогло и письмо в консисторию Баумгартена, более того, ортодоксия этого признанного защитника научной теологии от пиетизма была использована против Бюшинга. Он отказался от карьеры богослова и дал себе слово, что никогда более не станет писать на богословские темы. Педагогика, география, история и статистика — области, в которых скажет свое веское слово ученый, должны выразить признательность бдительному Гёттену за это.

Постепенно положение Бюшинга в университете стабилизировалось, и в 1759 г. он стал ординарным профессором философии с жалованьем в 400 рейхсталеров,

¹³ Schlichtegroll F. Op. cit. S. 86.

с правом иметь бесплатную корреспонденцию со всей Европой. Все же случай с диссертацией, очевидно, способствовал тому, что в 1760 г. он принял предложение переехать в Петербург. К этому времени Бюшинг получил уже известность не только как автор «Землеописания», очередные тома которого начали выходить с 1754 г., но и как ученый-педагог, основательный знаток школьного дела. Проблемам педагогики были посвящены лекции, которые он читал в Геттингене, в 1759 и 1760 гг. вышли две его книги о подготовке домашних учителей и информаторов¹⁴. В результате последовали выгодные предложения от учебных заведений, одно из них было получено им от магистрата Риги — занять место ректора гимназии¹⁵.

Решению Бюшинга о переезде в Петербург способствовало также следующее обстоятельство. Во время Семилетней войны Геттинген сильно пострадал, особенно за время французской оккупации. Бюшинга, у которого к этому времени родилось четверо детей, преследовали болезни, недостаток необходимых материальных средств. В разгар очередной болезни, когда Бюшинг уже готовил жену к возможной своей смерти, пришло письмо от консистории лютеранской церкви Св. Петра в Петербурге с приглашением занять место второго пастора и директора церковной школы. Расценив это как особый знак судьбы, Бюшинг принял предложение. В августе 1761 г. вместе с семьей он прибыл в Петербург.

Россия оказала большое влияние на формирование научных взглядов ученого, его политического кругозора. И Бюшинг в этом не был исключением. Как почти единогласно пишут о том историки ГДР, Россия не только создавала благоприятные возможности для научной работы немецких ученых, прибывавших в Петербург, но и «порождала в них новое чувство пространства, чувство свободы от сковывающей узости немецкой действительности», с ее карликовыми государствами в государстве, мелкими владельцами и медленным течением жизни. «Никто не мог избежать влияния этого контраста, — писал Х. Мёрман, — будь то И. Г. Георги или А. Ф. Бю-

¹⁴ Über Bildung der Hofmeister und Informatoren. Altona, 1759; Unterricht für Informatoren und Hauslehrer Altona, 1760

¹⁵ См. D. Anton Friedrich Büschings.. eigene Lebensgeschichte — S. 225.

шинг, Г. Ф. Миллер или Б. Ф. Иоганн Герман, Бекман или Шторх или многие другие прибывшие из Германии экономисты, географы, историки, натуралисты и публицисты — всем вскоре становилось свойственно чувство неизвестного прежде огромного мира»¹⁶. Как отмечал Э. Винтер, продолжительное, многостороннее и заинтересованное знакомство со страной, ее культурой, ее историей, природой, расширяло духовный горизонт немецких ученых, обогащало их новыми знаниями, которые они могли приобрести только в России и которые они затем с пользой обращали на службу отечественной науке¹⁷. С неменьшим рвением, надо добавить, служили они и стране, которая поразила их воображение.

Желание Бюшинга поехать в Россию было так велико, что он отказался от должности ординарного профессора в Геттингене, которой, как считает Г. Мюльпфордт, добивался много лет. Пребывание в России расширило его кругозор. Здесь, в этом «величайшем на земле государстве», как называл Россию Бюшинг, пришло к нему неизвестное ранее «чувство пространства», которое для него, как для географа, имело большие последствия. Во встречах с петербургскими учеными, представителями общественности и простыми людьми открылось ему «новое видение», в музеях, библиотеках и архивах города Петра I нашел он источники новых знаний¹⁸. Здесь были собраны материалы, завязаны знакомства, которые затем обеспечили интенсивную публикаторскую деятельность ученого в отношении России. В результате скромный петербургский священник и педагог вырос в одного из деятельнейших публицистов-русистов немецкого Просвещения.

Впечатления о Петербурге, о России, о людях, с которыми он был знаком, Бюшинг изложил затем в своем жизнеописании, увидевшем свет в Галле в 1789 г. Важные для историка непосредственные впечатления очевидца переворота 1762 г., в результате которого на

¹⁶ Mohrmann H. Op cit S 10—11

¹⁷ Winter E. Die Bedeutung der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert für die deutsche Nationalgeschichte // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 1962 Sonderheft S 332

¹⁸ Muhlþfordt G. Ein deutscher 'Russlandkenner' des 18. Jahrhunderts S. 44.

престол была возведена Екатерина II, каким стал Бюшинг, были обобщены в переводе А. Г. Брикнера¹⁹. Жизнеописание позволяет очертить и тот круг общения Бюшинга, в атмосфере которого формировались его научные интересы в отношении России.

За время пребывания в Петербурге Бюшинг познакомился со многими людьми, принадлежавшими к разным слоям населения. Среди тех, кто принимал его, беседовал с ним, покровительствовал ему, мы видим крупных государственных деятелей России того времени, видных военных, дипломатов, «знатных персон». Среди них М. И. Воронцов, Н. И. Панин, П. А. Румянцев, З. Г. Чернышев, А. Г. и Г. Г. Орловы, Н. Ф. Корф, о которых он оставил меткие и образные суждения. М. И. Воронцова, у которого он бывал, Бюшинг называл «человеколюбивым и честным», о чем свидетельствовало, полагал он, его поведение во время переворота 28 июня 1762 г., во время которого Воронцов сохранял верность прежнему монарху. Никита Иванович Панин, для которого Бюшинг делал извлечения из своего «Землеописания», был, по его словам, «человеком трезвого ума, удачливым в выборе людей, чьи головы и руки могли быть использованы в политических делах, услужливым и любезным»²⁰. Главную черту его характера составляла твердость, с которой он исполнял принятое решение, доводил до конца начатое дело. Бюшинг считал, что Панин достоин войти в историю заслуженных людей России, которая когда-нибудь будет написана.

В Петербурге Бюшинг встретил возвращенных из ссылки в 1762 г. опальных вельмож, с которыми свел близкое знакомство. Первым среди них был Б. К. Миних, вернувшийся из Пелыма 78-летним старцем, сохранившим, однако, бодрую и деятельную натуру. Миних стал патроном церкви Св. Петра, и Бюшинг был введен в его дом. У Миниха собирались военные, которым было что вспомнить. Здесь он познакомился с генерал-аншефом графом Фермором и «слушал его рассказы о войне России против прусского короля, которая стоила ей много сил и средств, не принесла никакой поль-

¹⁹ См. Брикнер А. Г. Антон Фридрих Бюшинг // Исторический вестник СПб., 1886 Т. 25 С 5—26

²⁰ D. Anton Friedrich Büschings.. eigene Lebensgeschichte. S. 483—485.

зы»²¹. По просьбе Бюшинга Миних продиктовал своему секретарю Фришу различные эпизоды своей жизни и передал эти записки ученому. Он передал ему и копии своей переписки с коронованными особами, много интересных документов; весьма полезными были для Бюшинга устные беседы с ним. Бюшинг подружился с сыном Миниха Эрнстом, автором известных мемуаров, который, по его словам, отличался многими добрыми качествами отца, «не разделяя с ним его пороков». Позднее Бюшинг стал автором подстрочных заметок к мемуарам Э. Миниха²².

Особое расположение Бюшингу оказывал 70-летний граф И. Г. Лесток, бывший лейб-медик Елизаветы Петровны, сыгравший, как известно, немаловажную роль при возведении ее на престол в 1741 г. Покровительствовал ему и А. Бестужев-Рюмин, возвращенный Екатериной II из ссылки и награжденный ею чином генерал-фельдмаршала. Бестужев-Рюмин был женат на немке, баронессе Менгден, и поэтому интересовался делами лютеранской церкви. «Я часто бывал у них, — писал Бюшинг, — чтобы послушать его рассказы об исторических и политических тайнах его прежней службы канцлером», — вспоминал Бюшинг²³. Как и Миних, Бестужев-Рюмин составил по просьбе ученого записки о своей жизни, в которых, правда, уделил больше внимания «разным мелочам», в то время как в своих устных рассказах он больше говорил «о государственных делах».

Последним в четверке опальных вельмож был Э. И. Бирон, герцог Курляндский, бывший регент малолетнего императора Ивана, фаворит императрицы Анны Ивановны, отбывавший ссылку в Ярославле. От него Бюшинг получил описание этого города и его мануфактур, которое было продиктовано Бироном сыну и переслано Бюшингу.

Бюшинг был вхож в дома членов императорской семьи, герцога Георга Людвига Голштейн-Готторпского, генерал-фельдмаршала, дяди императора Петра III, Петра Августа Фридриха, герцога Голштейн-Бекского, губернатора Эстляндии и др. Среди близких знакомых ученого были дипломаты, представители разных стран

²¹ Ibid S 488

²² См. Брикнер А. Г. Указ. соч С 23.

²³ D. Anton Friedrich Büschings. eigene Lebensgeschichte. S. 480.

в Петербурге, в том числе прусский посол Карл фон За-кен, датский посол Г. Х. Гакстаузен и др. Некоторые из них получили затем известность как авторы записок о своем пребывании в России. «Лучшим другом» ученого стал служащий датского посольства Андреас Шумахер, бывший главным доверенным лицом при решении многих важных вопросов датско-русских отношений и пользовавшийся особым доверием главы иностранной коллегии Н. И. Панина. «От него, — писал Бюшинг, — я получил затем рукописи переводов на немецкий язык с датского записок о России Петера фон Гавена, отрывки из которых опубликовал в «Магазине»²⁴.

Много интересных знакомств принесла ученому его служба в церкви Св. Петра, в которой он читал обычно две воскресные проповеди. Лютеранская евангелическая община, которой принадлежала эта церковь, была самой многочисленной и представительной в Петербурге, она и возникла вместе с самим городом. Ее членами были великие князья и княжны, другие члены императорской семьи (в том числе мать Екатерины II), адмиралы и генералы русской армии и флота, служащие двора и посольств, министры, чиновники, профессора Академии наук, преподаватели кадетского корпуса, купцы, художники, ремесленники. Во главе общины стоял конвент, в который входили 1 или 2 патрона, 2 священника, 4 старосты и 4 члена. Патронами общины и членами конвента были в разные годы адмирал Корнелий Крюз, вице-президент юстиц-коллегии Вольф, камергер двора Петра III Н. Ф. Корф, К. Сиверс и др.

Церковь Св. Петра имела школу, вернее, нескольких учителей, которые учили детей своих прихожан чтению, письму, счету, священному писанию, давали им начала латинского и французского языков, истории и географии. Бюшинг под руководством конвента завершил начатую в середине 50-х гг. реорганизацию школы, которая получила название «школы языков, искусств и наук». Школа получила новое каменное здание, были созданы библиотека, кабинет натуралий, физическая и химическая лаборатории и др., обошедшиеся общине в 58 тыс. рублей. Бюшинг создал постоянный штат учителей (18 человек), что позволило значительно расширить

²⁴ Ibid. S. 491

состав учащихся. К началу второго полугодия 1763 г. в ней было около 300 учащихся, мальчиков и девочек, представителей разных социальных и национальных групп, немцев, русских, калмыков, армян, итальянцев, французов, англичан, шведов, финнов, эстов, литовцев, латышей²⁵.

Большинство учащихся кроме языков, немецкого, французского и русского, изучали начала математики и естествознания, рисование и моделирование, музыку. В школе читались лекции на этические темы, преподавалось искусство «экономии», физическая культура. Латинский язык изучали не все, а лишь готовившие себя к профессии медика или фармацевта и к поступлению в университет. Желавшие получить богословское образование — греческий и другие древние языки. Девочкам, которые учились отдельно, кроме письма, чтения и счета, языков, немецкого и французского, преподавали науку о здоровье и хозяйстве, искусство литературного творчества, прививали общие представления о географии и всеобщей истории, их учили рисованию, пению, игре на фортепиано, шитью и вышиванию. Русских мальчиков, число которых в школе постоянно росло, обучал православному вероучению специально для этой цели приглашенный ученый иеромонах. Школа церкви Св. Петра была первой и долгое время оставалась единственной, где преподавались русский язык и православное вероучение²⁶.

В своей деятельности педагога Бюшинг уже в Петербурге попытался, как видим, воплотить в жизнь идеи А. Г. Франке о соединении обучения и воспитания, об обучении учащихся всему тому, что необходимо им в их будущей практической жизни. Тем самым преследовалась конечная цель — подготовка знающих и умелых специалистов для всех отраслей государственной жизни. История школы лютеранской церкви Св. Петра в Петербурге, написанная Бюшингом, дает интересный материал для истории народного образования в России, который

²⁵ A. F. Buschings Geschichte der bei der evangelisch-lutherischen St. Peterskirche befindlichen, und derselben zugehörigen Schule der Sprachen, Künste und Wissenschaften, // Gelehrte Abhandlungen und Nachrichten aus und von Russland. Leipzig, Königsberg, Mitau, 1764 Bd 1 S. 130—137.

²⁶ См. Lemmerich K. Op. cit. S. 102.

пока еще не нашел своего исследователя. Учителя школы, среди которых были Э. Лаксман, известный ботаник, И. Бекман, будущий профессор Геттингенского университета, учитель истории Вюрст, стали затем информаторами Бюшинга. Руководство школой значительно расширило и круг его общения с жителями Петербурга.

Уже в первый приезд в Петербург состоялось близкое знакомство его с членами Академии наук, которое было затем продолжено. В своих воспоминаниях Бюшинг оставил интересные заметки об Академии, характеристики ее членов, их материального положения, их научных занятий. В 1750 г. произошло его первое знакомство с Г. Ф. Миллером, которое быстро переросло в дружбу и тесное научное сотрудничество. Не без влияния Миллера составлял Бюшинг планы своих географических работ, не без его помощи разрабатывал свои географические характеристики Российской империи. Огромная переписка отразила их отношения в годы, когда Бюшинг и Миллер жили в разных местах, она оборвалась лишь со смертью последнего в 1783 г. Дружьями, соратниками, корреспондентами Бюшинга стали и другие члены и сотрудники Академии: П. С. Паллас, Я. Штелин, И. Эйлер, Г. Л. Х. Бакмейстер...

Через одного из руководителей академической канцелярии с Бюшингом в 1761 г. вел переговоры И. И. Шувалов. Они касались изданного им немецкого перевода книги Вольтера о Петре I и представляют интерес не только как свидетельство независимой позиции Бюшинга в отношениях с русскими вельможами, но и вносят дополнительные штрихи в историю взаимоотношений русского двора со знаменитым французским писателем. Немецкое издание труда Вольтера появилось в 1761 г. во Франкфурте-на-Майне (1-й том) с предисловием Бюшинга и с примечаниями, составленными им самим и Г. Ф. Миллером, в которых были исправлены многочисленные фактические ошибки Вольтера²⁷. В предисловии Бюшинг весьма нелестно отозвался об исторических достоинствах труда Вольтера, для которого им были получены из России практически не использованные много-

- ²⁷ Franz Maria Arouet von Voltaire Geschichte des russischen Reichs unter Peter dem Grossen. Aus dem französischen übersetzt von Iohann Michael Hube, und mit Zusätzen und Verbesserungen herausgegeben von D. Anton Friedrich Büsching. Frankfurt, 1761.

численные материалы, подготовленные в Академии наук и отправленные И. И. Шуваловым. По этим материалам, считал Бюшинг, Вольтер мог составить «достоверную, обстоятельную и полную историю великого монарха и его достопамятных дел». Но труд, который вышел из-под пера Вольтера, был мало похож на труд историка, история Петра оказалась наполненной многочисленными ошибками и неточностями. «Первые две главы, содержащие политико-географические известия о России,— отмечал Бюшинг,— были так преисполнены ошибок, что исправляющие их примечания заняли бы больше места, чем сам текст, поэтому я выпустил это известие совсем, а вместо него вставил другое, взятое из главы о Российской империи», помещенной в «Землеописании». «Географические познания г. Вольтера так малы,— продолжал он,— что и в обозрении ландкарт допущено много ошибок географического характера. Мои исправления этих ошибок основывались главным образом на «Собрании Российской истории» проф. Миллера. Этот известный и заслуженный муж мог бы создать более верную и полную историю Петра Великого, если бы предпринял это описание, которое, однако, заказали Вольтеру, чьи исторические труды отнюдь не достигают высоты его поэтических сочинений»²⁸.

Мнение Бюшинга, критика весьма осведомленного в вопросах, связанных с прошлым и настоящим России, было замечено в Европе²⁹, и оно не могло понравиться русскому двору, который щедро оплатил заказ и рассчитывал на появление книги, служащей к славе и чести не только ее главного героя, но и тех, кто имел к ее созданию непосредственное отношение. На Бюшинга было оказано давление с целью заставить его публично смягчить свое суждение и, главное, разъяснить свои слова о том, что книга была хорошо оплачена. Бюшинг отказался сделать опровержение, потому что располагал достоверными данными о «подарках, которые были получены Вольтером за книги или под видом вспомогательных средств для нее» от императрицы и от самого мецената «Эти подарки,— считал он,— были столь неслы-

²⁸ Ibid S 3—8

²⁹ См Платонова Н. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом». Новые материалы // Литературное наследство М, 1939. Т 33—34 С 16

ханно щедры, что можно сказать — никогда еще в мире плохая книга не была так хорошо оплачена»³⁰. В своем ответе Шувалову Бюшинг предложил Вольтеру выступить с возражениями в открытой печати, как это было принято в научном мире Западной Европы. Это заставило бы и Бюшинга разъяснить свои замечания на книгу в виде публичного ответа на возражения. Другими словами, он предлагал научную полемику, в которую Вольтер, естественно, не вступил, потому что суммы, названные Бюшингом (10 тыс. червонцев и коллекция золотых медалей в 6 тыс. рублей³¹), отнюдь не были мифом.

Тауберт долго убеждал ученого, говоря о всесиили фаворита и о возможных неприятных последствиях отказа. «Я не поступил бы иначе даже в том случае, если бы Шувалов был самым императором», — ответил он и закончил свой рассказ об этом эпизоде в жизнеописании замечанием о том, что в царствование императрицы Елизаветы ученые, жившие в России, ощущали «деспотизм» не столько императорского двора, сколько его креатур.

За деятельностью Бюшинга в России следила Екатерина II, ценившая его не только как блестящего проповедника и нравоучителя, но прежде всего как педагога и ученого. Когда Бюшинг, рассорившись с патроном церкви Минихом, собрался в свое отечество, где ему было обещано профессорское место, она поручила Г. Н. Теплову от ее имени склонить его остаться в России. Екатерина II предлагала ему «по сложении с себя духовного звания, вступить в службу Академии наук, выбрав сам себе должность там и назначив количество жалования, которое он желал бы получить». Ему была обещана также «бесплатная пересылка его политической и географической переписки по всей Европе». Получив затем письменное донесение Теплова о бесполезности его усилий, она сделала на нем приписку: «Бюшинг со мной проститься может, а что данное слово не переменяет, в том его похваляю. Спроси же у сего честного человека, есть ли надежда впредь его иметь, или вовсе с нами расстался?»³².

³⁰ D. Anton Friedrich Büschings.. eigene Lebensgeschichte S 381.

³¹ Ibid. S 361.

³² Сборник русского исторического общества СПб, 1872 Т 10. С 7—9.

Уехав из России навсегда, Бюшинг, пожалуй, сделал для нее в Германии больше, чем смог бы сделать, оставшись в ней.

Характер, проявленный ученым в переговорах с Шуваловым, стал, очевидно, и причиной раздоров с Минихом, начавшихся в конце 1764 г. Многие в деятельности Бюшинга не устраивало его и некоторых членов конвента. Недовольство вызвало, во-первых, отделение Бюшингом школьной кассы от церковной. Школьная касса пополнялась за счет родителей, вносивших на обучение детей от 15 до 30 рублей в год. Большую роль играли пожертвования богатых и знатных петербуржцев, на которые не только можно было оборудовать новые классы и содержать хороших учителей, но и обучать детей из бедных семей, которые учились в школе³³. Спекулируя именем Бюшинга, популярность которого и руководимой им школы постоянно росла, что заметно отражалось на состоянии школьной кассы, конвент хотел воспользоваться ею для церковных нужд. Миних в этой ситуации поддержал конвент. «Оба, — писал историк лютеранских школ в России К. Леммерих, — рассматривали школу не как учебное заведение для детей общины, но как учреждение, призванное выкачивать деньги на уплату церковных долгов и постройку новых домов...»³⁴.

В ходе начавшихся разногласий Бюшингу напомнили также и о том, что в его проповедях было мало необходимого благочестия. Его утренняя воскресная проповедь обычно посвящалась какому-нибудь отрывку из жизни Христа и составлялась по собственным его изысканиям и переводам древних текстов, что давало простор для вольных толкований и выводов. Для вечерней проповеди выбирались моралистические тексты отцов церкви или отдельные изречения Библии, при этом Бюшинг излагал, как правило, свои собственные соображения о деяниях бога в отношении природы³⁵. Главной целью таких проповедей была не столько пропаганда веры в бога, сколько стремление «уменьшить склонность людей к корыстным, завистливым и преходящим вещам, поощрять в них мысли о добрых благодетельных

³³ Lemmerich K Op cit S 122

³⁴ Ibid S 123

³⁵ Ibid Bd I S 174.

и не преходящих, а вечных делах, убеждать их в том, что они не могут быть счастливы, если не будут стремиться к добру» и т. п.³⁶

Конвент упрекал Бюшинга в пререканиях с первым пастором, Трефуртом, приверженцем строгих канонов и форм при богослужении, отход от которых позволял себе Бюшинг. Он высмеивал, к примеру, Трефурта, когда тот, сочетая браком молодого человека и 60-летнюю старуху, желал им, в строгом соответствии с канонами, плодиться и размножаться³⁷. Отголоском этих споров стало строгое предписание конвента обоим пасторам придерживаться всех канонов при богослужении, принятое уже после отъезда Бюшинга из Петербурга. Кроме того, Бюшинг, как пастор, в глазах конвента терял цену и оттого, что не стремился к собственному обогащению, как это делали другие. Предшественник его, некий Х. Г. Насиус, к примеру, начавший службу в 1711 г., быстро превратился из бедного юноши в богатого человека, завел свой собственный процветающий трактир, в котором подавали вина прошлого столетия, вывел своего сына в магистры³⁸. Бюшинг же поставил себе за правило не принимать вознаграждения от бедняков или от таких людей, которые имели «только пропитание». Охотнее всего из всех своих пасторских обязанностей он выполнял одну — посещение больных и немощных и почти не принимал приглашения на торжества и празднества³⁹. Многочисленные долги, которые он нажил в Петербурге за время своей пасторской деятельности, не дали бы ему возможности покинуть его, если бы не помощь друзей и покровителей.

Очевидно, решению об отъезде из России способствовала огромная занятость Бюшинга пасторскими и школьными делами, которая мешала ему заниматься наукой. Пастор Трефурт часто болел, и Бюшинг остался практически один на один с огромной паствой. Много времени отнимала у него школа, где он совмещал обязанности директора, инспектора и учителя. В результате пришлось отложить работу над «Землеописанием», что вы-

³⁶ Schlichtegroll F. Op. cit. S. 98.

³⁷ Lemmerich K. Op. cit. Bd. I. S. 176.

³⁸ D. Anton Friedrich Büsching. eigene Lebensgeschichte S. 169.

³⁹ Lemmerich K. Op. cit. Bd. I. S. 174.

звало недовольство издателей, с которыми у него были заключены договоры ⁴⁰.

Поводом для окончательного разрыва Бюшинга с конвентом послужило заседание, на которое он не был приглашен, где под предлогом облегчения его обязанностей было принято решение о приглашении третьего, знающего и умелого пастора. Решение было составлено в оскорбительной для Бюшинга форме и отправлено ему в виде официального документа. И хотя в начавшихся распрях вся община встала на сторону Бюшинга и избранные ею депутаты приложили все усилия, чтобы примирить его с конвентом, а главное — с его патроном, и уговорить своего любимого пастора и учителя изменить принятое решение об уходе, Бюшинг сложил с себя сначала обязанности директора школы, а затем и пасторский сан.

13 июня 1765 г. он покинул Петербург и в ожидании предложений поселился в Альтоне. Вернуться в Геттинген он, однако, не захотел, хотя имел приглашение Мюнгаузена, намеревавшегося поручить ему руководство всеми школьными делами. Целый год Бюшинг жил на пожертвования своих бывших прихожан, среди которых была не только знать, но и группа петербургских ремесленников, узнавших о том, что Бюшинг живет в Альтоне без жалованья и собравших для него 420 рублей.

В октябре 1766 г. он вступил в должность ректора создававшейся в Берлине объединенной берлинско-кельнской гимназии. Здесь прошли последние 26 лет его жизни. В Берлине он стал крупным педагогом, организатором и реформатором школьного дела, видным теоретиком и практиком науки воспитания подрастающего поколения ⁴¹. Здесь, в Берлине, были созданы многочисленные педагогические труды, написаны знаменитые жизнеописания выдающихся ученых и общественных деятелей XVIII в. (6 томов), подготовлены к печати многочисленные историко-географические журналы.

Многое из того, что было сделано Бюшингом в области образования, вполне может быть взято на вооружение современной педагогической наукой. Отличное зна-

⁴⁰ Ibid. Bd. 2 S 127.

⁴¹ Gedike Friedrich. Erinnerung an Büschings Verdienste um das Berlinische Schulwesen. Berlin, 1795.

ние предмета, доходчивая форма изложения, сердечный и доверительный, отеческий тон, живой, деятельный способ общения снискали ему любовь и уважение молодежи. Главными предметами, которые он охотно преподавал, были история религии, история философии и история искусств, по которым им были написаны многочисленные учебные пособия. Готовя своих воспитанников к активной политической жизни, он читал им курс современного газетного и журнального дела. Особой популярностью пользовались его публичные лекции на темы нравственности, выросшие из проповедей бывшего петербургского священника. Они собирали обычно огромную аудиторию. Бюшинг учил своих слушателей жизненной мудрости, умению добиваться поставленной цели, служить идеалам добра и справедливости. Нередко в таких лекциях он рассказывал об ученых, видных государственных деятелях, художниках и музыкантах, которые, испытав в юности бедность и унижения, благодаря своему трудолюбию, стремлению к знаниям, стойкости и мужеству в борьбе с трудностями, многого достигали в жизни. «Трудолюбие и честность» были главными лозунгами этих лекций⁴². В деятельности Бюшинга-педагога нашла свое яркое воплощение главная функция Просвещения — воспитание, образование, просвещение народа.

В своих географических трудах Бюшинг одним из первых выступил против наполнения таких работ голой номенклатурой. Он считал, что они должны содержать основанную на статистических данных характеристику естественного, экономического и политического состояния страны. Используя результаты естественнонаучных исследований и математической географии, Бюшинг положил в основу своего землеописания политико-экономические данные. Население и языки, политический строй и культурные отношения, города, ремесло и торговля, финансы и мануфактуры, почта и транспорт, статистика рождений, браков и смертей — все это занимало в нем значительное место. Данные о географическом положении описываемых земель, указания на животный и растительный мир, своеобразие природных условий, особенности рельефа, природные ископаемые и их использование дополняли картину. Немалое место отводилось

⁴² Ibid S. 89.

и сведениям по истории отдельных государств. Такое содержание географического труда соответствовало требованиям времени, отвечало устремлениям буржуазии, заинтересованной в получении научных данных о развитии политических и экономических отношений в разных странах мира. Подобные описания сами служили своеобразным стимулятором торговли и промышленности, других отраслей хозяйства. Все это обеспечило трудам Бюшинга в области географии огромную популярность и долголетие.

Россия в этом отношении не была исключением из других стран. Уже в вышедшем в 1776 г. «Географическом и методическом описании Российской империи» профессора Московского университета Харитона Чеботарева, для которого «Землеописание» Бюшинга послужило образцом и источником, читаем такие строки: «Описание России... во всех известных географических книгах, выключая одного только г. Бюшинга, столь не правильно почти во всем, превратно лживо и с настоящим разделением сей империи столь не сходственно, что чтение его должно считать напрасною потерю времени»⁴³. Е. Зябловский считал, что «Бюшинг между известными географами всегда останется отличным. Он очистил географию от нелепых известий; употребил строгую для нее критику; усовершенствовал систему и дал ей лучший порядок; открыл множество новых источников на иностранных языках; посему его география приобрела общее уважение»⁴⁴. Зябловский принял деление Бюшингом географической науки XVIII в. на три главных отрасли: математическую, которая исследует «местоположение земли», «вид, величину и круг, которому около ея быть воображают». Предметом ее в отношении нашей планеты Бюшинг считал форму Земли, разработку географических дефиниций (экватор, эклиптика, параллели и меридианы и т. п., определения долгот и ши-

⁴³ Географическое и методическое описание Российской империи с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще для обучающегося при имп. Московском университете юношества, из достоверных писателей собранное трудами университетского питомца Харитона Чеботарева М., 1776 Предисловие

⁴⁴ Зябловский Е. Курс всеобщей географии. СПб., 1818. Ч. I С. 11.

рот) ⁴⁵. Вторую составляла «натуральная география», объявлявшая, как он считал, «то, что от природы на поверхности и во внутренности земли находится». Параземной круг, воды, горы, три царства природы, которые выделяют «физики»: «царство минералов, царство растений и царство животных» — объекты ее изучения ⁴⁶. Еще одно направление в географии — политическое. Предмет его — это разделение земного шара и живущих на нем народов «на разные области, то есть на большие сообщества многих фамилий, которых безопасность и благополучие независимыми правлениями производится». Среди них Бюшинг выделял два главных — монархию и республику ⁴⁷.

Еще в конце XIX в. русские географы подчеркивали преимущества труда Бюшинга перед некоторыми современными описаниями России. Л. Весин, давая обзор учебников общей и русской географии, писал на этот счет так: «Самый курс (Бюшинга. — Л. Б.) отличается от других географий прошлого столетия, а также нынешних, современных, напоминая более статистические труды». Говоря о тех частях «Землеописания», которые были посвящены России, он замечал: «Описания отдельных частей и городов весьма обстоятельны и живы. Сравнивая эти описания с описаниями Ободовского, едва ли можно затрудниться в том, которым отдать преимущество... Описание России сделано весьма по тому времени удовлетворительно» ⁴⁸.

Бюшинг был автором изданного в 1769 г. Берлинской Академией наук «Большого Атласа Российской империи», состоявшего из 63 карт. Современники за рубежом считали его «самой ценной и лучшей картой России». Все названия провинций, отдельных мест и рек были написаны на ней так, как они произносятся по-русски. Это преимущество среди прочих отличало карты Бюшинга от многих других карт ⁴⁹.

⁴⁵ Д. Антона Фридерика Бюшинга из сокращенной его географии три главы. С. 1, 3—10.

⁴⁶ Там же С. 11—39.

⁴⁷ Там же. С. 39—40.

⁴⁸ Весин Л. Исторический обзор учебников общей и русской географии, изданных со времен Петра Великого по 1876 г. СПб, 1877 С. 29, 35—36.

⁴⁹ См., например Schmidt-Phiseldck Ch. Beiträge zur Kenntniss der Staatsverfassung von Russland. S. 206—207.

Заслуги Бюшинга в области географии были признаны во всем мире. «Hier im Schoß der Erde schlummert Beschreiber» («Здесь, в недрах земли, покоится тот, кто ее описал»), — гласила надпись на каменной плите его могилы.

Удивительно яркая личность, порожденная исторической эпохой, отразившейся в ее убеждениях, характере, наклонностях, в кипучей, многообразной деятельности на поприще Просвещения — таким предстает перед нами Антон Фридрих Бюшинг, чье наследие, чья жизнь, чье служение науке заслуживают пристального внимания потомков.

Активную деятельность по пропаганде достижений русской науки Бюшинг развернул еще до второй своей поездки в Россию. Он организовал публикацию в немецких научных журналах и газетах научных сообщений и статей ученых из Петербурга. Он был сотрудником «Ганноверского полезного собрания», «Геттингенских ученых ведомостей», «Гамбургского магазина», проявлявших большой интерес к России⁵⁰.

Во время пребывания в России Бюшинг приступил вплотную к осуществлению своего замысла — изданию собственного журнала, посвященного России. В 1764—1765 гг. он издал в Петербурге два тома «Научных статей и известий из России и о России», преследуя этим изданием несколько целей. Во-первых, в нем должны были публиковаться оригинальные статьи «о различных общепользных и значительных материях», а также важные источники по новой истории и «состоянию отдельных стран, главным образом Российской империи». Во-вторых, оно должно было представлять читателям выходящие в России новейшие книги и сочинения, которые надо было не просто прорецензировать, но и сделать известным их содержание, приведя из них извлечения. Далее, в нем должны были фиксироваться все сочинения о России, географии, государственному устройству, выходящие за рубежом. И последнее — публикация известий, касающихся «языков, искусств и наук разных наро-

⁵⁰ Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung S. 221; Wöchentliche Nachrichten. Bd. 1. S. 3,

дов России, составленных известными авторами и со-
бирателями»⁵¹.

В программе этого первого своего издания Бюшинг, по сути, сформулировал те задачи своей просветительской работы в отношении России, которые были затем так блестяще разрешены им в «Магазине» и «Еженедельных известиях».

«Научные статьи и известия из России и о России» должны были, как миллеровское «Собрание», выходить по шесть частей в год, а активными их сотрудниками, авторами, переводчиками становились учителя руководимой Бюшингом школы, члены Академии наук. Здесь было помещено начало истории лютеранских евангелических общин в России, крупного труда Бюшинга, который затем в полном своем виде дважды издавался в Германии, сначала в Кенигсберге (1764 г.), а затем в Альтоне (1766), в двух томах⁵². Он представляет интерес не только для историков лютеранской церкви в России, но и для всех интересующихся русской историей вообще. Книга была высоко оценена в Германии⁵³. Здесь же увидела свет в полном своем виде статья его об истории школы при церкви Св. Петра, обобщившая периодически издававшиеся в Петербурге известия о ее деятельности в 60-е гг., исходившие от Бюшинга. Часть ее была обнародована также в журнале Готшеда в Лейпциге в 1762 г. Г. А. Гуковский считал ее «замечательной», видел в ней один из ранних трактатов, относящихся к истории теоретической и практической педагогики в России»⁵⁴.

Именно в этом журнале Бюшинг первым (ранее Шлецера, спорившего с ним о приоритете⁵⁵) начал публи-

⁵¹ Gelehrte Abhandlungen und Nachrichten aus und von Russland, geliefert von der Schule der Sprachen, Künste und Wissenschaften bei der evangelischen St Peterskirche zu St Petersburg, und herausgegeben von der selben Director D. Anton Friedrich Büsching Leipzig, Königsberg; Mitau, 1764—1765 Bd 1—2

⁵² D. Anton Friedrich Büschings Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen im Russischen Reich. -Altona, 1766—1767. Bd. 1—2.

⁵³ Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen 1765. S 129—136.

⁵⁴ Гуковский Г. А. Русская литература в немецком журнале XVIII века // XVIII век. М.; Л., 1958 Сб. 3. С 412

⁵⁵ Пуха М В Очерки по истории статистики в СССР Т 1. Статистическая мысль в России до конца XVIII в М, 1955. С 319.

кацию таблиц о естественном движении населения в России. В первом его томе он обнарудовал приготовленную им в конце 1763 г. таблицу о новорожденных, погребенных и вступивших в брак в трех общинах Петербурга, лютеранской, реформаторской и католической. Более подробные таблицы на эту тему относительно городов Петербурга, Москвы, Архангельска и Астрахани были приведены им позднее в «Истории евангелических общин». Это начинание Бюшинга, как считает историк статистики в России⁵⁶, сыграло известную роль в деле издания указа 1764 г. об обязательной церковной регистрации актов естественного движения населения в приходах Петербурга и ежемесячной посылке их в Академию наук, где они подвергались научной обработке. Это было начало демографической статистики в России.

Следуя традиции «Ежемесячных сочинений», этого «замечательного», по оценке Бюшинга, журнала, он начал публиковать в своем сборнике немецкие переводы с латинского некоторых статей членов Петербургской Академии наук, прошедших апробацию в ученом собрании. В нем была дана также информация о новых работах С. Котельникова, С. Румовского, А. Н. Гришова и других ученых, отрецензированы 8-й и 9-й тома «Комментариев»⁵⁷. Автором научных рецензий был профессор Академии наук И. Бекман. Из книг, опубликованных на русском языке, были отмечены 17, в том числе «Оренбургская топография» П. И. Рычкова, «Описание Каспийского моря» Ф. И. Соймонова, переводы Геродота, Роллина, Валлерия. «Не приходится сомневаться, — писал Бюшинг по поводу книги Рычкова, — что хороший немецкий перевод этого труда будет очень приятен публике. Автор ее, хотя и не является ученым по профессии, но, прекрасно владея немецким языком, он вынес из хороших немецких книг отличный литературный вкус и достаточное знание истории и географии. Поскольку он сам был в этих местах с основания Оренбурга, то есть с 1734 г., и принимал участие в проводимых там мероприятиях, его известия являются надежными и основательными»⁵⁸.

⁵⁶ Там же С 320

⁵⁷ Gelehrte Abhandlungen und Nachrichten. Bd 2. S 151—161.

⁵⁸ Ibid Bd. 1 S 198.

Бюшинг продолжил в первом томе журнала публикацию примечаний на второй том «Истории Российской империи...» Вольтера и впервые представил на суд читателей один из важнейших источников русской истории — «Правду» Ярослава. Он напомнил им о том, что впервые о существовании этого памятника они узнали из «Краткой истории Новгорода» Миллера, после чего был сделан его французский перевод Штрубе де Пирмонта, с которого осуществлен перевод на немецкий язык ⁵⁹.

Первая проба пера оказалась удачной. «Научные известия» Бюшинга были замечены немецкой критикой, обстоятельной рецензией на них откликнулись «Геттингенские ученые ведомости», поддержав его начинание как важное и полезное для всех интересующихся Россией ⁶⁰. Положительная рецензия на журнал была опубликована также в «Neue kritische Nachrichten» Грейфсвальда ⁶¹. Это вдохновило ученого к продолжению начатого дела в Германии.

⁵⁹ Ibid. Bd. 2. S. 3—8.

⁶⁰ Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen. 1765 188—190.

⁶¹ Raab H. Die Anfänge der slawistischen Studien in deutschen Ostseeraum unter besonderen Berücksichtigung von Mecklenburg und Vorpommern. S. 383.

2. Россия в «Магазине новой истории и географии» А. Ф. Бюшинга (1767—1788 гг.)

В 1767 г. в Гамбурге начал выходить ежегодник Бюшинга «Magazin für die neue Historie und Geographie». Это было солидное издание размером в четверть листа, каждый том которого содержал около 500 и более страниц. Первый том «Магазина», составленный, как о том говорилось в предисловии, с помощью Г. Ф. Миллера, почти целиком посвящался России. И в последующих томах русские материалы занимали, как правило, большую часть журнала. Объясняя читателям это обстоятельство, Бюшинг писал в предисловии к 3-му тому: «Читатели моего журнала, без сомнения, уже заметили, что в отношении Российской империи у него особенно богатое содержание. Я действительно намерен дать представление о государственном устройстве этой страны... Я уже поместил в 1-м томе данные о церквах и монастырях, о гражданском ее делении, во втором томе привел данные о населении и армии, в третьем даю документальные материалы о торговле... Остальные материалы, принадлежащие к политической географии России, появятся в следующих томах»¹. Что касалось исторических материалов, то, как это подчеркивалось и названием «Магазина», внимание Бюшинга привлекала прежде всего новая история России. В это понятие он включал XVII и XVIII вв. и обещал читателям знакомить их с новыми, неизвестными ранее документами и свидетельствами современников.

Как видно из этого заявления, Бюшинг имел в отношении России далеко идущие планы, намереваясь по-

¹ Magazin für die neue Histirie und Geographie. Hamburg, 1769. Bd. 3 Vorrede

следовательно знакомить немецких читателей с политической географией России, государственным устройством, населением, экономикой, законодательством, наукой, с новой историей страны.

Преимущественно из русских материалов был составлен им 7-й том «Магазина». Помимо раздела под названием «Россия» в нем содержался еще небольшой, в несколько десятков страниц раздел о Германии. Большинство статей 9-го тома также касалось России. «Я не боюсь упреков за это,— заявлял Бюшинг в предисловии к нему,— поскольку Россия, эта величайшая на земном шаре держава, настолько замечательна, переживает время от времени столь многие знаменательные изменения, что никакая информация о ней не будет излишней»². Только в 4 томах из 22 отсутствуют материалы о России. Бюшинг объяснял это нехваткой нужного для подготовки их к печати времени. В предисловии к 8-му тому, в котором раздел «Россия», шестой по счету, был невелик, он сетовал не на недостаток материалов, а именно на это обстоятельство. Когда же материалы бывали готовы, он помещал их в готовящийся к изданию том за пределами раздела «Россия». Таково извлечение из дневника путешествия И. Лерхе в 3-м томе, продолжение «Описания Молдавии» Д. Кантемира в 4-м, известие о сватовстве датского принца Вольдемара Христиана Гюльденлове к дочери царя Михаила Федоровича в 10-м томе и др.

Шесть первых томов увидели свет в гамбургском издательстве Бухенредера и Риттера, а в 1772 г. журнал сменил своего владельца. Остатки прежних выпусков были куплены известным галльским издателем Иоганном Якобом Куртом, и с 7-го тома «Магазин» переместился в Галле. В этом городе, имевшем тесные связи с Россией, журналу был обеспечен более широкий круг знатоков и почитателей, чем в Гамбурге³. По инициативе Курта, высоко ценившего русские материалы «Магазина», его 1-й том с некоторыми авторскими поправками был переиздан в 1779 г. Был учтен при этом и тот горячий прием, который был оказан изданию читающей публикой. «Мои надежды сделать с помощью друзей

² Ibid Halle, 1775. Bd 9. Vorrede

³ Mühlplfordt G. Ein deutscher Russlandkenner.. S. 47.

этот журнал представительным и долговечным осуществились, — писал Бюшинг в предисловии к этому новому изданию, — и это вдохновляет меня и к его продолжению»⁴.

Издание Бюшинга было предназначено, главным образом, для средне немецкой, ганзейской и северо-восточной немецкой буржуазии, взоры которой были обращены тогда к России. С Россией ее связывали разнообразные экономические и научные интересы, вызывавшие большую потребность в надежной информации о русской торговле, о продукции русской промышленности, ввозе и вывозе товаров, внутреннем товарообороте, экономической политике правительства, о русских портах и пошлинах. Поскольку в Германии было много желавших переселиться в Россию, они хотели получить информацию о природе страны, о возможностях поселения, о законодательной деятельности властей, о денежной системе и т. п. Политические деятели, военные чины интересовались войнами, которые вела Россия, ее государственным устройством, организацией управления, состоянием армии и флота. Научную общественность интересовали данные о народах России, о ее истории, природных богатствах, науке и культуре. На все эти вопросы Бюшинг пытался дать ответы в своих журналах. Он сам неоднократно заявлял о том, что его издания преследуют цели удовлетворить запросы разных слоев немецкого общества, купцов и ученых, учителей и священников, офицеров и политиков, ремесленников и служителей муз.

Разнообразие интересов читающей публики, на которую ориентировался «Магазин новой истории и географии», обусловило и чрезвычайное многообразие публиковавшихся в нем материалов о России. В нем широко было представлено, во-первых, законодательство России XVIII в. Мы находим здесь «Генеральный регламент» Петра I 1720 г.⁵, петровскую «Табель о рангах» 1722 г.⁶, указы Петра I, Петра III и Екатерины II, имеющие отношение к секуляризации церковных и монастырских земель⁷. В 16-м томе были помещены указы

⁴ Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle, 1779. Bd. 1. Vorrede

⁵ Ibid Bd 1. S 111—144.

⁶ Ibid Bd 7. S 347—360.

⁷ Ibid Bd. 1 S 78—106.

Петра II о реорганизации государственных учреждений (Тайной канцелярии, Сената, коллегий)⁸, а в 1-м нашла отражение законодательная деятельность Екатерины II первых лет царствования⁹.

Особое внимание оказывалось при этом законодательству в области экономического развития России, в частности внутренней и внешней торговли. Указ Петра III Сенату от 27 марта 1762 г. и серия указов Екатерины II от 1762 г. в дополнение и исправление некоторых статей предыдущего касались торговли России зерном, мясом, смолой, деревом, льном, мылом, другими товарами, содержали особое распоряжение относительно торговли с границей, особенно с Китаем¹⁰. Новая серия указов была представлена в 9-м томе. Они касались организации внешней торговли России с Константинополем и Левантом¹¹, с Персией¹², торговли через Средиземное море¹³, Нарву, Ригу и Выборг¹⁴ и др. Заслуживает упоминания Таможенный тариф 1775 г., призванный стимулировать черноморскую торговлю России¹⁵, указ Елизаветы Петровны от 19 марта 1757 г. об организации денежного дела в Эстляндии и Лифляндии и др.

Следующую группу составляют статистические материалы разного рода: о населении, о современном состоянии различных отраслей народного хозяйства, торговле, армии и флоте. Назовем лишь некоторые. Это «Список податного населения м. п. в Российской империи по ревизии 1745 г.», в котором данные о количестве налогоплательщиков представлены по губерниям, провинциям, городам и уездам Российской империи¹⁶, уже упомянутый ранее «Список церквей и монастырей Российской империи на 1760 г.¹⁷, обстоятельный перечень всех сухопутных войск России, составленный в 1762 г. для импера-

⁸ Ibid. Bd. 16. S. 357—376.

⁹ Ibid. Bd. 1. S. 145—246.

¹⁰ Ibid. Bd. 3. S. 364—386.

¹¹ Ibid. Bd. 9. S. 133—150.

¹² Ibid. S. 151—162.

¹³ Ibid. S. 163—168.

¹⁴ Ibid. S. 169—252.

¹⁵ Ibid. Bd. 11. S. 371—436.

¹⁶ Ibid. Bd. 2. S. 441—468.

¹⁷ Ibid. Bd. 1. S. 42—77.

тора Петра III¹⁸, таблица военного флота на 1745 и 1757 гг.¹⁹ Последняя давала представление не только о числе военных судов, но и об их экипажах, о местах их стоянки и даже о режиме питания команд. Некоторые материалы такого рода имели отношение к прибалтийским провинциям империи, в том числе «Список дворян герцогства Лифляндии на 1729 г.»²⁰, «Список общественных и частных имений в герцогстве Лифляндии на 1765 г.»²¹ и др.

Много в «Магазине» Бюшинга разного рода статистических материалов, характеризующих торговлю России в XVIII в. Это прежде всего приложения к сочинению И. Ф. Кильбургера «О русской торговле», в которых были помещены «списки» товаров и «списки» судов. В главу о торговле России с Европой через Астрахань был вставлен «Список товаров, привезенных в Астрахань в 1763 г. на 33 иностранных судах»²². В конце сочинения находим «Список судов, прибывших во все русские гавани и вышедших из них в 1761, 1762 и 1763 гг.», в котором приведены данные о гаванях Кронштадта, Риги, Ревеля, Пярну, Аренсбурга, Астрахани и других русских портов²³. Здесь же обнаруживаем «Таблицу товаров, поступивших в Петербург и вывезенных из него в 1764 г.», подобный документ о торговле Риги в 1761 г., «Список судов, прошедших по Ладожскому каналу в 1763 г., и товаров, привезенных на них»²⁴. Носящие разрозненный характер, они, конечно, не давали возможности делать ообобщающие выводы, но в совокупности с законодательными актами создавали достаточно убедительное представление о роли России в европейской торговле в начале 60-х гг. XVIII в.

Большое место занимали в «Магазине» Бюшинга сочинения иностранцев о России, записки, дневники, описания путешествий. Некоторые из них относятся к разряду малоизвестных или неизвестных публикаций, отдельные представляют собой величайшую библиогра-

¹⁸ Ibid. Bd. 2. S. 469—482

¹⁹ Ibid. Bd. 9. S. 256—274

²⁰ Ibid. Bd. 3. S. 231—240

²¹ Ibid. Bd. 7. S. 361—416.

²² Ibid. Bd. 3. S. 290—302.

²³ Ibid. S. 343—351

²⁴ Ibid. S. 351—363

фическую редкость. Но журнал дал путевку в жизнь и многим интересным и ставшим авторитетными в русской и советской исторической науке источникам такого рода. К их числу принадлежит дневник Ф. В. Бергольца (1699—1765 гг.), опубликованный в четырех последних томах «Магазина». Бюшинг высоко оценил информативные возможности этого важного источника и предсказал ему долгую и плодотворную жизнь. «Во все времена историки России будут охотно использовать этот дневник», поскольку автор его «зафиксировал только то, что сам ежедневно слышал и видел или чему был свидетелем», — писал он во введении к публикации. Предсказание Бюшинга вполне оправдалось, дневник Бергольца, вместе с дневником Патрика Гордона, открытым для исследования Байером и Миллером, а также «Преображенной Россией» Ф. Х. Вебера, считается одним из признанных, авторитетных сочинений иностранцев о времени Петра I. Что касалось обстоятельности, точности и богатства сведений, то Бюшинг отдавал предпочтение дневнику Бергольца перед сочинением Вебера, которое уже к тому времени снискало, по его словам, «столь много справедливых похвал»²⁵. Он полагал, что дневник лучше и полнее знакомит читателей с Петром I, его семьей, семьей его брата Ивана, голштинского герцога, и многими другими личностями этой эпохи, чем все известные к тому времени исторические книги, описания путешествий и прочие исторические известия. Он отдавал ему полное предпочтение и перед собранием анекдотов о Петре I Я. Штелина, увидевшим свет в 1785 г.

Во введении к дневнику Бюшинг сообщил сведения об авторе, которые вошли затем в историческую науку. Фридрих Вильгельм Берголец, по его данным, был сыном состоявшего на русской службе голштинского дворянина, дослужившегося до чина генерал-лейтенанта. Но еще мальчиком Берголец был увезен в Германию и появился в Петербурге вновь в 1721 г. в свите голштинского герцога Карла Фридриха. Тогда же он начал вести дневник и продолжал его до 1725 г., отнюдь не предназначая его к печати. Во второй свой приезд в Россию в 1742 г. Берголец сопровождал сына герцога и дочери Петра I Анны, будущего Петра III, и ушел в отставку

²⁵ Ibid Bd 20. Vorrede.

в 1746 г. в чине великокняжеского обер-камергера. Остаток своих лет он провел в Висмаре, где в 1765 г. с ним, уже глубоким старцем, познакомился возвратившийся из России Бюшинг. Уже тогда он узнал о наличии дневника и проявил к нему большой интерес, однако заполучить его Бюшингу тогда не удалось. Автор его не был готов к тому, чтобы увидеть свое произведение напечатанным²⁶. Не помогла и переписка, организованная Бюшингом, который смог получить дневник только после смерти Бергольца. Человека, унаследовавшего бумаги, который хорошо относился к Бюшингу и к исторической науке, ему не составило труда склонить к его публикации.

Настойчивость, проявленная ученым в этой истории, весьма показательна. Она была свойственна ему всегда, когда речь заходила о важных исторических документах. Интересно отметить, что Бюшинг сумел в свое время, будучи лично знаком с И. Г. Фокеродтом, завладеть его дневником, посвященным времени Петра I. Это случилось в Галле в 1754 г. Любопытные характеристики этого автора, сделанные Бюшингом, были обнародованы А. Г. Брикнером²⁷. Что же касается дневника Бергольца, то он вошел в научный оборот благодаря публикации Бюшинга. Только на русском языке он выдержал три издания, сделанных на основе бюшинговского «Магазина». Самое полное в переводе И. Ф. Аммона вышло в 1902—1903 гг.²⁸ Этот интереснейший памятник, открытый Бюшингом, до сих пор не исчерпал своих источниковедческих возможностей и дает в руки заинтересованных исследователей уникальный материал о петровском времени²⁹.

Времени Петра I посвящались и заметки Г. Ф. Басевича, опубликованные Бюшингом в 9-м томе «Магазина» на французском языке³⁰. Бывший посол голштин-

²⁶ Ibid. Bd 20. Vorrede

²⁷ См. Брикнер А. Г. Указ соч С 6

²⁸ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях М, 1976. Т 1 С 101

²⁹ См., например: Агеева О. Г. Мемуарная литература как исторический источник по общественной и культурной жизни Петербурга I четверти XVIII в // Историографические и исторические проблемы русской культуры М, 1982 С 85—107.

³⁰ Magazin fur die neue Historie und Geographie Bd 9 S. 281—398.

ского двора, он имел «сильное влияние на развивавшуюся северную торговлю России, был, как никто другой, сведущ в ней». Поэтому, считал Бюшинг, обширная записка, «извлеченная из бумаг покойного», могла стать «прекрасным источником суждений об этом предмете». Она содержала новые данные о северной торговле России в первой четверти столетия и «много важных и приятных анекдотов» о Петре и его окружении. Так характеризовал публикацию Бюшинг, представляя читателям 9-й том «Магазина» в «Еженедельных известиях»³¹. Добавим к этому, что среди «бумаг», положенных в основу извлечения Бюшинга, были донесения голштинскому двору, реляции, письма и пр., которые свидетельствовали о том, что Бассевич принимал активное участие в переговорах русского двора со Швецией и Голштинией, что пользовался влиянием на политические дела «Севера» и после смерти Петра, хорошо знал обстоятельства вступления на престол Екатерины I. В 1865 г. с бюшинговской публикации был сделан русский перевод, и сведения Бассевича стали использоваться русскими исследователями³².

Большое значение имело обнародование Бюшингом хорошо известного сейчас историкам сочинения шведа Кильбургера о русской торговле. Оно появилось в 3-м томе «Магазина» под названием «Краткое известие о русской торговле, как она велась в 1674 г. ввозимыми в Россию и вывозимыми из нее товарами, сочиненное Иоганном Филиппом Кильбургером»³³. Предваряя его публикацию, Бюшинг высказал в предисловии мысли, которые как нельзя ярче характеризуют его взгляды. «История торговли любого государства, — писал он, — является важной частью его истории вообще. Торговля России благодаря множеству разнообразных естественных продуктов всегда имела огромное значение и становилась со временем все значительнее и прибыльнее для государства. Мощь этого государства во многом зависит от хорошо организованной и постоянно расширяющейся торговли; поэтому все источники по ее истории должны быть высоко оценены и взяты на вооружение.

³¹ Wöchentliche Nachrichten 1775. Bd. 3 S. 122.

³² Русский Архив. 1865 № 1, 2, 5, 6

³³ Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd. 3. S. 245—363.

Настоящие известия уже устарели, но именно поэтому очень нужны не только для изучения русской торговли, но и для изучения самой Российской империи»³⁴. Показу тех прогрессивных шагов, которые были сделаны Россией с 1674 г., должны были служить упомянутые выше документальные приложения к известию.

Как обычно, Бюшинг привел в публикации известные ему данные об авторе и истории рукописи, которая была передана ему для издания Г. Ф. Миллером. Ему, считал Бюшинг, должны были адресовать свои выражения благодарности за появление этого труда читатели. Издание Бюшинга дало основания для русских переводов сочинения Кильбургера. Наиболее полный сделан Б. Г. Курцом³⁵. Он содержит также дополнения к пятой части сочинения в виде двух глав, отсутствовавших в рукописи, принадлежащей Миллеру, и обнаруженных Шмидтом-Фисельдеком в другой, хранившейся в Вольфенбюттельской герцогской библиотеке. Этой публикацией Бюшинга, как и дневником Бергольца и другими материалами «Магазина», до сего времени пользуются немецкие историки³⁶.

Своими публикациями Бюшинг, вслед за Миллером, многое сделал для того, чтобы опровергнуть широко распространенное в Западной Европе мнение, будто настоящая история России начинается с Петра I, до прихода к власти которого она жила в полуварварских сумерках. Его высокое мнение о допетровской России основывалось на изучении источников и литературы, как русских, так и иностранных. Кроме сочинения Кильбургера он привел в своем «Магазине» еще несколько известий иностранцев, подтверждавших его выводы о высоком уровне развития Русского государства. Одно из них он представил читателям следующим образом: «И сейчас еще в разных странах есть одноглазые люди, которые считают Россию страной слепых и верят в то, что сами они являются дальновидными людьми. Но они весьма заблуждаются, и могут быть посрамлены не

³⁴ Ibid S. 246

³⁵ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.

³⁶ Amburger E. Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Giessen, 1961. S. 131.

только новейшим, но и древним временем»³⁷. Под древним временем в данном случае он имел в виду XVII в., и, как справедливо отметил уже Г. Мюльпфордт, «такое признание значения раннего времени, да еще в отношении России, было редким явлением в самоуверенном и гордом своим прогрессом веке Просвещения, который все достижения охотнее приписывал себе»³⁸.

Речь шла о помещенном в 9-м томе «Магазина» «Описании второго посольства Иоахима Скультетуса, тайного советника прусского королевства и бранденбургского курфюрства в 1675 г.»³⁹. В нашей литературе известно только первое (1673 г.), описанное И. А. Брандтом, профессором из Дуисбурга, который был в посольской свите. Оно публиковалось в Везеле в 1702 г. на немецком и в 1703 г. в Утрехте на голландском языках. О втором упоминания в пособии под ред. П. А. Зайончковского нет. Поскольку оно осталось совершенно неизвестным отечественным историкам, имеет смысл остановиться подробнее на этом сочинении. Бюшинг считал, что оно содержит «много занимательного и полезного». «Я не отрицаю, — замечал он, — что многословие Скультетуса местами и в особенности в описании русского двора несколько чрезмерно (и так похвально — скажем мы. — Л. Б.), но кто будет читать это сочинение не ради простого времяпрепровождения, но для того, чтобы найти к нем кое-что для истории и для сравнения древних и новых отношений, государственных порядков, обычаев, междоусобиц и титулов двора, тот найдет в нем много интересного и нужного»⁴⁰.

Из описания видно, что Скультетус приехал в Россию с «нотой» своих дворов (она помещена Бюшингом тут же, в 9-м томе⁴¹), в которой русское правительство побуждалось к введению войск в Лифляндию и объявлению войны Швеции. Воспользовавшись неблагоприятной для последней ситуацией, Россия, как говорилось в ноте, имела возможность отомстить ей за потерю Нарвы, Ингерманландии и Карелии. Скультетус был в Мо-

³⁷ Magazin für die neue Historie und Geographie Bd 9 Vorrede

³⁸ Mühlpfordt G. Ein deutscher Russlandkenner. S. 47.

³⁹ Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd 9 S. 3—

⁴⁰ Ibid. Bd. 9. Vorrede

⁴¹ Ibid. Bd. 9 S. 30—34

скве с 10 августа по 4 октября 1765 г., но все его усилия оказались тщетными. Война со Швецией в это время не входила в планы русского правительства, и Скультетус повез назад послание царя, в котором на немецком языке был приведен длинный, на несколько десятков строк его титул и в котором он, хотя и обещал помощь и поддержку королю и курфюрсту, но вечный мир со Швецией нарушить отказался. Русская дипломатия этого времени и вызвала восторженные отзывы Бюшинга. «Настоящее описание путешествия, — отмечал он, — показывает, насколько тонкой была мудрость русского двора при царе Алексее Михайловиче. Сколько усилий приложили бранденбургские послы, вместе с римско-имперскими и королевско-датскими, чтобы склонить русский двор к разрыву со Швецией, но тот, несмотря на все очевидные уверения, не сделал этого, но, наоборот, через своих послов сделал шведскому двору соответствующее представление. И хотя Россия подтянула свои войска к лифляндской границе, привлекая тем внимание шведского двора и вынуждая его не оголять эту границу, уведя свои, однако настоящей враждебности, на которую рассчитывали, так и не проявила, извиняя себя тем самым за эти действия».

Бюшинг обратил внимание на такой факт, который также служил доказательством его утверждений о высоком уровне русской дипломатии, что русский двор с древнейших времен «четко соблюдал разницу между посланниками, послами и резидентами иностранных дворов и не был склонен отклоняться от нее даже в самом малом». Обратил он внимание читателей и на другое достоинство сочинения Скультетуса, на обстоятельно описанную церемонию приема и вручения подарков, торжественного обеда, поездки царя в Троице-Сергиеву лавру, в которой его сопровождали послы иностранных государств, и пр. Эти описания, вне всякого сомнения, заслуживают внимания и советских исследователей.

Бюшинг был также первым издателем «Известия о географии Лапландии» Симона фон Салингена, сочиненного в 1591 г. Представитель датского короля в Лапландии, он занимался вопросами установления границ между Россией и Данией. В этом известии Бюшинг обратил внимание на то, что «древние европейские государи, в данном случае датский, не сомневаясь называли

русского царя кайзером. Это тем более удивительно, что в наше время при некоторых дворах еще сомневаются называть ли этим титулом русского монарха»⁴². Мнение Бюшинга не расходится с выводом советского историка, считающего, что признание иностранными государствами императорского титула за русскими царями и новой «империи» затянулось на целое полу столетие⁴³.

Бюшинг был первым издателем брачных контрактов и известий иностранцев о брачных делах царской семьи, изученных в конце XIX в. Д. М. Цветаевым⁴⁴. В его «Магазине» нашли отражение материалы на эту тему, начиная с брака Марии Владимировны Старицкой, дочери двоюродного брата Грозного, с Магнусом, сыном датского короля Христиана III, сватовства шведского принца Густава и датского принца Иоанна к Ксении Борисовне Годуновой и кончая несостоявшимся браком Вольдемара Датского и Ирины Михайловны 1644 г.

В заключение характеристики этой группы публикаций необходимо упомянуть оставшееся неизвестным у нас сочинение о России Петера фон Гавена⁴⁵. Датский чиновник, он был в России дважды, сначала в 1736—1737 гг., когда состоялось его путешествие в Азов, затем в 1744—1746 гг., когда он около года прожил в Москве и примерно четверть года на обратном пути в Петербурге. Сам автор считал, что за это время он имел «прекраснейшую возможность собрать надежные известия о предметах, которые каждый иностранец хочет знать»⁴⁶, и без промедления отдал их в печать. Уже в 1747 г. они увидели свет в двух частях в Копенгагене на датском языке. Немецкий перевод их был осуществлен служащим датского посольства в Петербурге А. Шумахером, который, как указывал в своем жизнеописании Бюшинг, использовал для этого не только свой жизненный опыт, но и советы знающих людей, Б. К. Ми-

⁴² Wöchentliche Nachrichten. Bd. 1. S. 131—132.

⁴³ См. Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725—1739 гг. М., 1976. С. 6

⁴⁴ См. Цветаев Д. М. Из истории брачных дел в царской семье Московского периода М., 1884; Он же. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований // Чтения ОИДР 1889 Кн. 4

⁴⁵ См. Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd. 10. S. 279—364.

⁴⁶ Ibid. S. 281.

ниха и Г. Ф. Миллера. Некоторые разделы сочинения Гавена были пересмотрены и самим Бюшингом, в том числе о торговле, о почтовом деле, о чем свидетельствует появление в них материалов за 50—60-е гг. XVIII в. Можно считать, что новая редакция известий о России Петера фон Гавена представляла собой скорее коллективный труд ряда весьма компетентных современников. Это обстоятельство подчеркивалось и названием публикации: «Различные отрывки из исправленных известий о Российской империи Петера фон Гавена, опубликованных в Копенгагене в 1747 г., переведенных на немецкий язык и еще раз исправленных и дополненных».

Сочинение это не было переведено на русский язык и осталось неизвестным в России. А между тем оно представляет несомненный интерес для характеристики разных сторон ее жизни в XVIII в. Достаточно привести название его глав: о земельных владениях в России, о ремеслах и художествах, о торговле (с экскурсом в историю внутренней и внешней торговли), о почтовом деле в России, известия о бароне Гюйсене, гофмейстере царевича Алексея Петровича, описания пути от Петербурга до Азова и городов на этом пути, о русском народе, о донских казаках и калмыках и др. Помимо собственных наблюдений заинтересованного путешественника в нем содержатся значительный цифровой материал, данные о доходах одного украинского владения, о подушных сборах, о ценах на товары, о судах, приходящих в русские гавани.

Единственным, кто знал эту публикацию Бюшинга, был П. П. Пекарский, которого привлекли в ней известия Гавена о Г. Гюйсене⁴⁷. Они содержат важный материал о заграничной деятельности вступившего на русскую службу в 1702 г. и ставшего известным дипломатом⁴⁸ барона Генриха фон Гюйсена. Именно он снабжал заграничную прессу известиями о России, вел переписку с издателями лейпцигских журналов, инспирировал некоторые работы о Петре I в Германии, что дает основание историкам ГДР именовать его «русским шефом прессы»⁴⁹.

⁴⁷ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. С. 91.

⁴⁸ Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 69, 204—205, 238 и др.

⁴⁹ Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland... S. 47.

Журнал Бюшинга уделял огромное внимание трудам русских ученых, подтверждая этим высокую оценку его редактором достижений русской науки. Благодаря его посредству немецкие читатели смогли познакомиться с оригинальными работами, созданными в России. Большинство их носило характер землеописаний, что вполне отвечало той цели, которую в конечном счете преследовал журнал — формирование научных представлений о природе, государственном устройстве и населении России. По авторитетному мнению Э. Винтера, переводная литература была одним из каналов развития немецко-русской и немецко-славянской взаимности в век Просвещения⁵⁰. И Бюшинг вносил в нее своей деятельностью достойный вклад. В «Магазине» были изданы «Оренбургская топография» П. И. Рычкова⁵¹, «Описание Молдавии» Д. Кантемира⁵², «Краткие географические, политические и исторические известия о Малороссии» В. Рубенова⁵³, дневник путешествия в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г. Н. Рычкова⁵⁴, «Известие о черкасских или кабардинских землях» Я. Штелина⁵⁵, «Известие о русских открытиях в Тихом океане» П. С. Палласа⁵⁶, отрывки из дневника И. Я. Лерхе о его путешествии в Астрахань и Персию⁵⁷. Среди материалов такого характера встречаются безымянные публикации: «Известия о городе Архангельске» (1764 г.)⁵⁸, «Краткое описание Кменигородской провинции в Выборгской губернии» (1764 г.)⁵⁹, «Описание путешествия от Санкт-Петербурга в Молдавию и обратно через Киев и Москву» (1770—1772 гг.)⁶⁰.

Здесь уместно вспомнить о человеке, который был ак-

⁵⁰ Winter E. Die Aufklärung bei der slawischen Völkern und die deutsche Aufklärung // Zeitschrift für Slawistik. 1957. Bd. 2. H. 2. S. 153—162

⁵¹ Magazin für die neue Historie und Geographie Bd. 5 S. 457—530, Bd. 6 S. 473—516, Bd. 7 S. 1—188.

⁵² Ibid. Bd. 3. S. 537—574; Bd. 4. S. 1—120

⁵³ Ibid. Bd. 9 S. 415—462.

⁵⁴ Ibid. Bd. 7. S. 417—474.

⁵⁵ Ibid. Bd. 6. S. 451—472

⁵⁶ Ibid. Bd. 16. S. 237—286

⁵⁷ Ibid. Bd. 3 S. 1—44; Bd. 10. S. 365—476

⁵⁸ Ibid. Bd. 4. S. 498—513.

⁵⁹ Ibid. Bd. 3. S. 478—496.

⁶⁰ Ibid. Bd. 7. S. 189—232.

тивным сотрудником Бюшинга в публикациях трудов русских ученых и других русских материалов, переводчике Христиане Генрихе Газе, чьи блестящие заслуги в развитии немецко-русских связей века Просвещения высоко оценены историками ГДР ⁶¹. Тюрингский пастор и адъюнкт философии университета Йены, Х. Г. Газе (1731—1791 гг.) начал изучать русский язык во время трехлетнего пребывания в качестве домашнего учителя в Лифляндии и Курляндии. Работа с русскими книгами в Веймарской герцогской библиотеке усовершенствовала эти познания, а тесная связь с Бюшингом окончательно определила его научные интересы. Им были переведены на русский язык и изданы в Германии две части «Русской истории с древнейших времен» М. М. Щербатова (Данциг, 1779), три тома дневника путешествия И. И. Лепехина (Альтенбург, 1774—1782), дневник Н. Рычкова (Рига, 1774). Большинство названных выше работ русских ученых в «Магазине» были переведены на немецкий язык им. Газе были составлены собственная грамматика и словарь русского языка, что в немалой степени обеспечило высокое качество его переводов, постоянно отмечавшееся как самим Бюшингом, так и критикой. Г. Ф. Миллер, написавший рецензию на перевод «Оренбургской топографии», которая была помещена Бюшингом в «Магазине», отмечая некоторые ошибки в нем, писал: «Удивительно не то, что в переводе есть ошибки, а то, что их так мало, и они так неважны, что могут быть замечены только такими читателями, которые в совершенстве владеют русским языком» ⁶².

Благодаря «Оренбургской топографии» Рычкова в Германии впервые было получено точное представление о столь значительном в историческом плане регионе, соединяющем два континента, Азию и Европу, который на протяжении многих столетий был своеобразной дверью в Европу для многочисленных азиатских наро-

⁶¹ См. Kunstmann H. Der Jenaer Adjunkt und Thüringer Geistliche Christian Heinrich Hase als Vermittler slawischen Kultur-gutes. Ein Beitrag zur Erforschung der deutschen Osteuropakunde im 18 Jahrhundert//Wiss. Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena Thüringen gesellschafts-und sprachwissenschaftliche Reihe 1957/58. Ja. 7. H. 4. S. 483—493; Feyl A. Beiträge zur Geschichte der slawischen Verbindungen und internationalen Kontakte der Universität Jena. S. 269—271.

⁶² Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd. 7. Vorrede.

дов. Г. Мюльпфордт считал публикацию этого труда в «Магазине» самой своевременной из всех изданий сочинения Рычкова. Когда в 1772 г. Бюшинг заканчивал его издание в «Магазине», на Урале началось восстание яицких казаков, ставшее своего рода увертюрой Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. И немецкие читатели, знакомые с трудом Рычкова, могли успешно ориентироваться затем в тех сообщениях, которые начали поступать в Германию о «разбойнике» Пугачеве и его действиях⁶³.

Столь же актуальной была и другая публикация Бюшинга — труда В. Рубенова о Малороссии. К Украине было тогда привлечено в Германии всеобщее внимание. Десятилетие спустя после Семилетней войны с Пруссией Россия вела вторую семилетнюю войну с Османской империей за обладание Южной Украиной (1768—1774 гг.). В Германии пристально следили за этой войной, поскольку на стороне России сражались многие немецкие солдаты и офицеры. И Бюшинг пошел навстречу широкой потребности в знании о прошлом и настоящем Украины, когда вслед за заключением в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора опубликовал в переводе Газе труд по украинскому краеведению Василия Рубенова, члена Вольного Российского общества при Московском университете, появившийся в Петербурге в 1773 г.

Этот труд представляет интерес и для современного историка. Основанный на материалах проведенного Коммерц-коллегией анкетирования, он рисует состояние Украины непосредственно перед изменениями 70—80-х гг., в частности перед губернской реформой 1775 г. и введением на Украине крепостничества. Помимо ценной информации о населении, городах, военном деле и управлении русской Украиной труд Рубенова содержит краткий обзор украинской истории. Из него немецкие читатели получили в XVIII в. первые обстоятельные знания о борьбе украинского народа против господства польской шляхты, за воссоединение с Россией.

«Непреходящая ценность исторического повествования Рубенова,— писал Г. Мюльпфордт, — заключается в том, что он считал главным содержанием украинской

⁶³ См. Mühlpfordt G. Ein deutscher Russlandkenner. S. 49.

истории борьбу украинского народа за свое освобождение, а вершиной этой борьбы — воссоединение с братским русским народом. Его краткая история Украины является выражением чувства русско-украинского единства во второй половине XVIII в., во время, когда в 1768 г. остававшиеся еще под гнетом польских панов крестьяне и казаки Западной Украины снова поднялись в гайдамацком восстании против своих угнетателей и когда оба народа, русские и украинцы, вместе боролись за освобождение Южной Украины от остатков турецкого и татарского владычества ... Для нас же, немцев, — заключал он, — замечательно то, что 180 лет тому назад нашелся немецкий ученый, который изданием этого русского сочинения... познакомил своих читателей с украинской освободительной борьбой и со столь значительным историческим событием, как воссоединение обоих славянских народов» в 1654 г.»⁶⁴.

Большую роль в развитии немецко-русских научных связей в XVIII в. сыграла публикация Бюшингом труда Д. Кантемира по истории и географии Молдавии. В предисловии к вышедшему в 1973 г. в Кишиневе «Описанию Молдавии» неверно утверждается, что Бюшингом были изданы «лишь третья и четвертая главы первой части» этого труда⁶⁵. В действительности Бюшинг издал в 3-м и 4-м томах «Магазина» весь труд в переводе с латинского на немецкий язык Иоганна Людвига Редслоба, профессора Берлинского кадетского корпуса. Правда, как отмечал он в письме к Миллеру, выдержки из которого приведены П. Гофманом, этот перевод был не совсем хорош и Бюшингу пришлось «слово в слово просмотреть его, сверить с латинским оригиналом и при этом многое поправить»⁶⁶.

Благодарность потомков за обнародование труда Кантемира по праву должен разделить с Бюшингом и Г. Ф. Миллер. Именно он сумел получить рукопись после долгих странствий ее за границей, куда она вместе с другими сочинениями Д. Кантемира была увезена в

⁶⁴ Ibid S. 62.

⁶⁵ Кантемир Дмитрий Описание Молдавии Кишинев, 1973 С XX

⁶⁶ Hoffmann P Zur Editions-geschichte von Cantemirs «Descriptio Moldaviae» // Ein bedeutender Gelehrter an der Schwelle zur Frühaufklärung Dimitrie Cantemir (1673—1723) Berlin, 1974. S 92.

1732 г. его сыном Антиохом. После его смерти в 1744 г. в Париже она была продана с аукциона, но, по счастью, попала в руки графа Томсона, зятя ставшего в 1747 г. профессором Петербургской Академии наук А. Р. Бургава. С последней рукопись возвратилась в Россию. После смерти Бургава в 1758 г. ее унаследовал лейб-медик императорского двора Крузе, от которого она перешла к Миллеру. Эту историю рукописи Миллер привел в предисловии к труду Кантемира, с которым он и был представлен на суд читателей Бюшингом.

Надо сказать, что Миллер пытался издать рукопись сразу, как только она попала в его руки. С предложением об этом он обращался к Бюшингу еще в 1760 г., когда тот был профессором в Геттингене⁶⁷, в 1762 г. он писал об этом лейпцигскому профессору И. Г. Бёме, известному специалисту в области издания источников, рассчитывая на его помощь⁶⁸. Не сумев «пристроить» рукопись тогда, он передал ее вместе с предисловием Бюшингу. Очевидно, это произошло в 1764 г., так как этим годом датировано предисловие. В нем Миллер сообщил также обстоятельные данные об авторе, о других его сочинениях, исправил многие биографические неточности, которые имели место в жизнеописании Кантемира, опубликованном в Англии вместе с его «Историей Турецкой империи» в 1734 г. Миллер справедливо считал, что «Описание Молдавии», этот «замечательный», по его словам, труд, не был простым землеописанием, но содержал и «прекрасные сведения по истории, исторических древностях, государственном устройстве и природе страны». «Я знаю это сочинение уже почти 40 лет», — писал он, — и это его заявление подтверждает упоминавшийся еще П. П. Пекарским факт знакомства ученого с семьей Кантемиров⁶⁹.

Публикация Бюшинга способствовала широкому международному распространению и признанию труда Кантемира. Уже в 1771 г. немецкий перевод его был издан отдельной книгой, он был положен и в основу русского перевода, увидевшего свет в 1789 г. В 1825 г. в переводе с немецкого было осуществлено первое румын-

⁶⁷ Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland.. S. 223.

⁶⁸ Hoffman P. Zur Editionsgeschichte... S. 90

⁶⁹ Magazin für die neue Historie und Geographie Bd. 3 S. 537.

ское издание книги, и только в 1872 г. был, наконец, опубликован латинский оригинал ⁷⁰.

Среди полученных Бюшингом из России безымянных сочинений нельзя не упомянуть описание путешествия из Петербурга в Молдавию и обратно в 1770—1772 гг. Судя по содержанию, автором его был состоящий на русской службе немецкий офицер, посланный на театр военных действий в Молдавию. Бюшинг писал, что автор не предназначал свои записки к печати, а передал их издателю «Магазина» «для чтения, из чисто дружеского расположения». Записки привлекли его внимание «как содержанием, так и новизной» ⁷¹. Бюшинг нашел в них много интересных известий «о русских армиях, выступавших против турок, об осаде Бендер, о чуме в России, Молдавии и Польше, об ужасном мятеже черни в Москве, во время которого был злодейски убит добропорядочный епископ Амвросий, столько географических заметок», что решился на их публикацию ⁷². Публикация вызвала у друзей Бюшинга в России, Миллера и Бакмейстера, знавших имя автора и считавших, что сочинение его написано «в весьма свободной манере» ⁷³, некоторое замешательство. Очевидно, оно было вызвано подробным рассказом о событиях чумного бунта, непосредственным наблюдателем которого оказался автор записок, задержанный в Москве на несколько месяцев эпидемией чумы (1771 г.). Обнародованный Бюшингом уже в 1773 г., по горячим следам событий, он явился первым известием о них, содержащим неофициальную трактовку происшедшего. Остается только сожалеть поэтому, что публикация Бюшинга осталась неизвестной для исследователей, разрабатывавших эту тему ⁷⁴. Даже А. Г. Брикнер, один из крупнейших знатоков истории XVIII в. и «Магазина» Бюшинга, прошел мимо этих известий ⁷⁵.

⁷⁰ Hoffmann P. Zur Editionsgeschichte. S. 93.

⁷¹ Magazin für die neue Historie und Geographie Bd. 7 Vorrede.

⁷² Wöchentliche Nachrichten Bd. 1. S. 130.

⁷³ Lauch A. Wissenschaft und kulturelle Beziehungen in der russischen Aufklärung S. 304

⁷⁴ См. Мордовцев Д. Чума в Москве 1771 года // Древняя и новая Россия 1875 Т. 2 С. 6—15, 104—128; Соловьев С. М. Москва в 1770—1771 гг. // Русская старина 1876 Октябрь С. 189—204; Алефиренко П. К. Чумный бунт в Москве в 1771 году // Вопросы истории 1947 № 4 С. 82—88

⁷⁵ См. Брикнер А. Г. О чуме в Москве в 1771 г. // Русский Вестник 1884. № 9. С. 5—48, № 10 С. 502—568

В 18-м томе «Магазина» Бюшинг опубликовал также немецкий перевод «славянской рукописи», хранившейся в библиотеке бранденбургского курфюрста, под названием «Подлинное и верное описание новой земли и царства Сибири, как оно было принято под власть Ивана Васильевича, царя и великого князя всея России»⁷⁶. «Славянская рукопись» — это не что иное, как список сочинения, известного под названием «Описание новья земли Сибирского государства...», подробного географического труда о Сибири, написанного неизвестным автором в 80-х гг. XVII в.⁷⁷ Оно имело широкую распространенность не только в России, но и за рубежом. Еще в середине прошлого века С. М. Строев обнаружил список его в королевской берлинской библиотеке⁷⁸, а в наше время копия «Описания» была обнаружена в Стокгольме в бумагах шведского посла в России И. Спарфенфельда⁷⁹.

Бюшинг был первым издателем «Описания», он воспользовался переводом на немецкий язык, который осуществил Эрнст Готлиб Берге. Последний выучил русский язык в Москве, где жил в 1670—1678 гг., в затем, по возвращении на родину, получил чин тайного секретаря и переводчика бранденбургского курфюрста⁸⁰. Берге написал и предисловие-посвящение, которое было предпослано Бюшингом «Описанию». В нем высказывались верные предположения о возможном авторе сочинения. Русские люди, считал Берге, уже в XVII в. «весьма далеко углубились в Мунгальскую Татарию, откуда через различные посольства, отправленные царем, начиная с 1660 г., проложили дорогу в Китай; и это описание вместе с кратким известием о Китае произошло от них»⁸¹. «Описание» представляло немецким читателям пространную характеристику сибирских земель, которая перемежалась экскурсами в историю освоения их рус-

⁷⁶ Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd 18 S 85—110

⁷⁷ История Сибири Л., 1968 С 158 Т 2

⁷⁸ Строев С М Описание памятников славяно русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции М., 1841 С 99

⁷⁹ История Сибири Т 2 С 158

⁸⁰ Amburger E. Op cit S 131

⁸¹ Magazin für die neue Historie und Geographie Bd. 18. S. 85.

скими. Большой интерес представляли географические и этнографические известия, данные об образе жизни, нравах, религиозных верованиях сибирских жителей и китайцев в конце XVII в.

Издание Бюшинга более чем на сто лет опередило первую русскую публикацию этого сочинения, которая была осуществлена лишь в 1890 г. А. Титовым⁸², считавшим себя его первым издателем.

«Магазин» Бюшинга можно рассматривать как важный источник для изучения творчества академика Г. Ф. Миллера. Он был самым активным сотрудником журнала, ибо рассматривал свою деятельность в нем как своеобразное продолжение начатой в Петербурге «Собранием Российской истории» просветительской деятельности пропагандиста и популяризатора научных знаний. С Бюшингом его связывали давние творческие связи. Еще в 1753 г. Миллер обратился к президенту Академии наук за разрешением ответить на некоторые вопросы Бюшинга по истории и географии России. Ему было разрешено это сделать, но указано, «чтобы только это делалось законно и чтобы вопросы, как равно и ответы, оставались в границах предметов обыкновенных, которые могут быть известны каждому». Все письма ему было велено читать в историческом собрании, а копии сдавать в академический архив⁸³. Установленного президентом порядка Миллер придерживался и в дальнейшем. Вся его позднейшая переписка с Бюшингом из Москвы шла через Петербург, а своеобразным цензором и посредником был инспектор академической гимназии, издатель знаменитой «Русской библиотеки», Г. Л. Х. (Логин Иванович) Бакмейстер. В отборе материала, отправляемого в Германию, что не было простой любезностью со стороны Миллера, так как Бюшинг в 70-е гг. выполнял роль посредника Архива коллегии иностранных дел по приобретению для библиотеки иностранных изданий и мог рассчитывать на некоторые ответные действия его руководителя, Миллер был весьма щепетилен. Он выполнял многочисленные и разнообразные просьбы

⁸² Титов А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 57—101.

⁸³ См. Пекарский П. П. История Академии наук. Т. I. С. 368—369.

Бюшинга (давал сведения о рекрутских наборах, о переговорах России с Пруссией, о новых экспедиционных работах в России, о новых статьях ⁸⁴) лишь в той мере, в какой находил это нужным и возможным, исходя из политических и международных интересов России. Бюшинг не раз подчеркивал это обстоятельство, цитируя письма Миллера в его жизнеописании. Иногда Миллер отказывал другу, не желая «давать материал в руки враждебных писак», или просил Бюшинга «выпустить или смягчить некоторые неудачные выражения и суждения, чтобы не давать повод недовольным иностранцам возводить на Россию ложные обвинения» ⁸⁵.

Что касается Бакмейстера, то он в свою очередь подстраховывал Миллера, оберегая его от возможных осложнений. Некоторые материалы, полученные от него, он придержививал и переспрашивал ученого, верно ли, что они предназначаются для издания Бюшинга. Учитывая это, можно отчасти согласиться с П. Гофманом, утверждавшим, что материалы, шедшие от Миллера, носили официальный характер. Это утверждение, однако, нельзя распространить на все, попавшее в журнал Бюшинга благодаря посредничеству Миллера. В первую очередь это относится к его антикрепостнической статье «О господине Ленге, рабстве вообще и русском в особенности» и «Надежным известиям о мятежнике Емельяне Пугачеве и затеянном им бунте», опубликованным Бюшингом в 18-м томе «Магазина». Написанные в условиях царившей в России реакции после подавления «пугачевского бунта», они могли появиться в печати только за рубежом, да и то после смерти Миллера ⁸⁶. Публикацией их Бюшинг, по мнению Х. Мормана, продемонстрировал свое убеждение в необходимости уничтожения крепостного права и сумел «под строгими взорами различных цензоров, которые следили за распространением его «Магазина», дать выход своим взглядам». Дав возможность прозвучать со страниц своего журнала «голосу буржуазного просветителя», Бюшинг выразил

⁸⁴ См. Гофман П. О переписке Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 292.

⁸⁵ D. Anton Friedrich Büschings.. eigene Lebensgeschichte. S. 129

⁸⁶ См. Белковец Л. П. К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера С. 160—166.

позицию по отношению к крепостничеству представителей буржуазной интеллигенции и России и Германии. Морман относит к заслугам Бюшинга то, что публикацией миллеровских статей он «довел до своих широких читательских кругов мысль о настоящей необходимости изменения общественных отношений»⁸⁷.

Кроме того, Миллер провел предварительную подготовку к печати ряда сочинений, опубликованных Бюшингом, снабдил их предисловиями и примечаниями, историческими справками об авторах. С примечаниями Миллера, которые были дополнены Бюшингом, увидела свет в 3-м томе «Магазина» глава вольтеровской «Истории Российской империи», посвященная царевичу Алексею Петровичу. В них была дана новая интерпретация событий, происшедших в России в начале столетия. Если Вольтер в истории царевича стоял на его стороне и единственное оправдание Петру I видел в том, что таковы были нравы России, которые противоречили установившимся в Европе нормам, то Миллер впервые заговорил не о праве отца судить своего сына, а о праве императора судить наследника престола⁸⁸.

Свой заочный спор с французским писателем Миллер продолжил и в другой статье «Магазина», посвященной доказательству факта существования некоего Шарля де Таллерана, посланника французского короля Людовика XIII в России в 1630—1635 гг.⁸⁹ Она касалась опровергнутого Вольтером известия Олеария об этом посланнике, который, будучи обвинен в шпионаже против России, попал в заточение⁹⁰. Вольтер считал это известие басней, а Миллер, который и раньше выступал против такого опрометчивого приговора, обнаружил в архиве письмо короля Людовика XIII к русскому царю Михаилу Федоровичу по делу Таллерана, вместе с краткими комментариями и составившее небольшую публикацию 16-го тома «Магазина»⁹¹. На нее, как на подтверждаю-

⁸⁷ Mohrmann H Op. cit S 28—29

⁸⁸ Magazin für die neue Historie und Geographie Bd 3 S 193—230, с 147, 150

⁸⁹ Ibid Bd 16 S 349—354.

⁹⁰ См подробнее Шмурло Е Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом С 150—153

⁹¹ Немецкий перевод ее см · Санкт-Петербургский журнал 1783 т. 1 С 120—129

щую известие Олеария, обратили внимание «Геттингенские ученые ведомости»⁹².

Миллеру принадлежит и целый ряд других документальных публикаций бюшинговского «Магазина», относящихся к истории международных отношений. Среди них можно назвать договоры между Норвегией и Новгородом от 1326 г. и между Россией и Данией от 1513 г., помещенные в 3-м томе, архивные известия о переговорах между русским и датским дворами с 1554 по 1677 г.⁹³, к которым в качестве приложения были присоединены известия о Лапландии Салингена. В 15-м томе Бюшинг поместил несколько брачных контрактов представителей дома Романовых с членами иностранных дворов, в том числе «грамоты о бракосочетании герцога Курляндии Фридриха Вильгельма с русской принцессой Анной»⁹⁴, которые сопровождались письмами герцога к Петру I и ответным письмом Петра I от 25 июля 1710 г. Здесь же находим «грамоты о разводе герцога мекленбургского Карла Леопольда с первой женой Софией Гедевиг и новом бракосочетании с русской принцессой Екатериной»⁹⁵. «Брачный договор между наследником престола Алексеем Петровичем и брауншвейгской принцессой Христиной Софией» вместе со статьей Миллера «О принцессе Вольфенбюттельской»⁹⁶ были призваны разъяснить обстоятельства женитьбы царевича Алексея.

В «Магазине» впервые увидели свет некоторые письма, рапорты, предложения, вышедшие из-под пера русских монархов, государственных деятелей России, дипломатов, в том числе переписка Екатерины II с Минихом, письма Петра III Мирбаху, письма и рапорты вице-канцлера и президента Коммерц-коллегии П. П. Шафирова, «предложения Паткуля», представляющие собой послания Петру I его личного посла в Пруссии И. Р. Паткуля, составленные им в разные годы и содержащие

⁹² Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen. 1784. S. 993—994.

⁹³ Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd. 7. S. 297—336.

⁹⁴ Ibid. Bd. 15. S. 201—220.

⁹⁵ Ibid. Bd. 15. S. 245—278.

⁹⁶ Ibid. Bd. 15. S. 221—240.

данные об отношениях России с европейскими странами. Этот перечень можно продолжать довольно долго.

При всей бросающейся в глаза хаотичности, отсутствии определенного плана в осуществлении публикаций русских материалов, поступавших в печать по мере их подготовки, можно все же выявить одно обстоятельство, которое соблюдалось при этом Бюшингом. Предпочтение отдавалось им тем документам, появление в свет которых было особенно актуальным. Это обстоятельство может быть отмечено не только в отношении некоторых публикаций, упомянутых выше. Оно уже было подмечено Г. Мюльпфордтом и в отношении материалов об освободительной борьбе русских крестьян в России, и в частности о Крестьянской войне С. Разина⁹⁷. Огромный интерес, который вызвали в Европе события Крестьянской войны под руководством Пугачева 1773—1775 гг., заставило ученого, не располагавшего материалами о ней, дать читателям возможность вспомнить о знаменитом предшественнике Пугачева. В 1775 г. он поместил в 9-м томе «Магазина» в переводе Газе отрывок из русского хронографа о восстании С. Разина⁹⁸. При этом была совершенно недвусмысленно проведена параллель между обоими руководителями восставших. Оба, как подчеркивал Бюшинг, были донские казаки, родились в одних и тех же местах, оба подняли на борьбу крестьян и казаков одного и того же региона России. Публикация стала возможна также благодаря Миллеру, который впервые обнародовал этот отрывок из хронографа, представляющий собой, как было установлено И. В. Степановым⁹⁹, не что иное, как текст официального приговора, вынесенного Разину, в 1763 г. в виде приложения к «Описанию Каспийского моря» Ф. И. Соймонова. Поскольку латинское сочинение И. Ю. Мерца о С. Разине, увидевшее свет в Йене в 1674 г.¹⁰⁰, было уже забыто, многие читатели «Магазина» получили первое близкое знакомство со второй Крестьянской войной в России.

⁹⁷ Muhlþfordt G. Ein Deutscher Russlandkenner S 47—48

⁹⁸ Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd. 9 S. 77—88

⁹⁹ См. Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина Л., 1966 Т. 1 С. 68—72.

¹⁰⁰ Иностранные известия о Степане Разине Л., 1975 С. 25—79.

И хотя документ носил официальный характер, будучи написан с позиций победителя, но даже в таком виде напоминание о грозном предшественнике Пугачева было весьма знаменательным. Оно во многом объясняет и более позднюю публикацию Бюшингом статьи Миллера о Пугачеве, появившуюся во время, когда в России не только писать, но и говорить о нем было строго запрещено.

Благодаря Миллеру читатели «Магазина» смогли познакомиться с «Извещением об обстоятельствах возведения на русский трон царя Михаила Федоровича»¹⁰¹. В нем подробно были описаны развернувшиеся в России события, связанные с выборами нового царя. Главной целью его было опровержение неверных известий о них в западноевропейской литературе, в частности, в труде Ф. И. Страленберга, а главным источником — подлинные документы, обнаруженные Миллером в Архиве коллегии иностранных дел. На это Миллер указал в начале статьи. Из документов, которыми оперировал автор, можно назвать боярский указ от 28 ноября 1612 г. о созове представителей духовенства, дворянства и городов в Москве, наказ послам, отбывавшим в Кострому, где в монастыре жил со своей матерью юный избранник, «приговорную грамоту» — решение Земского собора об избрании, составленную в апреле и утвержденную в мае 1613 г. При этом впервые в науку были введены подлинные известия о царе Михаиле Федоровиче и его семье, о процедуре избрания, о лицах, принимавших активное участие в событиях.

Используя показания русских и иностранных источников, Бюшинг и сам создал несколько оригинальных работ по русской истории. В 1773 г. он опубликовал небольшую статью «К истории царя Бориса Годунова», в которой попытался установить его дату рождения. Упомянув о том, что год рождения Годунова — 1552 — установлен по русским источникам Миллером, Бюшинг обратился к известию некоего Георгия Тектандера, сопровождавшего римского посла в Персию в 1602 г. и посетившего великокняжеский двор в Москве¹⁰². Согласно

¹⁰¹ Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd 2. S 401—406.

¹⁰² Ibid Bd 7 S. 250—254.

этому известию «великий князь праздновал свой день рождения 2 августа». Бюшинг считал возможным принятие даты 2 августа 1552 г. днем рождения Годунова, которая не противоречила русским источникам, утверждавшим, что Годунов умер «13 апреля 1605 г. 53 лет от роду». К этому остается добавить, что известие Текандера, а с ним и дата рождения Годунова остаются до сего времени неизвестными советским исследователям. В известной книге Р. Г. Скрынникова читаем, что Борис Годунов родился «незадолго до покорения Казани, в 1552 г.»¹⁰³.

Значительным вкладом в разработку русской истории должна быть признана краткая история дома Романовых, открывшая 1-й том «Магазина»¹⁰⁴. Эта статья посвящалась не всей истории династии, а лишь «обстоятельствам и причинам» смен на престоле, что подчеркивалось и ее названием: «Основательно исследованные и изысканные причины перемен правления в доме Романовых»¹⁰⁵. «Эти причины, — писал Бюшинг, — я тщательно изучил во время пребывания в Петербурге... и нашел возможность открыть многое, до сих пор неизвестное любителям исторических наук»¹⁰⁶. Изложение в статье начиналось с предыстории утверждения Романовых, с избрания царем Василия Шуйского 20 мая 1606 г. и доводилось до вступления на престол Петра III 25 декабря 1761 г. Значительное место отводилось в статье событиям второй четверти XVIII в. Дворцовые перевороты, участвовавшие в них и совершавшие их креатуры (Меншиков, Бассевич, Долгорукие, Лесток, Миних, Бирон, Остерман, Ягужинский, Черкасский, Голловкин и др.) предстали в ней перед судом читателей.

Взятые из первых рук, от непосредственных участников событий, сведения Бюшинга вошли затем в историческую науку, например, его рассказ о воцарении Екатерины I, событии, в котором главную роль играл А. Д. Меншиков, услышанный Бюшингом из уст Миниха. От Миниха он получил и информацию о свержении Бирона, регентство которого, считал Бюшинг, «слишком

¹⁰³ Скрытников Р. Г. Борис Годунов М, 1978 С 5

¹⁰⁴ Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd. 1. S. 1—40

¹⁰⁵ См.: Архив князя Воронцова. М., 1882 Т 25 С 1—50.

¹⁰⁶ Там же. С. 4.

неприятно было российской нации». Об обстоятельствах воцарения Елизаветы Петровны Бюшинг узнал от одной из фрейлин регентши Анны Леопольдовны, которая была еще жива в бытность его в Петербурге. Помимо свидетельств очевидцев, он широко использовал в статье русское законодательство, а также коллекцию медалей, изображения которых воспроизводились на страницах «Магазина».

К статье о переменах на престоле дома Романовых близко примыкают составленные Бюшингом жизнеописания А. И. Остермана¹⁰⁷, А. Бестужева-Рюмина¹⁰⁸, И. Г. Лестока¹⁰⁹, Б. К. Миниха¹¹⁰. Особенно пространно, оснащено документальным материалом последнее. Крупный знаток истории России XVIII в. В. А. Бильбассов считал этот труд Бюшинга лучшим биографическим трудом о Минихе¹¹¹. Особо отмечена им ценность сведений о турецком походе 1736—1737 гг., полученных от адъютанта командовавшего этим походом Миниха. Не скупился на похвалы этому сочинению и А. Г. Брикнер. Оно было названо им «прекрасной монографией», а весь ежегодник Бюшинга «драгоценным сборником»¹¹². Брикнер считал, что «монография Бюшинга, писателя вообще основательного и добросовестного, отлично знакомого с историей того времени» должна стать главным источником всех позднейших сочинений о деятельности Миниха.

Для исследователя представляет интерес и не столь пространное, но не менее достоверное жизнеописание А. П. Бестужева-Рюмина. Опираясь на сообщения своего героя, Бюшинг выводит его род фон Бест из графства Кент в Англии, характеризует его как ярого противника Пруссии и приписывает его падение в 1758 г. письму к командующему русскими войсками при Грос-Егерсдорфе Апраксину, который был отозван им в Россию для осуществления дворцового переворота. Воспользовавшись болезнью Елизаветы Петровны, Бестужев-

¹⁰⁷ Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd 2. S 408—414.

¹⁰⁸ Ibid Bd 2. S. 415—432

¹⁰⁹ Ibid. Bd 2. S 433—440

¹¹⁰ Ibid Bd. 3 S. 387—536

¹¹¹ Bilbassoff W. A. Katharina II: Keiserin von Russland im Urteile der Weltliteratur Berlin, 1897. Bd. 1. S. 122.

¹¹² Брикнер А. Г. Записки иностранцев о России в XVIII столетии Записки фельдмаршала графа Миниха. Б. м. Б. г. С 3

Рюмин хотел передать власть в обход прямого наследника Петра Федоровича его сыну Павлу и провозгласить регентшей великую княгиню Екатерину Алексеевну ¹¹³.

Истории царствующей в России династии были посвящены и две другие работы Бюшинга: «История русского императора Иоанна III» ¹¹⁴ и «История семьи Великой княгини и регентши Анны и герцога Антона Ульриха Брауншвейгского» ¹¹⁵. Первая была призвана удовлетворить тот огромный интерес к судьбе Ивана Антоновича, который имел место в Европе и который не был удовлетворен содержащими огромное количество домыслов публикациями о несчастной судьбе двух русских императоров Ивана Антоновича и Петра III, появившимися за рубежом в 60-е гг.

Когда разыгрались трагические события в Шлиссельбургской крепости, Бюшинг был в Петербурге и ему нетрудно было получить о них достоверную информацию. Более удивляет то, что не менее достоверной информацией он располагал затем в Германии о дальнейшей судьбе брауншвейгской семьи. Одним из информаторов был полицмейстер Петербурга Н. Корф, другие по разным соображениям названы не были, возможно, потому, что были еще живы во время написания работ. Осведомленность Бюшинга поражала Бильбасова. «Он описал убийство Ивана III его хранителями Власьевым и Чекиным с подробностями, коих сами убийцы на следствии не рассказали — это осталось тайной», — писал Бильбасов ¹¹⁶. Несмотря на отдельные неточности, отмеченные им в сочинениях Бюшинга, Бильбасов давал им в целом весьма высокую оценку. «То, что Бюшинг рассказал как свидетель, всегда верно, — замечал он, — его сведения, которые он благодаря своим связям черпал из надежного источника, всегда достоверны. Он был кроме всего прочего весьма проницателен и остроумен» ¹¹⁷.

Достоверность публикаций Бюшинга, отличавшая их от сообщений других иностранных авторов, была обус-

¹¹³ Magazin für die neue Historie und Geographie Bd. 2. S. 421.

¹¹⁴ Ibid Bd 6 S. 517—556

¹¹⁵ Ibid Bd 22 S. 415—424

¹¹⁶ Бильбасов В. А. Иоанн Антонович и Мирович М., 1908. С. 46

¹¹⁷ Bilbassoff W. A. Op. cit Bd. 1. S. 481.

ловлена еще одной предпосылкой, уже субъективного характера. Эти публикации были свободны от тех тенденциозных извращений, тех сознательных искажений, которыми так часто бывала отягощена немецкая, английская, французская, голландская, шведская и иная западная литература о России¹¹⁸. Отношение Бюшинга к России было в высшей степени благожелательным. Он был воспитан в просвещенном Галле в господствовавшем там духе интереса и симпатий к славянским народам. Пребывание в Петербурге усилило этот интерес и пробудило в нем любовь и уважение к русским людям. На протяжении всей своей жизни он выступал рьяным защитником дружеских культурных и экономических связей между Германией и Россией. Руководящим принципом его публицистической деятельности был провозглашенный просветителями идеал взаимопонимания народов и дружеского сотрудничества между ними.

Общественно-политические взгляды Бюшинга, сформировавшиеся в эпоху Просвещения, обнаруживают полное признание и защиту идей «просвещенного» абсолютизма. Он горячий поклонник Петра I, Екатерины II, их правительственных начинаний, законодательства, проведенных в России преобразований. В отношении последней высокий слог Бюшинга несколько тускнеет лишь в 80-е гг., когда появляется в его «Магазине» серия миллеровских статей. Но и в это время он проявляет почтительную лояльность по отношению к русскому правительству. Бюшинг оказывает всестороннюю поддержку внешней политике России, стремившейся обеспечить себе выход к морям, вернуть утраченные ранее территории. Вслед за Миллером он поддерживает ее продвижение на востоке, западе и юге, объясняя его жизненно важной для России необходимостью. Это не значит, однако, что Бюшинг не видел существовавших в России социальных контрастов и противоречий, не замечал деспотических черт в русском абсолютизме. Осведомленный о закулисных тайнах русского двора, Бюшинг не мог не видеть ничтожности отдельных его представителей. Но преследуя своими изданиями определенную, четко сформулированную им цель — дать читателям наиболее полное, научное представление о России, ее роли в между-

¹¹⁸ Mühlpfordt G. Ein deutscher Russlandkenner . S. 45.

народных делах, Бюшинг сознательно избегал обличений, острых критических замечаний и суждений. Этой цели служил и отбор предназначавшихся к печати сочинений. Предоставив суду общественности многие тайны феодальной дипломатии России, он намеренно обходил стороной сочинения, которые вольно или невольно могли бросить тень на Россию. Весьма показателен в этом плане случай с записками Фокеродта, в которых имел место резко отрицательный настрой автора к личности Петра I и его преобразовательной деятельности. Обладая сочинением Фокеродта, Бюшинг сознательно не нашел ему места в своем «Магазине».

Более того, Бюшинг использовал любую возможность, чтобы выразить свое восхищение Россией. «Где есть еще такая страна, которая бы так удобно расположилась среди всех морей, как Россия?.. — восклицал он в предисловии к сочинению Кильбургера. — Где есть еще такая страна, которую бы создатель пересек столь многими прекрасными реками, как Россия? Есть ли, наконец, такой народ, который бы так выгодно, с малой опасностью и расходами торговал со столь многочисленными народами во всем мире, как это делает и как это может делать русский народ?»¹¹⁹. Бюшинг был настоящим другом России, ни одно опубликованное им известие не было ей во вред, хотя образованный и умный читатель находил в его публикациях обширный материал для раздумий о судьбах России и ее народов, о ее настоящем и будущем. Что касается будущего России, то как статистик и экономист Бюшинг предвидел ее грандиозные возможности, ее роль в мировой политике. «А мы здесь, в Германии, — сетовал он, — даже не имеем достаточно верных известий об этой самой большой на земном шаре державе»¹²⁰.

Екатерина II, которая видела в Бюшинге своего верного союзника, что касалось заботы о славе России, по словам Бильбасова, еще в 1788 г. вспоминала о нем как о честном человеке, заслуживающем доверия¹²¹. Однако к этому необходимо добавить, что Бюшинг делал свое дело совершенно бескорыстно, не получая из России ни

¹¹⁹ Magazin für die neue Historie und Geographie Bd 3 S. 247.

¹²⁰ Ibid Bd 9. Vorrede

¹²¹ Bilbassoff W. A. Op cit Bd. 1. S 481.

денежных субсидий, ни дорогих мехов, ни каких-либо других подарков. Не удостоился он и чести стать почетным членом Петербургской Академии наук, хотя очевидно, что более, чем кто-либо из значащихся в списке во второй половине XVIII в. ученых, заслуживал этого. Единственное, чем он пользовался в своей деятельности — это доверие к нему русских людей, поставлявших ему документы, сочинения и прочие материалы.

Опубликованные Бюшингом в «Магазине» русские материалы сыграли в свое время огромную роль в развитии немецко-русских научных связей, в создании надежной основы для формирования научных представлений об истории и географии России. В подтверждение приведем только некоторые оценки «Магазина», высказанные в немецкой научной прессе. В 1769 г. «Лейпцигские ученые ведомости» пишут: «Г. доктор Бюшинг славным образом продолжает публиковать те полезные материалы, которые он собрал для расширения исторического и географического познания различных стран. Первый том его «Магазина» был уже с аплодисментами принят благодаря его богатейшему содержанию, но приходится признать, что второй, настоящий том, еще значительней... С удовольствием отметим, что г. доктор Бюшинг собирается обогатить это издание новыми томами, что будет очень приятно всем любителям истории»¹²².

«Огромное количество самых новых, чаще всего до сих пор неизвестных сведений, которые мы нашли в первом томе,— констатируют «Геттингенские ученые ведомости», — касаются всех частей истории и точного знания государств, и мы не сомневаемся в том, что, если направление журнала сохранится и далее, «Магазин» будет постоянно иметь огромное число заинтересованных читателей»¹²³.

«Геттингенские ученые ведомости» подвергли затем каждый новый том «Магазина» детальному и доброжелательному анализу. Много лестных слов было высказано и в адрес рассмотренных выше отдельных публикаций, особенно подчеркивались заслуги Бюшинга в разработке новой истории России. За все 22 года издания «Магазина» Бюшинг был вынужден только однаж-

¹²² Neue Zeitungen von gelehrten Sachen Leipzig, 1769. S. 35—37.

¹²³ Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen. 1767. S. 700

ды поспорить с рецензентом 9-го тома, которого не устраивало то, что «не все статьи этого тома одинаково важны для каждого» ¹²⁴. Эта рецензия была опубликована в «Кенигсбергской ученой и политической газете». Бюшингу чаще приходилось жаловаться на «грабеж», которому подвергался «Магазин», поскольку некоторые новые и важные материалы, публиковавшиеся в нем, заимствовались многочисленными журналами, помещались в другие издания, нередко без указания источника, что вызывало справедливый гнев и соответствующие отповеди Бюшинга.

С целью защитить научный приоритет Бюшинга и дать полное представление о содержащихся в журнале материалах Бениамин Готфрид Вайнарт предпринял в 1793 г. издание справочного тома «Магазина» ¹²⁵, имевшего четыре указателя (стран, географических названий, имен и предметов, авторов), которые хотя и содержат много ошибок и пропусков, но все же облегчают пользование огромным бюшинговским собранием.

¹²⁴ Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd. 10. Vorrede

¹²⁵ D. Anton Friedrich Büschings Magazin für die neue Historie und Geographie, fortgesetzt und mit nöthigen Registern über alle Theile versehen durch Benjamin Gottfried Weinart. Halle, 1793 Bd 23. 204 S.

3. Дискуссия о русских открытиях в Сибири и на Тихом океане на страницах «Еженедельных известий» А. Ф. Бюшинга

В течение пятнадцати лет (1773—1787) регулярно выходил критико-библиографический журнал Бюшинга «Еженедельные известия о новых ландкартах, географических, исторических и статистических книгах и сочинениях»¹, в значительной своей части также ориентированный на Россию. П. Гофман считает, что географическая и историческая литература о России представлена у Бюшинга гораздо полнее, чем в «Русской библиотеке» Г. Л. Х. Бакмейстера², которая выходила в эти же годы в Петербурге, Риге и Лейпциге и охватывала разнообразную литературу, издававшуюся в России. Зарубежные сочинения на русскую тему затрагивались в ней лишь отчасти. Бюшинговский журнал давал всесторонний обзор публикаций на основных европейских языках, начиная с поверхностных брошюр, более или менее достоверных описаний путешествий и кончая научными трудами. «Можно поражаться тому, — писал Гофман, — в каком большом количестве выходила во второй половине XVIII в. литература разных видов о России»³. У «Еженедельных известий» было и другое качество, отличавшее их от журнала Бакмейстера. Это был по-настоящему боевой, критический орган, дававший строгую

¹ D. Anton Friedrich Büschings Wöchentliche Nachrichten von neuen Landkarten, geographischen, historischen und statistischen Büchern und Schriften Berlin, 1773—1787. Bd. 1—15.

² Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwertigen Zustandes der Literatur in Russland, herausgegeben von Hartw. Ludw. Christ. Bockmeier. St. Petersburg, Riga, Leipzig, 1772—1787. Bd. 1—11.

³ Hoffmann P. «Anton Friedrich Büschings Wöchentliche Nachrichten» als Bibliographie der Russlandliteratur der siebziger und achtziger Jahre des 18. Jahrhunderts. S. 313—314.

отповедь различным инсинуациям и извращениям в отношении России в западноевропейской литературе.

В рецензировании книг на русском языке Бюшингу помогало достаточное знание русского языка, хотя в целом ряде случаев он отсылал своих читателей к бакмейстеровской «Библиотеке». Сам он во время очередной полемики со Шлецером писал с присущей ему скромностью, что знает русский язык очень мало, «ровно столько, сколько мне нужно, чтобы понять название исторической книги, ландкарты и тому подобных вещей или сделать короткий комментарий к географической книге»⁴. Этого знания, добавим, хватало и на то, чтобы определить важность того или иного сочинения, высказать пожелание о его немецком переводе или поручить его Газу.

Но «Еженедельные известия» охватывали, по возможности, всю литературу, выходившую в России, независимо от того, на каком языке она издавалась (русском, немецком или латинском), если она имела отношение к истории и географии. Мы находим в них пространные рецензии на «Историю Российскую» М. М. Щербатова, на труд по русской истории В. Н. Татищева, «Географический лексикон» Ф. И. Полунина и Г. Ф. Миллера, «Топографические известия» Г. Л. Х. Бакмейстера, «Записки путешествия по Западной Европе графа Шереметева», «Дневные записки путешествия Сергея Плещеева в Сирию», «Поход боярина Александра Семеновича Шеина на Азов» и другие работы, изданные на русском языке. В то же время Бюшингом широко представлена литература на немецком языке, выходившая в рижском издательстве И. Х. Гарткноха. Можно назвать двухтомный труд «Из истории Петра Великого», в котором в переводе Бакмейстера и К. Г. Арндта были опубликованы «Журнал, или Поденная записка императора Петра Великого» и другие материалы, появившиеся в России. Из латиноязычных изданий укажем известный труд И. Стриттера «*Memoria rerum*», содержащий относящиеся к русской истории отрывки из работ византийских хронистов, издания Петербургской Академии наук «*Novi Commentarii*» и «*Acta Academiae*», откуда брались для рецензирования статьи по интересовавшим Бюшинга вопросам.

⁴ Wöchentliche Nachrichten. Bd. 1. S. 372.

Широко представлены географические и исторические календари, выходившие в Петербурге на русском и немецком языках, «Древняя Российская Вивлиофика» Н. И. Новикова, немецкоязычные журналы К. Г. Арндта «Санктпетербургский журнал» и «Новый Санктпетербургский журнал». Эти журналы предназначались для иностранцев, живших в России, и широко представляли на своих страницах историко-географические труды русских ученых и писателей. В них, в частности, были изданы описания поездок Г. Ф. Миллера по Московской губернии и его статьи по истории малолетства Петра I. Одну из них — «О начале Преображенского и Семеновского полков гвардии», помещенную во втором и третьем номерах «Санктпетбургского журнала» за 1778 г., Бюшинг полностью воспроизвел в «Еженедельных известиях» в этом же году.

Журнал Бюшинга пристально следил за проводившейся в России в конце 60-х — первой половине 70-х гг. экспедицией Академии наук в разных частях страны. Имена С. Г. Гмелина, И. И. Лепехина, И. А. Гюльденштедта, П. С. Палласа, И. И. Георги и других ее участников буквально не сходили со страниц еженедельника. Тщательно отрецензированы были и их труды, которые стали выходить после экспедиции на разных европейских языках (русском, латинском, немецком, французском). Так, Бюшинг высоко оценил труд И. И. Лепехина «Дневные записки», немецкий перевод которого был издан в 1774 г. «Русский ученый, — писал Бюшинг, — еще не столь частое явление, чтобы можно было пропустить хотя бы одного, не нанеся этим ущерба их числу, тем более, что г. автор является одним из лучших. Он учился при Академии наук, затем в Страссбурге, где получил степень доктора медицины. В 1768 г., когда началось его путешествие, он был адъюнктом Академии наук, а с 1771 г. стал ее ординарным членом в естественной истории». Бюшинг подчеркивал заслуги Лепехина в организации плавания по Белому морю, исследованию его побережья и побережья Канина носа (Wöchentliche Nachrichten. Bd. 2. S. 387).

Особенно обстоятельны «Еженедельные известия» в отношении жизни и творчества видного ученого XVIII в., члена Петербургской Академии наук Петра Симона Палласа, бывшего одним из корреспондентов Бюшинга.

Здесь и извлечения из его писем, известия о публикациях его трудов, рецензии на них. Представляя читателям труд Палласа о переменах на земном шаре, который был опубликован в Петербурге на латинском языке в 1777 г. и тут же переведен на французский и немецкий, Бюшинг писал, что это «первая работа, в которой мы вместо спорных гипотез получили хорошее представление о происхождении высоких частей земного шара и о различном их положении. Главное заключается в том, что эти положения явились результатом опыта, собственных наблюдений путешественника, особенно в Сибири». Концепция Палласа относительно образования и изменения гор Кавказа, Урала, Алтая, Саян и др. была предложена Бюшингом своим читателям сразу же по выходе латинского оригинала. Рецензируя дневник Палласа как «результат шестилетнего трудного путешествия по большей части самой великой на земном шаре страны», Бюшинг высоко оценил вклад ученого в изучение географии России, ее природы, ее населения. Он видел в нем и прекрасного знатока истории и этнографии народов России. В рецензии на труд Палласа о монгольских народах, первый том которого на немецком языке был издан в Петербурге в 1776 г., Бюшинг писал: «Когда г. Паллас уезжал в Россию, мы надеялись на то, что он подтвердит и поднимет еще выше свою славу острого наблюдателя и основательного специалиста в естественной истории, которую он уже снискал здесь. Но никто не мог предполагать, что он станет первым настоящим историком монголов...» (*Wöchentliche Nachrichten*. Bd. 5. S. 70—71).

Еще более широко охватывали «Еженедельные известия» историческую и географическую литературу, выходящую за рубежом, в которой так или иначе затрагивалась Россия. Мы увидим далее, как в рецензиях на эту литературу Бюшингом отстаивались честь и достоинство русской науки и ее представителей. Весьма показателен также пример с «Описанием земли Камчатки» Г. В. Стеллера. Этот труд был издан в 1774 г. И. Б. Шерером во Франкфурте и Лейпциге, и в предисловии к нему издатель, обращаясь к ученым Парижа, Лондона и Стокгольма, попытался, как было заявлено, восстановить неизвестную им историческую истину и отдать приоритет в исследовании Камчатки Г. В. Стел-

леру. Шерер писал, что для путешествия на Камчатку Стеллеру был дан помощник, студент С. П. Крашенинников, который затем, вернувшись в Петербург, издал труд своего учителя под своим именем. «Итак,— заявлял он,— до сих пор мы пользовались историей Камчатки Крашенинникова, которая является всего навсего кастрированным и собранным из материалов Стеллера его трудом» (цит. по: *Wöchentliche Nachrichten*. Bd. 2. S. 186).

Бюшинг, как было отмечено уже П. П. Пекарским, первым из зарубежных ученых встал на защиту доброго имени С. П. Крашенинникова. Эта и другие инсинуации Шерера были квалифицированы им как «безответственная клевета». Ссылаясь на предисловие к «Описанию земли Камчатки» Крашенинникова, написанное Миллером, на труд о Стеллере И. Г. Гмелина, сравнивая между собой оба «Описания», Бюшинг убедительно доказал, что труд Крашенинникова является самостоятельным исследованием, хотя в его основу помимо собственных наблюдений были положены и материалы Стеллера. «Не подобает хвалить нашего соотечественника в ущерб даровитому русскому»,— заявлял ученый, и эти слова может взять в качестве девиза каждый историк науки, независимо от национальности (*Wöchentliche Nachrichten*. Bd. 2. S. 186).

Помимо рецензий «Еженедельные известия» публиковали многочисленные политические и экономические известия о России, сообщения о научной и культурной жизни Петербурга и Москвы, письма российских ученых. В журнале были такие рубрики, как «Политические известия из России за I (II) половину... года», «Кое-что о России», «Еще несколько известий из России», «Известия из России» и т. п. В них уделялось огромное внимание военным событиям и связанным с ними изменениям границ России («О сдаче турками Кинбурна», «О новых губерниях, Могилевской и Псковской», «О создании новых епархий для Новороссийской и Азовской губерний», «Об устройстве южных границ после войны» и пр.), переменам в административном устройстве России, новым распоряжениям о торговле, финансовом и банковском деле, событиям в Академии наук. В журнале находим самую полную библиографию издававшихся в России в эти годы карт, планов и чертежей как

гражданского, так и военного характера, демографические таблицы и прочий разнообразный материал о России.

Большой интерес представляют короткие (еженедельник выходил на восьми листах) оригинальные статьи на русскую тему Бюшинга, который выступал в журнале в нескольких ипостасях сразу: автора, составителя, редактора. Их свыше двадцати и посвящены они самым разным вопросам. Значительная часть их имела отношение к географии России («Кое-что для объяснения новейшего увеличения русского государства»⁵, «О числе городов в Российской империи»⁶, «О новой пограничной линии между Кубанью и Азовским морем»⁷, «Очерк истории географии в России»⁸, «О реке Яике в связи с отменой названия»⁹, «О размерах Российской империи»¹⁰ и др.). Но не менее полно была представлена и историческая тематика, нашедшая отражение в следующих статьях: «Краткая история дружеских связей между Россией и Пруссией»¹¹, «О жалованье русских военных чинов»¹², «Некоторые известия о русском князе Федоре Юрьевиче Ромодановском»¹³, «О горных заводах и приписных крестьянах»¹⁴, «О четырех русских деревнях, в которых заключали мир со шведами и поляками»¹⁵, «Из истории обучения юношества в России»¹⁶, «Кое-что о серебряных и золотых рудниках Сибири»¹⁷ и др. Уже сами названия свидетельствуют о широте научных интересов Бюшинга в отношении России и о том внимании, которое привлекала русская тема в Германии. Для уяснения роли этого бюшинговского журнала в формировании научных представлений о России в Западной Европе рассмотрим лишь один сюжет, который проходит практически через все

⁵ Ibid. Bd. 11. S. 345—348.

⁶ Ibid. Bd. 15. S. 49—51.

⁷ Ibid. Bd. 7. S. 282—284.

⁸ Ibid. Bd. 1. S. 17—23.

⁹ Ibid. Bd. 3. S. 417—418.

¹⁰ Ibid. Bd. 2. S. 174—175.

¹¹ Ibid. Bd. 4. S. 249—255.

¹² Ibid. Bd. 4. S. 329—332.

¹³ Ibid. Bd. 6. S. 109—111.

¹⁴ Ibid. Bd. 7. S. 374—376.

¹⁵ Ibid. Bd. 11. S. 249—260.

¹⁶ Ibid. Bd. 11. S. 297—300, 305—308, 315—317, 321—324.

¹⁷ Ibid. Bd. 3. S. 377—379.

тома «Еженедельных известий», — участие его в дискуссии о русских открытиях в Сибири и на Тихом океане.

Эти открытия были осуществлены в ходе многочисленных исследований азиатской части России и омывающих ее морей, от небольших локальных экспедиций до крупномасштабных и грандиозных, к числу которых принадлежала Вторая Камчатская экспедиция 1733—1743 гг. Литература, посвященная этим исследованиям, огромна. Но в ней имеет место существенный, на наш взгляд, пробел. Вопрос о том, как утверждались в мировой науке достижения России в области географического изучения этой значительной части земного шара, до сих пор в значительной степени остается открытым. В западноевропейской литературе и журналистике XVIII в. была развернута широкая дискуссия по поводу результатов этих открытий, в которую оказались втянуты ведущие географы разных стран. Главным объектом ее стали труды академика Миллера, а главным защитником позиций русской стороны — Бюшинг.

Советская литература, посвященная истории русских открытий, долгое время имени Бюшинга вообще не знала, поскольку и сама дискуссия не находила места на ее страницах. В трудах видных советских историков географической науки можно было встретить лишь краткое упоминание о полемике Миллера с Ж. Н. Делилем в начале 50-х гг. XVIII в.¹⁸ Первым об этой полемике заговорил П. П. Пекарский, и он же упомянул о публикации Бюшингом «какой-то» статьи Миллера «в защиту русского правительства от обвинений Энгеля», а также его примечаний к карте нового северного архипелага Я. Штелина. Пекарский сожалел, что не смог увидеть этих статей, так как считал, что выпусков «Еженедельных известий», где они помещены, «ни в публичной библиотеке, ни в академической не находится»¹⁹.

В 1959 г. появилась статья А. И. Андреева²⁰, в которой была приведена история публикации основного труда швейцарского географа Сэмюэля Энгеля (главного оппонента Миллера в Западной Европе) и изложена суть его обвинений в адрес русского ученого. Появилось в

¹⁸ См. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л., 1946. С. 353—354.

¹⁹ Пекарский П. П. История Академии наук Т. 1 С. 445.

²⁰ Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Второй Камчатской экспедиции // Известия ВГО. 1959. Т. 91. Вып. 1 С. 3—16.

ней и имя Бюшинга как посредника в полемике Миллера с Энгелем. А. И. Андреев ввел в научный оборот архивные материалы, в том числе переписку Миллера с Энгелем и Бюшингом, затрагивавшую этот сюжет. Однако он не совсем верно изобразил позицию Бюшинга в этом споре, поскольку обстоятельный анализ «Еженедельных известий», которые им упомянуты в ряде случаев, не входил в планы его исследования. Бюшинг представлен у него горячим поклонником идеи Энгеля о северо-восточном проходе, взгляд Бюшинга на главный тезис Энгеля о сознательном искажении истины Миллером по заданию русского правительства остался невыясненным. Осталась не до конца уясненной и позиция Энгеля, который в заключение статьи квалифицировался как соратник М. В. Ломоносова в вопросе о возможности северо-восточного прохода. К тому же А. И. Андреев допустил ошибку с атрибуцией книги некоего Шульце о русских открытиях, которая перешла затем и в другие исследования.

В том же 1959 г. в Берлине была защищена много раз цитировавшаяся выше докторская диссертация Петра Гофмана, в которой он попытался определить роль трудов Миллера в формировании научных воззрений на Восточную Сибирь и Тихоокеанское побережье России. Центральной темой этой работы известного ныне знатока немецко-русских научных связей XVIII в. стала дискуссия, развернувшаяся в литературе в связи с выходом работ Миллера и распространением в научном мире результатов его исследований. Но Гофман ограничил круг рассматриваемых работ западноевропейских географов и отказался от анализа научной периодики. Особенно сожалел он при этом, что был вынужден исключить из специального рассмотрения материалы бюшинговских «Еженедельных известий», настолько богатыми и интересными они ему представлялись и настолько существенным казался ему вклад Бюшинга в утверждение в науке позиций русской стороны²¹. Но диссертация П. Гофмана осталась неопубликованной, в 1976 г. появилась лишь его краткая статья «Г. Ф. Миллер как географ»²². Приходится сожалеть поэтому, что результа-

²¹ Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten für das Russlandbild.. S. 219.

²² Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller als Geograph. S. 43—59

ты исследования Гофмана остались в целом неизвестными советским историкам и географам. В нашей литературе в отношении заслуг в географии Миллера, не говоря уже о Бюшинге, продолжают бытовать некоторые устаревшие положения и оценки ²³.

Начало дискуссии положила полемика Миллера с Ж. Н. Делилем, одним из самых именитых петербургских академиков первых десятилетий существования Академии наук. В свете новых публикаций о Делиле ²⁴, который нередко рассматривался ранее как сознательный фальсификатор ²⁵ и иностранный шпион ²⁶, появилась необходимость еще раз вернуться к уже известному в литературе спору. Это поможет уяснить позицию Миллера, активным защитником которой стал в 70-е гг. XVIII в. Бюшинг.

В 1752 г. Делиль, незадолго перед этим покинувший Россию, опубликовал в Париже «Карту новых открытий на севере Южного моря» (как называли тогда французы Тихий океан) и так называемые «Изъяснения» к ней. В них он рассказал о некоторых результатах экспедиционных работ, проведенных в России в 20—40-х гг. XVIII в., в том числе о плаваниях В. Беринга, А. И. Чирикова и М. П. Шпанберга. Поскольку русское правительство до поры до времени сохраняло в тайне эти результаты, то известия Делиля были расценены как сенсационные и вызвали огромный интерес не только в ученом мире, но и у европейских дворов. Русский посол в Вене Г. Кейзерлинг обратил на него внимание президента Академии наук К. Г. Разумовского ²⁷.

Поступок Делиля был оценен в России как «предерзостный», и Миллеру как лучшему знатоку вопроса в марте 1753 г. было поручено «секретно» сочинить об-

²³ См., например: Александровская О. А. Русская географическая концепция первой половины XVIII в. // Изв. АН СССР Сер. географическая. 1986. № 6. С. 100—108.

²⁴ См.: Л. Эйлер и Ж. Н. Делиль в их переписке 1735—1765. // Русско-французские научные связи Л., 1968. С. 110—279; Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа. Л., 1984.

²⁵ См.: Третье плавание капитана Джеймса Кука М., 1971. С. 20.

²⁶ См. Медушевская О. М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-й половине XVIII века // Тр. Мос. историко-арх. ин-та. 1954. Т. 7. С. 97.

²⁷ См.: Пекарский П. П. История Академии наук Т. 1. С. 407.

стоятельное опровержение. Миллер получил задание «во оном опровержении свету показать нечестивые в сем деле Делилевы поступки и главные его карты изъяснения неисправности»²⁸. Для этого он получил отобранные почти восемь лет назад и переданные в Кабинет картографические материалы, собранные и подготовленные им во время Камчатской экспедиции и по возвращении из нее²⁹. Ему были выданы также копии судовых журналов пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел». Все это означало, что экспедиционная тема становилась рассекреченной.

Через месяц опровержение было готово и послано в Берлин Леонарду Эйлеру, который по поручению Академии наук организовал его издание³⁰. Оно появилось на французском языке отдельной брошюрой³¹ и с некоторыми поправками в «Новой библиотеке» С. Формея, выходившей в Амстердаме³². Тогда же в берлинском издательстве «Гауде и Шпеер», в котором потом начнут выходить и «Еженедельные известия» Бюшинга, переводчиком Иоганном Виктором Краузе был сделан немецкий перевод и опровержения³³, и «Изъяснения» Делиля³⁴. Опровержение было издано в виде анонимного «Письма русского офицера флота к некоему знатному придворному по поводу карты новых открытий на севере Южного моря и приложенного к ней исследования Делиля»³⁵.

«Изъяснение» Делиля состоит из двух частей. Первая — «Новые открытия на севере Южного моря» — представляет собой доклад, сделанный им 8 апреля 1750 г. в публичном собрании Парижской Академии на-

²⁸ ЛО Архива АН СССР. Ф 21. Оп 1 № 23. Л 12

²⁹ См. Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Второй Камчатской экспедиции С 4

³⁰ Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonard Euler Berlin, 1753 S. 28—29

³¹ Lettre d'un officier de la marine russe. Berlin, 1753

³² Nouvelle Bibliothèque Germanique ou Historie Littéraire.. Par M. Samuel Formey 1753. Bd 13 S. 46—87.

³³ Schreiben eines russischen Officiers von der Flotte Berlin, o/Ja 54 S

³⁴ Erklärung der Charte von den neuen Entdeckungen welche gegen Norden des Süder — Meers. gemacht worden sind Berlin, 1753. 48 S

³⁵ Рукописный русский перевод в ЛО Архива АН СССР Ф 21. Оп 5 № 159 Там же хранится и рукописный русский перевод сочинения Делиля — Ф. 11. Оп 1. № 99.

ук. В нем на основе данных, которыми Делиль располагал, и была представлена история экспедиционных исследований русских в Тихом океане. Наиболее близким к истине был рассказ его о Первой Камчатской экспедиции В. Беринга, услышанный, по утверждению автора, из его собственных уст. Зато плаванию Беринга 1741 г., о котором Делиль располагал минимальными известиями, было посвящено всего 25—30 строк. Он считал, что Берингу, плавание которого из-за сильной непогоды длилось недолго, не удалось достичь берегов Америки. Более подробно было описано плавание А. И. Чирикова, поскольку на боте «Св. Павел» с ним был брат Делиля, астроном Л. Делиль де ла Кройер, бумаги которого, очевидно, побывали в руках автора. Во второй части «Изъяснения» на 20 страницах из 48 были помещены известия Делиля о плавании вдоль западного побережья Америки в 1640 г. испанского адмирала де Фонте и его так называемая «реляция» об этом плавании. Она была прислана Делилю из Лондона в Петербург еще в 1739 г.

Возражения «офицера русского флота», отразившего мнение Академии наук, вызвали не столько эти скудные, частью не во всем верные известия Делиля (подобный прецедент уже имел место — публикация «Путешествия по Сибири» И. Г. Гмелина³⁶), сколько предисловие, которое открывало «Изъяснение». Очевидно, оно явилось своеобразной реакцией на те гонения, которым Делиль подвергся в 1748 г. со стороны всесильного главы академической канцелярии И. Д. Шумахера. Узнав о нелестных высказываниях Делиля в свой адрес, Шумахер исключил его из почетных членов Академии, отдал его место старинному противнику Делиля Ж. Б. Д'Анвиллю, лишил его пенсии³⁷.

Желая утвердить пошатнувшийся авторитет, Делиль в предисловии сделал все возможное, чтобы подчеркнуть свои заслуги перед русской наукой. Однако это желание перешло все разумные пределы. «Я» и «мой брат» — эти слова присутствуют почти в каждой строке предисловия. По заявлению Делиля выходило так, что он был главным инициатором всех географических работ в Рос-

³⁶ Gmelin I. G. Reise durch Sibirien. Göttingen, 1751—1752. Bd. 1—4.

³⁷ См. Певская Н. И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. С. 79.

сии, в том числе и Второй Камчатской экспедиции, поводом для которой послужила представленная им в 1731 г. императрице Анне Ивановне и Сенату карта, сделанная по результатам первого плавания Беринга. Что же касается брата, то он был изображен едва ли не единственным исполнителем задуманных Делилем планов. «По прибытии моем в Россию, — писал Делиль, — я по приказу тамошнего двора усердно работал, собирая все необходимое для географии этой огромной страны. Мой брат де ла Кройер... объехав самые отдаленные уголки Архангельской губернии для определения положения этой окраинной части империи, проехал затем оставшуюся часть России и Сибири, до самых внешних восточных ее границ, и более того, он решил сесть на корабль в самой отдаленной гавани Камчатки, имея намерение открыть лежащие между Азией и Америкой на севере Южного моря земли». Такое начало могло озадачить и самого непредубежденного читателя.

Из дальнейшего повествования следовало, что Делиль намерен обнародовать все, что он собрал в России из области географии, астрономии и естествознания. Он заявлял, что постепенно представит новые, как общие, так и специальные карты России, основанные на результатах астрономических наблюдений, «из которых будет видно, что карты, изданные в свет в Петербурге, хотя и изготовлены с учетом собранных мною известий и по моему плану, не обладают ни правдивостью, ни точностью, которые им надлежало иметь». Надо думать, что именно это заявление и послужило основанием для обвинения Делиля в увозе за границу журналов астрономических наблюдений, которое было выдвинуто в Академии в 1752 г. ³⁸.

По вполне понятным причинам в России не могло понравиться и утверждение Делиля о том, что земли, расположенные на всем пространстве между Азией и Америкой в северной части Тихого океана, исследования которых, проведенные русскими, оставляют желать много лучшего, давно уже открыты испанским адмиралом де Фонтелем ³⁹.

Против этих главных утверждений Делиля и был направлен весь пафос письма «русского офицера флота»,

³⁸ Там же С. 80.

³⁹ Erklärung der Charte von den neuen Entdeckungen.. S. 27.

якобы побывавшего в плавании с Берингом в 1741 г. и хорошо осведомленного⁴⁰. При этом он не скрыл и своего знакомства с Делилем, а также сообщил о себе другие известия, из которых имя его, по крайней мере для Делиля, должно было стать совершенно очевидным. Восстанавливая верную предысторию Второй Камчатской экспедиции, Миллер рассказал о деятельности И. К. Кирилова, с которым был близко знаком, и дал оценку составленного им Российского атласа. Инициаторами экспедиции, считал он, были сами участники плавания 1728 г., Беринг и Чириков, поддержанные Адмиралтейств-коллегией. Миллер сообщил, что служил Берингу переводчиком в беседах на эту тему, был хорошо знаком с Делилем и был свидетелем его географических работ. Делиль взялся за изготовление карты, утверждал Миллер, когда решение об экспедиции было уже принято и последовало соответствующее распоряжение Сената Академии наук. «Так что г. Делиль не только не вдохновил русских к новым открытиям, — заключал Миллер, — но, более того, сам работал в соответствии с полученным приказом». При этом Миллер делал вполне справедливый упрек в адрес карты Делиля и сделанного пояснения к ней, заметив, что едва ли они послужили на благо экспедиции⁴¹. Изображенные на карте к востоку от Камчатки мифические земли да Гамы, Компании, Езо, на поиски которых было направлено внимание Беринга и Чирикова, как известно, явились одной из главных причин их неудач.

Второй главный пункт возражений Миллера составило заявление Делиля о намерении издать в свет генеральные и специальные карты России, основанные на астрономических наблюдениях. Это было то дело, которое, как полагал Миллер, Делиль должен был сделать в России. Но он, ссылаясь на недостаток сведений о положении отдельных мест, установленных при помощи астрономических наблюдений, затягивал дело, пока, наконец, в 1740 г. Академия не привлекла к этому других членов. Они начали готовить карты, из которых в 1745 г.

⁴⁰ Такое утверждение имело основание. Миллер уже тогда рассуждал журналом Свена Вакселя, заменившего Беринга в командовании пакетботом «Св. Петр», отлично знавшего все обстоятельства плавания к берегам Америки и обратно (см. Андреев А. И. Труды Миллера о Второй Камчатской экспедиции. С. 8).

⁴¹ Schreiben eines russischen Officiers von der Flotte.. S. 21.

составился «новый русский Атлас». Таким образом, вина за его недостатки лежит и на Делиле⁴².

От своего мнения о Делиле-географе Миллер, несмотря на всю свою дружескую расположенность к нему, не отказался и потом, когда, разрабатывая историю Академии наук, писал: «Он был хорошим и точным наблюдателем небесных явлений, настолько глубоко познавшим астрономическую теорию, насколько это было необходимо для практики; но в географии он не был сведущ, так что я не ошибусь, если скажу, что в этой науке от него ничего не произошло. Он многое начинал, но не доводил до конца. Он был более богат на предложения, чем счастлив в их исполнении»⁴³.

Заявление Делиля наводило также на мысль о том, что он взял и увез во Францию то, «что по праву принадлежало нам», писал Миллер, объясняя этим и нежелание Делиля в последние перед отъездом годы знакомить Академию со своими сочинениями, и утайку «реляции» де Фонте, которую Делиль, обладавший ею с 1739 г., «не показал ни одному члену Академии»⁴⁴. Подчеркнув, что, несмотря на обещание дать «исправнейшие» карты России, Делиль для своей карты 1752 г. просто скопировал Сибирь из русского Атласа, не внося в нее никаких изменений, Миллер заявлял: «Сильно заблуждается тот, кто ожидает от Франции карты лучше тех, которые мы в состоянии изготовить сами... Слава их составления будет принадлежать нашей великодержавной императрице и всей нации...»⁴⁵.

Особенно возмутило «русского офицера флота» изображение Делилем героических усилий своего брата по изучению географии России. Как и ранее в своих донесениях из Сибири, Миллер еще раз подчеркнул, что «надежды, возлагавшиеся на него, были неосновательны. Я был свидетелем того образа жизни, который вел сей профессор, а после его смерти обнаружил, сколь мало среди его бумаг находится наблюдений, сделанных им самим без помощи г. лейтенанта Красильникова. Именно ему, этому умелому ученику г. Форварсона, одного

⁴² Ibid. S. 10.

⁴³ Материалы для истории Академии наук Т. 6. С. 49.

⁴⁴ Schreiben eines russischen Officiers von der Flotte... S. 6—7.

⁴⁵ Ibid. S. 53.

из основателей флота, надо по большей мере приписать те наблюдения, которые под именем де ла Кройера были посланы в Академию»⁴⁶.

Не мог Миллер пройти и мимо названий на карте Делиля, и в частности названия «Земля, которую видели г. Чириков и г. Делиль де ла Кройер». Последний «должен был быть слепым, если бы не увидел берега, которые видели все, ибо он был только зрителем», — заявлял Миллер. «Наши матросы гораздо более заслуживают того, чтобы быть увековеченным, чем г. де ла Кройер, так как они честно трудились; жаль, что список их имен из-за его продолжительности не может быть здесь приведен»⁴⁷.

В письме Миллер категорически отверг «реляцию» де Фонте как баснословную и привел доводы в пользу того, что и сама личность адмирала является мифической⁴⁸. Уже здесь Миллер дал хотя и краткий, но действительно подлинный рассказ о Второй Камчатской экспедиции. Без упоминания имени С. Дежнева было приведено известие о его плавании 1648 г. из устья Лены к устью Анадыря, а также сведения об экспедициях Д. Павлуцкого, А. Шестакова и М. Гвоздева.

Среди географических вопросов, затронутых Миллером, был и вопрос о северо-восточном проходе из Ледовитого океана в Тихий. Чрезвычайные трудности, с которыми столкнулись участники плаваний в Ледовитом океане, многочисленные жертвы, понесенные ими, огромные затраты показали, считал он, «сколь мало можно рассчитывать на путь через Ледовитый океан, который с таким усердием искали ранее англичане и голландцы»⁴⁹. Не отрицая совсем возможности такого прохода, о которой свидетельствовало и приведенное им известие о плавании С. Дежнева, Миллер полагал, что на него потребуется 3—4 лета и смогут осуществить его не иностранцы, а русские, всесторонне поддержанные своими властями⁵⁰.

Выступление «русского офицера флота» не прошло незамеченным. Уже в первой половине 50-х гг. поднятые

⁴⁶ Ibid. S. 6.

⁴⁷ Ibid. S. 42—43.

⁴⁸ Ibid. S. 42—43.

⁴⁹ Ibid. S. 40—41.

⁵⁰ Ibid. S. 41.

в нем вопросы стали активно обсуждаться в западноевропейской литературе. Позицию Делиля поддержал французский географ Филипп Бюаш, с помощью которого была изготовлена карта Делиля 1752 г. В 1753—1755 гг. он опубликовал трехтомный труд по географии, в котором рассматривались и открытия на севере Тихого океана⁵¹. П. Гофман называет этот труд образцом описательной географии середины XVIII в., в котором удивительным образом сочетались и верные, и фантастические сведения⁵². Признав, что в целом благодаря усилиям русских знание северо-восточной Азии заметно улучшилось, Бюаш подверг критике позицию «русского офицера флота» и пытался отстоять положения Делиля. В. И. Греков писал, что, кагаясь, к примеру, плавания М. П. Шпанберга, Бюаш доказывал, что оно не опровергло представлений о существовании указанных на карте Делиля земель, а острова, которые были зафиксированы экспедицией, признавал лишь за разные части этих земель⁵³.

Позиция Миллера была поддержана английским географом Артуром Доббсом, который перевел «Письмо русского офицера флота» на английский язык и издал вместе с переводом сочинения Делиля и своими собственными комментариями в 1754 г. Примечания Доббса привлекли внимание Л. Эйлера, который в этой ситуации был явно солидарен с Миллером, и по его инициативе их немецкий перевод увидел свет в Берлине отдельной брошюрой⁵⁴. Доббс считал, что «Делиль хотел присвоить себе и своему брату честь новых открытий, тогда как очевидно, что она целиком или хотя бы по большей части принадлежит русским, которые неукротимо и с риском для жизни плавали в этих местах и делали свои открытия как на суше, так и на море, в то время как Де-

⁵¹ Buache Ph. *Considerations géographiques et physiques sur les nouvelles découvertes au nord de la grande mer.* Paris, 1753—1755 Bd 1—3.

⁵² Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten... S 200.

⁵³ Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960. С. 108.

⁵⁴ Dobbs A. *Betrachtungen über die russischen Entdeckungen in dem Schreiben eines Officiers von der russischen Flotte an einen Herrn.* Berlin, 1754. 30 S.

лиль, если что и сделал, так это то, что извлек из их донесений и карт нужные ему данные»⁵⁵.

Доббса убедил рассказ «русского офицера флота» и о тех трудностях, с которыми встретились участники Второй Камчатской экспедиции, пытаясь пройти по Ледовитому океану из устьев сибирских рек. «Русские, — писал он, цитируя Миллера, — хотя и были великого разума и немалой отваги в своих предприятиях, но не достигли успеха», и если уж они, «сильные, привыкшие к холоду и льдам люди, используя лучшее время года и все выгоды принадлежащего им побережья, не могли достичь Чукотки, то корабли отдаленных от него государств встретят такие трудности, которые сделают совершенно невозможным этот путь в Индию, если он только не будет открыт ближе к северу»⁵⁶. Побуждая Россию к организации нового плавания к берегам Америки, Доббс, который действительно принял Миллера за морского офицера, заключал свои примечания следующими словами: «Я был бы очень рад, если бы остроумный и глубокий автор суждений о статье и карте Делиля был использован в этом, столь важном предприятии, так как его большой опыт самым весомым образом обещает, что он в состоянии отстоять свою честь, как и славу императрицы России и всего государства»⁵⁷.

Миллер продолжил разработку этой темы, и в 1753 г. под его руководством и по его данным была изготовлена карта открытий в Тихом океане, опубликованная в 1754 г. и переизданная Академией наук в 1758 г.⁵⁸. На карте были показаны маршруты С. Дежнева, В. Беринга, А. И. Чирикова. По словам П. Гофмана, карта давала хорошее представление о реальном состоянии знаний того времени в отношении земель, лежащих на стыке Азии и Америки, на ней не было уже фантастических образований, присутствовавших на карте Делиля⁵⁹. И хотя эта карта также не была совершенной и на ней не были отражены некоторые важные подробности, имев-

⁵⁵ Ibid. S 3

⁵⁶ Ibid S 20—21

⁵⁷ Ibid S 30.

⁵⁸ Nouvelle carte decouvertes faites par des vaisseaux Russiens aux connues de l'Amerique septentrionale.. SPb., 1758.

⁵⁹ Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten... S. 51.

шиеся на картах Морской академии, к которым Миллер не имел доступа, все же она давала наиболее полное по тем временам представление о самых значительных русских открытиях в этом районе до 1742 г. В дополнение к ней Миллер опубликовал в 1757 г. в «Ежемесячных сочинениях» статью «Долготы и широты разных мест Российской империи, астрономическими наблюдениями определенные», которая представила полный каталог результатов, полученных в России в первой половине XVIII в.

В 1758 г. на русском и немецком языках было опубликовано уже упомянутое ранее «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных» Г. Ф. Миллера. В нем был дан обстоятельный рассказ о плаваниях русских мореходов в этом районе, начиная с С. Дежнева и кончая Второй Камчатской экспедицией, на основе подлинных документов, обнаруженных им в якутском архиве, по судовым журналам, дневникам, рапортам и пр. Американский историк Ф. Гольдер, автор труда об экспедициях В. Беринга (1922) считал работу Миллера «самой важной книгой по этому вопросу» и писал, что «хотя с той поры было потрачено много бумаги и чернил для описания путешествий Беринга, но все же прибавилось очень немного к тому, что было известно из труда Миллера»⁶⁰. Поскольку Миллер пространно цитировал источники, работа его и сейчас сохраняет ценность для истории изучения Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Будучи широко разрекламировано немецкой научной прессой, сочинение Миллера о русских открытиях стало своего рода бестселлером XVIII в. В 1761 г. Т. Джефферизом был сделан английский перевод «Описания», который в 1764 г. вышел вторым изданием. Д. Кук взял его вместе с картой Миллера в своё плавание в Тихом океане⁶¹ (перевод Т. Джеффериза был переиздан в 1967 г. в Нью-Йорке). В 1766 г. вышло французское издание, в 1784 г. — датское, два издания были осуществлены в Германии на немецком языке в 70-е гг. Все это свидетельствовало о глубоком интересе к Тихому океану в Западной Европе. Миллер, автор этого первого обобщающего исследования о русских открытиях, стал признан-

⁶⁰ Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири С 101.

⁶¹ Третье плавание капитана Джеймса Кука. С. 18.

ным авторитетом в вопросах географии северо-восточной Азии и северной части Тихого океана.

В нем Миллер еще раз вернулся к спору с Делилем, чтобы ответить на замечания Бюаша. Он подчеркнул, что, критикуя Делиля, не имел намерения «к нарушению законов благопристойности и никакой вражды с г. Делилем у него не было». Он поступил «по совести своей и для подтверждения правды...» Однако этика ученого заставила Миллера признать и справедливость некоторых замечаний Бюаша. Он заявлял, что хотел бы исключить из письма, напечатанного «без сочинителява ведома», «некоторые места... а паче те, которые касаются до находившегося при Камчатской экспедиции покойного профессора Делиля де ла Кройера, потому что он ответствовать за себя не может»⁶².

Во всех работах Миллера было столько нового, неизвестного ранее, что поверили в них не все. Необходимо иметь в виду также, что эти работы имели не только научное значение как первое верное изображение русских открытий на берегах Тихого океана, но и политическое. Они обосновывали права России на открытые ею области. Это обстоятельство также сыграло немаловажную роль в том, что в научном мире у Миллера появились оппоненты.

В 1755 г. в полемику с «русским офицером флота» вступил швейцарский географ С. Энгель. Укрывшись за инициалами М. С. Е. В. Д. А., он опубликовал в той же «Новой библиотеке Германии» серию статей⁶³, затронув в них вопрос о русских открытиях. Уже здесь он сформулировал свой главный тезис, который затем так решительно защищал до конца своих дней, что Азия на русских картах на 30 градусов отодвинута на восток по политическим соображениям⁶⁴. И хотя в 1759 г. в печати еще раз появилось имя Делиля как автора опубликованной в 17-м томе «Всеобщей истории путешествий» статьи, в которой он, проигнорировав сочинения Миллера и

⁶² Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1758. С. 396—397.

⁶³ Nouvelle Bibliothèque Germanique... Т. 16. Р. 162—188, 366—401; Т. 17. Р. 44—109, 364—419.

⁶⁴ Ibid. Т. 16. Р. 397—398.

Доббса, продолжал настаивать на своих заслугах⁶⁵, главным действующим лицом продолжавшейся дискуссии стал именно С. Энгель.

В 1765 г. он издал на французском языке анонимное сочинение, которое в 1772 г. вышло в немецком переводе уже с указанием имени автора. Это были напумовские «Географические и критические примечания о положении северных областей Азии и Америки»⁶⁶. В них Энгель, ни разу за свою жизнь не перешагнувший границ Франции и Швейцарии⁶⁷, дал критический анализ скрупулезнейшим образом собранных им известий. Высоко оценив сочинения Гмелина и Миллера в целом, Энгель, однако, обвинил их авторов в том, что они по поручению русского правительства утаили многие важные известия, которые были в их распоряжении, и дали искаженную картину русских открытий в этом районе. В результате азиатская часть России оказалась отодвинутой на восток на 30 градусов, что должно было отбить охоту у западноевропейских мореплавателей к исследованиям в Ледовитом океане и к попыткам осуществить проход через него в Тихий океан. Особенно ополчался он при этом против Миллера, который в отличие от Гмелина остался в России и был профессором Академии наук. «Нечего удивляться, — заявлял он, — что Миллер действует в соответствии с намерением русского двора и предпринимает все возможные усилия, чтобы держать иностранцев в неведении»⁶⁸. В противовес Миллеру он доказывал, что проход по Ледовитому океану вполне осуществим уже в условиях XVIII в. и что он может стать даже более удобным и быстрым, нежели путь вокруг мыса Горн или мыса Доброй Надежды. Уже в издании 1765 г. Энгель начал активно развивать поль-

⁶⁵ Влияние Миллера сказалось здесь лишь в том, что Делиль совсем выпустил рассказ о плавании Беринга в 1741 г., который был наиболее уязвимым местом его «Изъяснения» (см.: Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten. . S. 202)

⁶⁶ Engel S. Geographische und kritische Nachrichten und Anmerkungen über die Lage der nordischen Gegenden von Asien und Amerika Mitau; Leipzig, 1772.

⁶⁷ Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten. . S. 205

⁶⁸ Engel S. Op. cit S. 29.

зовавшуюся у части европейских ученых идею о том, что полярные воды вблизи полюса свободны ото льда, который образуется лишь у устьев несущих пресную воду рек. Это обстоятельство, считал он, хорошо известно русским, но они скрывают его по тем же политическим соображениям.

Не убедило Энгеля и «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, много раз выходившее за рубежом на различных языках, где небольшой раздел посвящался итогам Второй Камчаткой экспедиции. Этот труд, полагал он, был также написан по приказу сверху и, стало быть, содержал лишь те известия, которые могли быть открыто сообщены миру ⁶⁹.

А. И. Андреев справедливо отметил в свое время, что книга Энгеля содержала «немало догадок и соображений о том, что в России нельзя писать правду об открытиях, сделанных участниками Второй Камчатской экспедиции, что Сенат подвергал жестокой цензуре сочинения Миллера, Крашенинникова и др.» ⁷⁰. Миллер, действительно, как было отмечено уже П. П. Пекарским, следуя различным цензурным ограничениям, не смог опубликовать и сотой доли тех ценнейших известий, которые были в его распоряжении. Однако, согласившись с этим выводом Андреева, нельзя все же не признать абсурдности выдвинутых Энгелем обвинений в адрес российских ученых в сознательном искажении истины.

Справедливости ради надо сказать, что Энгель вслед за Миллером отверг «реляцию» де Фонте как баснословную ⁷¹. П. Гофман отметил также поразительное усердие, с которым собирал Энгель свои доказательства, остроту и обстоятельность критического рассмотрения различного рода данных ⁷². Он знал, к примеру, единственное, ставшее известным в это время в Европе сочинение М. В. Ломоносова «Мысли о происхождении ледяных гор в северных морях», напечатанное в 1763 г. в

⁶⁹ Ibid. S. 333.

⁷⁰ Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Второй Камчатской экспедиции С. 9

⁷¹ Nouvelle Bibliothèque Germanique T. 16 P. 165.

⁷² Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten... S. 202.

издании шведской Академии наук⁷³. Очевидно, именно эти качества сочинений Энгеля привлекали поначалу внимание некоторых исследователей.

Гофман считал также, что и Энгель в своих обвинениях руководствовался скорее не научными, а политическими соображениями. Он полагал, что Россия стремится осуществить в районе Тихого океана свои колониалистские планы. Поэтому, будучи ярым противником колониальной системы, тех жестокостей, которые европейцы творили в своих колониях, и плохо представляя себе ситуацию, сложившуюся в России, он с позиций этих взглядов отвергал ее притязания на власть над нерусскими народами Сибири⁷⁴.

Возможно, что такие мотивы и имели место в начале выступления Энгеля. Но очень скоро желание любой ценой доказать легкость северо-восточного прохода и уличить Россию во лжи свело на нет их благородный смысл и не только лишило работы Энгеля всякой научной ценности, но и превратило его самого в досужего и чванливого клеветника.

При посредничестве Бюшинга Энгель, написавший два письма Миллеру, побуждал последнего ответить на «критику». Приняв молчание его за согласие с ней, Энгель в немецком переводе своей книги усилил некоторые замечания французского оригинала, сделав их более острыми. При этом он подкрепил и обоснования своей точки зрения. Его идея о возможности легкого и быстрого прохода через Ледовитый океан опиралась прежде всего на различного рода фантастические сведения и слухи. Но главными были для него все же материалы самих русских исследований, в которых он выискивал противоречия, оговорки и прочие несообразности и умело использовал их. Из того, например, что Гмелин насчитал от Якутска до Охотска 800 немецких миль, Миллер — 977, а по русской карте, считал Энгель, не наберется и 600, он делал вывод об имеющемся стремлении увеличить протяженность Азии⁷⁵. При знании отдельных

⁷³ Андреев А. И. Труды Ломоносова по географии России // Ломоносов: Сборник статей и материалов М.: Л., 1946 Т. 2 С. 138.

⁷⁴ Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten. S. 207.

⁷⁵ Engel S. Op. cit. S. 65.

деталей, которые были ему на руку, Энгель обнаруживал и поразительное невежество. Доказательству того, что автором «Письма русского офицера флота» является Миллер, посвящен десяток страниц в издании 1772 г., в то время как уже в 1758 г. Миллер открыто признался в этом.

В 1773 г. в дискуссию вступил Бюшинг. В одном из первых номеров «Еженедельных известий», которые начали выходить с этого года, он поместил критическую рецензию на книгу Энгеля. Она была написана им в еще довольно благожелательном тоне, но позицию автора определила сразу: он прочно встал на точку зрения русской стороны. «Я вижу, — писал Бюшинг, — что г. Энгель не прав, когда помещает Якутск по сию сторону 140°, а гавань Петра и Павла на Камчатке под 166. Мне кажется также, что он не прав и в том, что обвиняет г. Миллера, будто бы он намеренно продвинул Азию на 30° к востоку»⁷⁶. Бюшинг не мог не признать, что в правление императрицы Елизаветы имело место желание сохранить русские открытия в секрете, но задавал при этом вполне резонный вопрос: «Разве не верно, однако, что делалось это по примеру испанцев, голландцев, англичан и др., которые также свои открытия всегда или хотя бы некоторое время держали в тайне?»⁷⁷.

Отметив нежелание Миллера отвечать на надуманные обвинения, Бюшинг пообещал все же опубликовать в скором времени письмо ученого из России на эту тему. Оно появилось в 50-м номере журнала⁷⁸, и в нем Миллер, внимательно следивший, как оказалось, за европейской литературой, объявил обвинение Энгеля в намеренном искажении истины «совершенно недоказанным и абсолютно ложным». «Такое произвольное суждение, — писал он, — было бы простительно г. Энгелю, если бы речь шла о Центральной Африке, но не о Сибири, о которой мы теперь так же хорошо все знаем, как о любой части Европы»⁷⁹. Пытаясь понять, чем вызваны доверие Энгеля к старым известиям и произвольный от-

⁷⁶ Wöchentliche Nachrichten Bd. 1. S. 300.

⁷⁷ Ibid. S. 302.

⁷⁸ Копия его хранится в ЛО Архива АН СССР (Ф 21 Оп 3. № 80 Л 6—11 об.).

⁷⁹ Wöchentliche Nachrichten. Bd. 1. S. 401.

каз от результатов новейших русских исследований, Миллер приходит к правильному заключению, что этот отказ позволяет ему «укоротить» путь по Ледовитому океану, возможность и легкость которого является для него аксиомой, и таким же образом в спекулятивных целях «удлинить» северо-западное побережье Америки⁸⁰.

В заключение Миллер писал о том, что если Энгель изменит свое презрительное отношение к России, то он будет счастлив сообщить ему для нового издания его книги многие новые важные известия об открытиях в этом районе.

В необходимости изменить ошибочное мнение пытался убедить Энгеля и Бюшинг. Призывая его к примирению, он указывал на то, что этого требует научная объективность, которая должна быть присуща каждому настоящему ученому. Позиция Миллера, считал Бюшинг, «привлекала не только своей правотой, основанной на солидном опыте и надежных источниках, но и тем усердием, с которым он, как патриот, отстаивал честь своей второй родины — России». «Неужели Вы сами не поступили бы так же, если бы речь зашла о чем-либо подобном в отношении Вашей республики Берн?» — писал он в открытом письме к Энгелю⁸¹. И в других своих письмах к нему он пытался убедить Энгеля в надуманности его выводов.

Однако Энгель не внял этим призывам. Более того, он встал в позу оскорбленного и, развивая далее свои положения, снабдил их во втором издании своей книги разного рода инсинуациями в адрес Миллера⁸². Если ранее он упрекал его в уступке давлению сверху, то теперь заговорил о корысти, о «надежде устроить свое счастье», которые якобы заставили ученого сознательно изменить бывшие в его распоряжении данные. В ход были пущены история с запрещением речи-диссертации в 1749 г. как подтверждение гонений на Миллера, разного рода слухи о его явных и тайных врагах в России, о баснословных подарках ему императорского двора и т. п.

⁸⁰ Ibid. S. 406.

⁸¹ Ibid. Bd. 2. S. 33—35.

⁸² Engel S. Neuer Versuch über die Lage der nordischen Gegenden von Asia und Amerika, und dem Versuch eines Weges durch die Nordsee nach Indien. Basel. 1777.

Бюшинг, который познакомился с новой редакцией книги Энгеля в рукописи, пытался предотвратить ее появление в свет в таком виде. Но это привело лишь к разрыву их отношений. Энгель воспользовался на этот раз услугами безельского издательства и дополнил книгу не менее резкими выпадами против Бюшинга и его «Еженедельных известий», каждое слово которых в защиту Миллера было подвергнуто придирчивому и уже явно ненаучному разбору. Как только книга вышла, Бюшинг разразился сердитой, разгромной рецензией на нее в своем журнале⁸³. Уже не стесняясь в выражениях, он обвинил Энгеля в заведомой фальсификации фактов, в слепом доверии к старым испанским картам Америки, к известиям голландцев о плаваниях их по Ледовитому океану до устья Лены и в упрямом отказе от данных астрономических наблюдений, проведенных в России.

Пытаясь отстоять честное имя своего друга, Бюшинг указал и на источник сомнительной информации, которым пользовался Энгель. Это были известия все того же И. Б. Шерера, незадолго перед тем вернувшегося из России и примкнувшего к лагерю ее явных недоброжелателей. Как и в случае с книгой Стеллера и обвинениями в плагиате Крашенинникова, Бюшинг занял принципиальную, объективную позицию и подверг резкой критике измышления Шерера.

Как географ, Бюшинг, конечно, и сам весьма интересовался идеей северо-восточного прохода. Судя по первой рецензии⁸⁴, он верил в возможность его осуществления и внимательно следил за литературой на эту тему. Он разрекламировал, к примеру, организационную деятельность Д. Баррингтона, инициатора известного плавания к Северному полюсу в 1773 г. капитана Фиппса, поддержал его идею об организации нового плавания⁸⁵. Оповестил Бюшинг своих читателей и о премиях, установленных английским парламентом для тех, кто первым достигнет 89° с. ш. и откроет северный путь из Атлантики в Тихий океан⁸⁶. Это не помешало ему, однако, высказать и критические замечания на книгу Баррингто-

⁸³ Wöchentliche Nachrichten Bd. 5 S. 185—196, 201—206

⁸⁴ Ibid. Bd. 1 S. 302

⁸⁵ Ibid. Bd. 5 S. 261—262, 273—277.

⁸⁶ Ibid. Bd. 4. S. 94.

на ⁸⁷. Некоторые сомнительные известия о плаваниях к Северному полюсу, собранные в ней, сближали ее, по мнению Бюшинга, с книгой Энгеля ⁸⁸.

Когда же к концу 70-х гг., особенно после плавания Д. Кука к Южному полюсу, ученые стали пересматривать идею незамерзающих морских вод, Бюшинг изменил свой благоприятный прогноз относительно прохода через полярные моря. В 1778 г. он писал на этот счет, что проведенные исследования сделали «весьма сомнительным мнение Бюффона, Ломоносова, Гранца и Энгеля о том, что лед в северном море образуется только у берегов из пресной воды» ⁸⁹. Так что и в этом вопросе Бюшинг в конечном счете встал на точку зрения Миллера, отвергнувшего эту идею как несостоятельную еще в «Описании морских путешествий» в 1758 г.

Насколько велик был для Бюшинга авторитет русского ученого в вопросах географии России, свидетельствует также история с публикацией Я. Штелиным «Краткого известия о новоизобретенном северном архипелаге», опубликованного в 1774 г. ⁹⁰. Бюшинг первым откликнулся на него за пределами России. Он обратил внимание научной общественности на эту статью Штелина и поместил обстоятельное извлечение из нее в «Еженедельных известиях» ⁹¹. Как известно, на карте Штелина, приложенной к «Известию», Аляска была изображена в виде большого острова, а между Азией и Америкой показан так называемый Северный архипелаг, открытый якобы во время плавания 1764—1767 гг. лейтенанта И. Синда. С легкой руки Бюшинга это курьезное известие о сенсационных открытиях, которое только запутало и без того неясный вопрос о северо-западном побережье Америки и Алеутских островах, распространилось в Западной Европе. Вскоре появились его переводы на немецкий, английский и французский языки. Имя автора в них сопровождалось указанием его авторитетных титулов: член и секретарь Петербургской Академии наук и Королевского общества в Лондоне. Бюшингу пришлось опубли-

⁸⁷ Barrington D. The probability of resching the north pole discused London, 1775

⁸⁸ Wöchentliche Nachrichten Bd. 3. S. 291—293.

⁸⁹ Ibid Bd. 6. S. 263—264.

⁹⁰ Месяцеслов исторический и географический на 1774 год СПб., 1774

⁹¹ Wöchentliche Nachrichten. Bd. 2. S. 56, 59—70.

ковать затем статью-опровержение, которая была прислана ему из России Миллером ⁹². Эта статья еще ни разу не попадала в поле зрения советских географов. В ней Миллер, основываясь на показаниях «алеутского князя», с которым ему при помощи самой Екатерины II удалось побеседовать в Москве в 1771 г., а также на имевшихся в его руках документах о плаваниях русских промышленников и купцов, дал новую, приближающуюся к современной группировку Алеутских островов. Помимо русских названий им были приведены также местные алеутские названия этих островов. Миллер выделял в них четыре группы: Сасигнан (4 острова), Хао (8 островов), Него или Андриановские (16 островов) и Лисьи (160 островов). По поводу острова «Алашка» им было замечено, что, «очевидно, промышленники превратили в него материк» ⁹³.

Представляя читателям эту статью, а также приложенное к ней письмо Миллера, Бюшинг еще раз подчеркнул авторитетное мнение «весьма заслуженного в географии и истории России ученого, настоящего архивариуса, обладающего огромным собранием лучших географических и исторических известий о России», занимающегося русскими открытиями с «величайшей тщательностью, точностью и любовью» ⁹⁴. Что касается известия Штелина, то, вернувшись к нему в рецензии на собрание анекдотов о Петре I, Бюшинг писал: «Господину статскому советнику явно не везло в исторических и географических науках» ⁹⁵.

В дискуссии о русских открытиях значительную роль сыграла увидевшая свет в 1776 г. в Гамбурге и Лейпциге книга «Новые известия об открытиях в море между Азией и Америкой» ⁹⁶. Эта книга заслуживает того, чтобы остановиться на ней особо, так как данные ее вошли в советскую науку как надежные и основательные, а ни об авторе, ни об истории ее выхода пока нет еще достоверных известий. Представляя ее читателям, Бю-

⁹² Ibid Bd. 2. S. 121—132.

⁹³ Ibid S. 123.

⁹⁴ Ibid. Bd. 2 S. 121—122.

⁹⁵ Ibid. Bd. 13 S. 201.

⁹⁶ Neue Nachrichten von denen neuentdeckten Insuln in der See zwischen Asien und Amerika, aus mitgetheilten Urkunden und Auszügen verfasst von I. L. S. Hamburg; Leipzig, 1776.

шинг признался в том, что не знает имени автора, ук-
рывшегося за инициалами И. Л. С. Но оснащенность
книги документальным материалом, а также ее направ-
ленность как против известия Штелина, так и против
позиции Энгеля заставили его предположить участие в
ней Миллера. Правда, позднее, получив, очевидно, соот-
ветствующую рекомендацию своего друга, Бюшинг от-
казался от этого предположения и заявил, что ни Мил-
лер, ни Академия наук не имели отношения к работе
анонимного автора ⁹⁷.

Свою причастность к этому сочинению Миллер при-
знал во время бесед с В. Коксом в 1778 г. в Москве. Он
заверил Кокса в том, что сведения анонима верны, по-
скольку опираются на надежнейшие источники. Поэтому
Кокс перевел это сочинение на английский язык и
включил в свою книгу ⁹⁸, дополнив его полученными в
России материалами, в том числе картами и извлече-
ниями из судовых журналов П. К. Креницына, М. Д. Ле-
вашова, Н. Шалаурова. В 1783 г. книга Кокса была пе-
реведена на немецкий язык ⁹⁹. «Я неохотно верю кни-
гам, — писал в предисловии Кокс, — авторы которых
скрывают свое имя, но люди, знающие дело, сказали
мне, что этот труд написан на основе оригинальных из-
вестий... Г. Миллер, который работает над книгой о рус-
ских мореплаваниях, сравнил этот труд немецкого авто-
ра с подлинными журналами, которые хранились при
петербургском дворе, и обнадежил меня следующими
словами в том, что он верен, надежен и точен: «Вы сде-
лаете хорошо, если для пользы своих соотечественников
переведете на английский язык небольшую книжечку о
лежащих между Камчаткой и Америкой островах. Нет
сомнения в том, что автор был снабжен хорошими из-
вестиями и верно воспроизвел их. Я сравнивал книгу с
оригиналами». После такого заверения, которое заслу-
живает полного доверия, я счел за необходимость ис-
пользовать немецкую книгу» ¹⁰⁰.

Бюшинг, конечно же, не преминул подчеркнуть это
обстоятельство, как только вышло английское издание

⁹⁷ Wöchentliche Nachrichten Bd 4 S. 323, Bd. 6. S. 236.

⁹⁸ Coxe W. Account of the Russian discoveries between Asia
und Amerika. London, 1780.

⁹⁹ Coxe W. Entdeckungen der Russen zwischen Asien und
Amerika. Frankfurt, Leipzig, 1783.

¹⁰⁰ Ibid. S. VI—VII.

книги Кокса. Он обратил при этом внимание и на тот факт, что сам Кокс рассматривал свою книгу, написанную только на основе русских источников, как своеобразное продолжение сочинения Миллера о плаваниях русских до 1742 г. и в то же время как подготовительный материал к новому полному и обстоятельному труду, который следует ожидать от Миллера¹⁰¹.

Таинственность, с которой был связан выход книги в 1776 г., невозможно понять, не уяснив вопрос о ее авторстве. В литературе на этот счет высказывались разные мнения. Н. Г. Фролов в 1855 г. считал ее принадлежащей Шлецеру¹⁰². В 1948 г., ссылаясь на американского географа Л. Стейнегера¹⁰³, А. И. Андреев приписал ее некоему И. Л. Шульцу¹⁰⁴. Он повторил это утверждение и в статье 1959 г. Никаких сведений о том, кто был Шульце, не приводилось. Так имя мифического Шульце, иногда даже со ссылкой на Стейнегера¹⁰⁵, стало появляться на страницах наших изданий¹⁰⁶.

Однако А. И. Андреев допустил ошибку, на которую уже было указано П. Гофманом. У Л. Стейнегера, к мнению которого Гофман присоединяется, стоит другое имя — Иоганн Лоренц Ставенгаген, сотрудник Петербургской Академии наук. Сын петербургского портного, он был зачислен в число учеников академической гимназии в 1736 г. в возрасте десяти лет. Как отличный знаток латинского, немецкого и французского языков он был оставлен в Конференц-архиве для копирования бумаг и использования в Географическом департаменте¹⁰⁷. С 1751 по 1757 г. составлял протоколы заседаний конфе-

¹⁰¹ Wöchentliche Nachrichten. Bd. 9. S. 132.

¹⁰² Фролов Н. Г. Материалы для истории северных путешествий и открытий на северо-востоке Азии и на северо-западе Америки // Магазин землеведения и путешествий Географический сборник, издаваемый Николаем Фроловым М., 1855 Т. 1. Ч. 1 С. 514.

¹⁰³ Steyneger Leonard. Who was I. L. S? // The Library Quarterly. The University of Chicago Press. 1934. Vol. 1. January. № 2. P. 334—340.

¹⁰⁴ Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в XVIII в.: (Обзор источников и литературы) // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. С. 23.

¹⁰⁵ Греков В. И. Указ соч С. 369

¹⁰⁶ Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725—1800). М., 1957. С. 259.

¹⁰⁷ Материалы для истории Академии наук. Т. 3. С. 282; Т. 7. С. 61, 88, 115.

ренции и заведовал ее архивом. В 1757 г. Ставенгаген получил пост второго редактора газеты «Санкт-Петербургские ведомости», работал в ней под руководством Я. Штелина, а с 1763 по 1779 г. возглавлял ее издание ¹⁰⁸. Известен также его интерес к географии и способности к научной работе. Он был автором учебного пособия по древней географии ¹⁰⁹, изданного на русском языке в Петербурге в 1753 г. (под именем Ивана Ивановича Ставенгагена) и дважды переиздававшегося ¹¹⁰.

Г. Ф. Миллер сотрудничал со Ставенгагеном с начала 50-х гг. Последний, получив специальный «ордер» Шумахера, готовил для Миллера материалы Конференц-архива во время создания «Письма русского офицера флота» ¹¹¹. Тогда же Миллеру было поручено сочинить описание сибирского путешествия, и «архивариус Ставенгаген должен» был «все то, что в архиве к сей материи принадлежит... выдавать» ему «е роспискою» ¹¹². Л. Стейнегер полагал, что и «Собрание Российской Истории» Миллер готовил не без помощи Ставенгагена, хорошо знавшего его работы и их источники ¹¹³. Миллер поддерживал со Ставенгагеном связь и после переезда в Москву, поручал ему поиск интересовавших его документов в академическом архиве, принимал участие в устройстве его детей, о чем свидетельствуют письма Ставенгагена ¹¹⁴. Опытный публицист, хорошо знавший цену историческому документу, разбиравшийся в географических вопросах человек, Ставенгаген был самой подходящей кандидатурой в авторы памфлета, направленного против дезинформирующих известий Я. Штелина, выданных им от лица Академии. Понятно, что в такой ситуации ему было удобнее скрыться за инициалами своего имени И. Л. С., которые ничего не говорили уче-

¹⁰⁸ Eichhorn Karl. Die Geschichte der St. Petersburger Zeitung 1727—1902. St Petersburg, 1902 S. 86.

¹⁰⁹ Ставенгаген И. Л. Краткое руководство к древней географии с изъяснением нынешнего состояния известных в древние времена земель: Собрано из разных авторов СПб, 1753

¹¹⁰ Ливотова О. Э., Португаль В. Б. Востоковедение в изданиях Академии наук 1726—1917. Библиография М, 1966. С 22 № 151.

¹¹¹ ЛО Архива АН СССР. Ф 21 Оп 1 № 23. Л 13

¹¹² Там же Л 33

¹¹³ Steyneger Leonard. Op. cit. P 340.

¹¹⁴ ЛО Архива АН СССР. Ф. 21 Оп. 3. № 248. Л 1—7

ному миру вне узкого круга Петербургской Академии наук.

Миллер явно имел причастность и к снабжению Ставенгагена материалами, что, кстати, подчеркивалось названием его труда («из сообщенных грамот и выписок»), помогал ему рекомендациями и советами.

Сохранилось черновое письмо Миллера на русском языке с неуказанным адресатом, которое, исходя из содержания, может быть датировано концом 1775 — началом 1776 г. В нем содержатся рекомендации и советы автору. «Споры незнающих и страстями зараженных людей, — писал Миллер, — не должны Вас в сумнительство приводить о пространстве Азии к северо-востоку, как оно на академических картах означено. Г. Энгельиной причины не имеет противуречить оному пространству, окромя что от онаго умножаются трудности мореплавания по Ледовитому морю, которые он всячески уменьшить хочет». Миллер советовал привлечь к исследованию только что изданное в Париже сочинение младшего Бюаша, который встал на точку зрения русской стороны, признав это «пространство», и получил одобрение от Парижской Академии наук. Эту книгу Ставенгаген мог взять у Эйлера (сына или отца — неизвестно), которому Миллер послал один из двух полученных из-за границы экземпляров ¹¹⁵.

Вполне возможно, что к делу создания книги Ставенгагена приложил руку и П. С. Паллас, вернувшийся из сибирского путешествия и подключившийся к дискуссии о русских открытиях. В 1777 г. он написал статью на эту тему, которая была послана Ж. Л. Бюффону и опубликована в Париже, а рукописный немецкий перевод ее Паллас разослал «некоторым зарубежным друзьям». В 1781 г. эта статья была опубликована полностью в его журнале ¹¹⁶, и в ней Паллас также подтверждал надежность известий И. Л. С. ¹¹⁷

Ставенгаген, конечно, отражал мнение Академии наук, когда писал о своей книге: «Известно, что некоторые географы неверно помещают Америку ближе к востоку,

¹¹⁵ Там же. Ф. 21. Оп. 3. № 310 Л. 29.

¹¹⁶ Erleuterungen über die im östlichen Ozean zwischen Sibirien und Amerika geschehenen Entdeckungen // Neue Nordische Beiträge. St. Petersburg; Leipzig, 1781. S. 273—313.

¹¹⁷ Ibid. S. 273—274.

чем это есть на самом деле, и укорачивают Сибирь на много градусов. Однако верные Миллеровы известия и предположения о положении этих отдаленных областей все более и более подтверждаются, и они в конце концов одержат победу над клеветами праздных, досужих на измышления чванливых кабинетных ученых... Протяженность Азии на восток более чем за 200° долготы уже почти вне сомнения»¹¹⁸

Возвращаясь к Бюшингу, необходимо сказать, что именно он, очевидно, и явился причиной ошибки А. И. Андреева. В авторском экземпляре «Еженедельных известий» против инициалов И. Л. С. на полях рукою Бюшинга сделана приписка «Schulze»¹¹⁹. Бюшинг считал книгу Ставенгагена прекрасной, советовал своим читателям брать из нее достоверную информацию о плаваниях и открытиях русских в Тихом океане с 1745 по 1771 г.¹²⁰

Можно смело утверждать, что точка зрения Энгеля в 70-е гг., когда к дискуссии подключились «Еженедельные известия», была отвергнута в литературе в значительной степени благодаря неумолимой деятельности Бюшинга. Тесные связи с Петербургской Академией наук, авторитет крупного и признанного специалиста в области истории и географии России делали его позицию весомой и основательной. Если в 60-е гг. точка зрения Энгеля пользовалась еще поддержкой у части ученых (среди таковых можно назвать, к примеру, Роберта Вогонди, французского географа, вступившего в дискуссию в 1768 г., который принимал почти все аргументы Энгеля, чтобы уличить Россию в «удлинении» Азии¹²¹), то к середине 70-х гг. Энгель, по существу, остался в одиночестве. Даже французские географы в это время оказались в русском лагере, о чем свидетельствует выступление уже упомянутого младшего Бюаша в 1775 г. В брошюре, посвященной этой теме¹²², он оспорил мнение Энгеля и Вогонди о положении северо-востока Азии и северо-запада Америки и защищал правильность рус-

¹¹⁸ Neue Nachrichten von denen neuentdeckten Insuln.. S 5

¹¹⁹ Wöchentliche Nachrichten Bd. 4. S 323

¹²⁰ Ibid. Bd. 4. S. 325.

¹²¹ Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten... S. 213.

¹²² Buache I. N. Memoires sur les pays de l'Asie et de l'Amerique seitiés au nord de la mer du sud... Paris, 1775.

ских карт в отношении протяженности Азии, положения Камчатки и пр.¹²³. Он заявлял, что если эти карты и не совсем точны, то эта неточность не столь велика и является следствием несовершенства приборов, с помощью которых проводились в XVIII в. астрономические наблюдения¹²⁴.

Узнав о выходе брошюры Бюаша из письма, еще не видя ее самой, Бюшинг тотчас отметил в «Еженедельных известиях», что «направлена она против господ Вогонди и Энгеля и, напротив, защищает мнение г. статского советника Миллера в известном вопросе»¹²⁵. Получив книгу, он вернулся к ней в обстоятельной рецензии¹²⁶.

Обещанный В. Коксом труд Миллера по истории новых плаваний в Тихом океане так и не был написан, хотя материалы для него Миллер собирал с начала 60-х гг. Об этом свидетельствует его переписка с сибирским губернатором Ф. И. Соймоновым¹²⁷. Миллер успел описать лишь экспедицию П. Я. Чичагова к Северному полюсу по судовым журналам и другим материалам, которые были предоставлены ему Адмиралтейств-коллегией. Бюшинг, зная об этом труде, неоднократно просил Миллера прислать ему если не весь труд, то хотя бы извлечения из него, чтобы рассказать миру об этом смелом предприятии¹²⁸. Но тот подал его в 1777 г. на просмотр главному цензору России — Екатерине II и без ее согласия не мог отважиться на отправку за границу хотя бы его части. Этот труд в неоконченном виде был опубликован П. С. Палласом в 1793 г. в его журнале «*Neue Nordische Beiträge*»¹²⁹. В нем Миллер не мог не затронуть еще раз спорный вопрос и охарактеризовал позицию Энгеля как «ненаучную и эгоистичную».

¹²³ Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Второй Камчатской экспедиции. С. 11.

¹²⁴ Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten. S. 213.

¹²⁵ Wochentliche Nachrichten. Bd. 4. S. 78.

¹²⁶ Ibid Bd 4 S 403—404

¹²⁷ ЦО Архива АН СССР. Ф. 21. Оп. 3 № 268/2, 268/3

¹²⁸ Гофман П. О переписке Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга. С. 290—295

¹²⁹ Gerhard Friedrich Müllers Nachrichten von den neuesten Schiffahrten im Eismeer und in der Kamtschatkischen See, seit dem Jahr 1742, da die Zweite Kamtschatkische Expedition aufgehört hat. / Neue Nordische Beiträge. Bd. 5. 1793. S. 1—104.

Энгель «ненавидит Россию за то, — писал он, — что она до сих пор не нашла тот путь, в который он так твердо верит»¹³⁰.

Бюшинг поставил в этой дискуссии и последнюю точку. В 1778 г. Д. Кук доплыл до Берингова пролива и подтвердил в целом данные Беринга, служившие основой русских карт и утверждений Миллера. Письмо Кука и его преемника Ч. Клерка было послано в 1779 г. с Камчатки английскому послу в Петербурге. Паллас скопировал его и отправил Бюшингу. Тот не замедлил опубликовать его в «Еженедельных известиях»¹³¹. «Как оказалось, — говорилось в нем, — Беринг во время своего северного плавания ошибся всего на $4\frac{1}{2}$ градуса в долготе. Сибирь в результате наблюдений Кука не только не стала короче, как этого хотели гг. Энгель и Вогонди, но, наоборот, удлинилась еще на несколько градусов». Приведя указанные в письме Палласа долготы и широты, Бюшинг вслед за ним сделал последнее замечание недругу России: «Что же скажет теперь г. Энгель о положении пролива между Азией и Америкой? Разве что и англичан обвинит во лжи?»¹³².

Получив затем с очередной почтой из Петербурга скопированную Палласом карту Кука, основанную не только на собственных наблюдениях, но и на данных, полученных от русских промышленников и купцов, встреченных им на Аляске, Алеутских островах и на Камчатке, Бюшинг опубликовал результаты ее сравнения с имевшимися ранее картами этого района. «Эта карта, — замечал он, — ни с одной картой не согласуется более хорошо, как она согласуется с той, которая была изготовлена статским советником Миллером и издана Российской императорской Академией наук в 1758 г.»¹³³. Этот факт Бюшинг подчеркнул и год спустя, рецензируя дневник Кука, изданный в Берлине в 1781 г.¹³⁴. Как видим, ученый сумел понять и подчеркнуть важность для России результатов экспедиции Кука, которая подтвердила данные русских открытий и укрепила авторитет русской науки в Западной Европе.

¹³⁰ Ibid. S. 7.

¹³¹ Wochentliche Nachrichten. Bd. 8. S. 9—24.

¹³² Ibid. Bd. 8. S. 10, 12.

¹³³ Ibid. Bd. 8. S. 337.

¹³⁴ Ibid. Bd. 9. S. 386.

В заключение, как бы подводя своеобразный итог в споре, Бюшинг издал в своем «Магазине» пространное сочинение П. С. Палласа о русских открытиях на море между Азией и Америкой ¹³⁵. В этом сочинении были учтены все материалы сочинений Ставенгагена и Кокса и сообщено много новых известий о плаваниях и открытиях 40—70-х гг. XVIII в. на основании поденных записок самих мореплавателей и составленных ими карт ¹³⁶. Представляя его читателям, Бюшинг писал: «Мы принимаем публикацию этого сочинения тем охотнее, что оно служит к славе русского народа, который обеспечил иностранцам знание о такой части света, о которой в прошлые времена не имели и понятия» ¹³⁷.

Это сочинение Палласа, как и труды Миллера, широко использовалось западноевропейскими учеными при разработке истории географических открытий. Наглядным примером тому служат труды известных немецких ученых, просветителей, отца и сына Форстеров, участников второго плавания Д. Кука. Видный географ, Иоганн Рейнгольд Форстер назвал их во втором издании своей книги «История открытий и плаваний на Севере» в 1784 г. «сочинениями, написанными в подлинно философском духе». Благодаря им история русских открытий стала доступна каждому. Отмечая заслуги Г. Ф. Миллера в изучении истории русских открытий, он писал: «Первые открытия русских вдоль побережья Северного Ледовитого океана, определение вопроса, что Азия не соединяется с Америкой, расстояние русских земель от Японии и Америки были освещены заслужившим бессмертную славу статским советником Г. Ф. Миллером...» ¹³⁸.

Сын И. Р. Форстера, Георг Форстер, писал в 1791 г. как о само собой разумеющемся: «Все северное побережье Азии вдоль Ледовитого океана открыто и освоено в морском отношении русскими. Русские смельчаки доплывали до Шпицбергена, а Дежнев, казак и потомок

¹³⁵ Magazin für die neue Historie und Geographie. Bd 16. S. 237—286

¹³⁶ Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. С. 25

¹³⁷ Wöchentliche Nachrichten Bd 9. S 131.

¹³⁸ Forster I. R. Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden. Frankfurt an der Oder, 1784. S. 548.

первооткрывателей и покорителей Сибири, уже в 1648 г., обогнув северо-восточный мыс Азии, через пролив, отделяющий этот континент от американского, достиг устья реки Анадыря»¹³⁹. Форстер считал, что русским удалось разрешить задачу, которую неоднократно и тщетно пытались разрешить до них англичане. Обратившись к истории мореплаваний, осуществленных русскими в Тихом океане в XVIII в., Форстер подчеркнул «надежность наблюдений», проведенных ими относительно положения двух частей света — Азии и Америки. В статье широко фигурировали уже хорошо известные в Западной Европе имена Беринга, Чирикова, Шпанберга, Гвоздева, Креницына, Левашова, Брагина, Зайкова и других русских мореплавателей.

Утверждение научного знания о русских открытиях и географии в Западной Европе теснейшим образом связано с именами Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга, дающих нам образец бескорыстного служения науке и плодотворного научного сотрудничества. Их деятельность на поприще установления приоритета русских открытий на севере и востоке Азии, их пропаганда достижений русской науки сыграли немаловажную роль для России в условиях начавшегося в 70-е гг. XVIII в. ее соперничества на Тихом океане с Англией и Францией.

¹³⁹ Forster G. Kleine Schriften. Ein Beitrag zur Völker- und Länderkunde, Naturgeschichte und Philosophie des Lebens. Berlin, 1794. Zweiter Theil. S. 80—81.

Заключение

Приведенный в книге материал о журнальной деятельности двух видных представителей века Просвещения свидетельствует о широких научных связях, имевших место в Европе в XVIII столетии. Россия занимала в единой «республике науки» того времени значительное место. Научные знания этого века, в котором еще не развившийся буржуазный национализм не успел оторвать народы Европы друг от друга, не знали национальных границ, и научные исследования развивались в тесном сотрудничестве ученых разных стран. Поучительный пример такого сотрудничества дают нам Германия и Россия. Прав был академик Эдуард Винтер, когда говорил, что разрабатывать историю науки XVIII столетия вряд ли можно далее без основательного знания немецко-русских научных связей этого времени¹. Оно свидетельствует о полном несоответствии исторической истине положений культуртрегерской теории немецкой буржуазной националистической историографии, в особенности пресловутого «остфоршунга». Проповедь извечности глубинных внутренних различий в культурной и политической истории славянских и западноевропейских народов, отрицание вклада славян в общеевропейскую культуру и т. п. опровергаются конкретно-историческим материалом о немецко-русской взаимности XVIII в.

Наглядным примером ее служат труды Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга. Их широкая, разносторонняя дея-

¹ Winter E. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. Gesellschaftswissenschaften. Berlin, 1981. № 4/g. S. 26.

тельность на поприще пропаганды и популяризации научных знаний в области истории и географии России, нашедшая свое воплощение в издававшихся ими исторических журналах, способствовала международному признанию русской науки и культуры, повышению ее авторитета и влияния на западноевропейскую культуру. Руководимый Миллером первый исторический журнал Петербургской Академии наук сыграл видную роль в развитии рационалистического объяснения исторических явлений, в создании фундамента исторической критики, в розыске и публикации новых источников по русской истории, в становлении новой исторической науки века Просвещения. Все это обеспечило ему широкое признание научной общественности Германии и других европейских стран, способствовало формированию интереса к прошлому и настоящему России у профессиональной исторической науки Западной Европы.

Достойным продолжателем дела Г. Ф. Миллера стал в 60—80-х гг. XVIII в. А. Ф. Бюшинг. Его историко-географические журналы, рассчитанные на массового читателя, демонстрируют стойкий интерес к истории и географии России, к ее современным проблемам, к трудам русских ученых, многие из которых стали хорошо известными в Западной Европе благодаря неустанной популяризаторской деятельности Бюшинга. Имя этого немецкого ученого, крупного знатока России в Германии, заслуживает того, чтобы быть вписанным в историографию отечественной истории.

Видные ученые, выходцы из Германии, Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг, сыграли важную роль в пропаганде идей Просвещения в России. Народное образование, наука, печать — области, в которых они трудились, не без их влияния стали очагами распространения передовых идей, будителями национального самосознания русского народа в эпоху формирования нации. Весьма значителен их вклад в историографию России. Он свидетельствует о необходимости более широкой постановки вопросов истории исторической науки нашей страны. Включение в нее сочинений иностранных авторов, обращавшихся к истории России и интенсивно разрабатывавших ее, их специальный анализ могут дать много нового и интересного для понимания капитальных процессов изучения ее прошлого. Этот вывод, сделанный

советским ученым в отношении французской просветительской историографии России², целиком может быть распространен и на немецкую историографию века Просвещения.

Приведенные в книге материалы свидетельствуют также о несоответствии истине распространенного в советской литературе представления о полной зависимости немецких мыслителей от идей французского Просвещения, об узости и ограниченности рамками университетской науки просветительских идей в исторической науке Германии XVIII в. Пример Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга, а также А. Л. Шлецера, И. Тунмана, Х. Шмидта-Фисельдека и других немецких историков не позволяет согласиться с мнением о том, что большинство их в XVIII в. были беспомощными эклектиками, значительно уступавшими французским в критике источников. В отличие от французских историков, обращавшихся к широкой и живо воспринимавшей все новые идеи аудитории, немецкие историки, согласно этому представлению, имели дело с очень ограниченным кругом слушателей, к которому они обращались только с университетской кафедры. Влияние на них идей XVIII в. якобы сводилось лишь к тому, «что в области историографии стали появляться новые модные идеи, доходившие вместе с прочими французскими модами»³. Журнальная деятельность немецких историков, рассчитанная на массовую читательскую аудиторию, дает возможность говорить о том, что историческая наука Германии, в том числе и та, что была «пересажена» на русскую почву, сама была генератором новых прогрессивных просветительских идей, которые обогащали мировую историческую науку.

Особенно значительным представляется вклад немецких ученых, работавших в Петербургской Академии наук, в расширение географического диапазона исторических исследований, включения в их орбиту народов Сибири, Поволжья, Кавказа, соседних с Россией азиатских стран. Не менее важным следует признать их выход к поиску причинно-следственных связей в об-

² Шанский Д. Н. Некоторые вопросы истории России в трудах французских ученых II половины XVIII в. С. 59.

³ Косминский Е. А. Историография средних веков. С. 255—256.

ласти социальных и культурных отношений, к изучению истории ремесла и торговли, науки и культуры, языка и религии, быта и нравов. Широкая источниковая база их исследований, введение в научный оборот новых исторических источников и целых их комплексов дали возможность поставить и научно решать проблему достоверности исторического материала, проблему объективности поиска научной истины.

Автор книги будет считать свою задачу решенной, если она вызовет интерес к научному наследию Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга у советских исследователей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Часть первая. Первый исторический журнал Петербургской Академии наук «Sammlung Russischer Geschichte» и его восприятие в Германии	
1. Герард Фридрих Миллер в оценке русской дореволюционной и советской историографии	17
2. Путь к Российской истории	48
3. Публикации источников в «Собрании Российской истории»	71
4. Вопросы методики и теории исторического исследования в «Собрании Российской истории»	94
5. Российская история на страницах «Собрания»	122
6 Роль журнала в развитии немецко-русских научных связей XVIII в.	151
Часть вторая. Русская тема в историко-географических журналах А. Ф. Бюшинга	
1. Формирование научного интереса к России	189
2 Россия в «Магазине новой истории и географии» А. Ф. Бюшинга (1767—1788 гг.)	213
3. Дискуссия о русских открытиях в Сибири и на Тихом океане на страницах «Еженедельных известий» А. Ф. Бюшинга	246
Заключение	282

**РОССИЯ В НЕМЕЦКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XVIII в.
Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг**

Редактор *Т. В. Зелева*
Технический редактор *Г. Н. Гридина*
Корректоры *Н. С. Поддубная, Л. И. Дюканова*

ИБ 2175

Сдано в набор 16.02.88 г. Подписано к печати 27.10.88. КЗ07077.
Формат 84×108¹/₃₂; п. л. 9; усл. п. л. 15,12, уч.-изд. л. 14,36.
Парнитура литературная. Высокая печать. Заказ 146. Тираж 500 экз.
Цена 2 р. 20 к

Издательство ТГУ. 634029. Томск, ул. Никитина. 4.
Тип. «Красн. рабочий», г. Красноярск, пр. Мира, 9Г.

2 р. 20 к.